

ISSN 0131-677X

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

La Turcologie soviétique
Soviet Turkology
Sowjetische Türkologie

6

БАКУ • 1989

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 6

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

БАКУ — 1989

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
ACADEMY OF SCIENCES OF THE AZERBAIJAN SSR

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ
LA TURCOLOGIE SOVIETIQUE
SOVIET TURKOLOGY
SOWJETISCHE TURKOLOGIE

Редакционная коллегия: главный редактор Э. Р. Тенишев (Москва), зам. главного редактора С. Н. Иванов (Ленинград), первый зам. главного редактора А. М. Мамедов (Баку), зам. главного редактора К. М. Мусаев (Москва), И. Х. Ахматов (Нальчик), А. А. Ахундов (Баку), Р. Б. Бердибаев (Алма-Ата), Г. Ф. Благова (Москва), Н. З. Гаджиева (Москва), Э. А. Грунина (Москва), Е. З. Кажибеков (Алма-Ата), И. В. Кормушин (Москва), Л. С. Левитская (Москва), Т. Д. Меликов (Москва), Б. А. Набиев (Баку), Б. А. Назаров (Ташкент), Е. А. Поцелуевский (Москва), К. К. Султанов (Москва), З. Г. Ураксин (Уфа), А. А. Чеченов (Москва), А. М. Щербак (Ленинград).

Ответственный секретарь
Н. Г. Наджафов

«Советская тюркология», 370143, Баку, пр. Нариманова, 31. Академгородок. Тел.: 39-24-57, 39-22-86.

Editorial board: editor-in-chief E. R. Tenishev (Moscow), assistant editor S. N. Ivanov (Leningrad), the first assistant editor A. M. Mamedov (Baku), assistant editor K. M. Musayev (Moscow), I. H. Akhmatov (Nalchik), A. A. Akhundov (Baku), R. B. Berdibayev (Alma-Ata), G. F. Blagova (Moscow), N. Z. Gadzhdiyeva (Moscow), E. A. Grunina (Moscow), E. Z. Kazhibekov (Alma-Ata), I. V. Kormushin (Moscow), I. S. Levitskaya (Moscow), T. D. Melikov (Moscow), B. A. Nabiyeu (Baku), B. A. Nazarov (Tashkent), J. A. Potseluyevsky (Moscow), K. K. Sultanov (Moscow), Z. G. Uraksin (Ufa), A. A. Chechenov (Moscow), A. M. Scherbak (Leningrad).

Executive secretary
N. G. Nadzhatov

«Sovjetskaja tjurkologija», Akademija nauk
Azerbajdzanskoj SSR,
370143, Baku, prosp. Narimanova, 31.
Tel.: 39-24-57, 39-22-86.

The journal is published 6 times a year. Subscriptions should be sent to «Mezhdunarodnaya Kniga (Moscow Г-200). Annual subscription 6 roubles 60 kopeks.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Д. Г. ТУМАШЕВА, Н. И. ИРИСОВ

К ВОПРОСУ О ПАДЕЖНОМ ХАРАКТЕРЕ АФФИКСОВ
-ДАГЫ и -НЫКЫ

Традиционно принято считать, что падежная парадигма татарского языка, как и многих других тюркских языков, включает в себя шесть форм: основной (нулевая форма), притяжательный (-ның), направительный (-га), винительный (-ны), исходный (-дан) и местно-временной (-да) падежи. Однако мнения ученых относительно падежной парадигмы — самые разные. К падежным или падежеподобным аффиксам ими относятся также аффиксы -ча, -дай, -лы, -сыз и некоторые другие [1. С. 53—59 и др.].

Аналогичных взглядов придерживались и татарские языковеды в специальных статьях, посвященных проблемам категории падежа [2. С. 207—219; 3. С. 22—23].

М. З. Закиев, указывая, что традиционная шестичленная парадигма включает не все аффиксы, выполняющие падежную функцию, выдвигает два критерия для их выявления: падежное значение, которое заключается в выражении отношения имени к другим словам в предложении, и способность присоединения ко всем существительным [2. С. 216—217]. На основании этого делается вывод, что к традиционному признаваемому шести падежам в татарском языке должны быть добавлены еще шесть форм: на -лы, -сыз, -дагы и -гы, -дай, -ча.

Ф. А. Ганиев поддерживает мысль о падежном характере аффиксов -лы, -сыз, -дагы, -дай, но не включает в число падежных аффиксов -гы и -ча. В работе этого исследователя назван (хотя и не раскрыт с необходимой полнотой) еще один критерий падежного характера аффиксов — место присоединения [3. С. 21—23].

И все же большинство языковедов продолжает придерживаться традиционных представлений о шестичленной падежной парадигме татарского языка и словообразовательном характере аффиксов -дагы, -гы, -лы, -сыз, -дай, -ча.

Следует отметить, что каждый из «спорных» в отношении своего грамматического статуса аффиксов заслуживает отдельного рассмотрения с тем, чтобы выявить, насколько правомерно считать его падежным.

В настоящей статье аргументируется необходимость отнесения к парадигме склонения форм с аффиксами -дагы и -ныкы, падежный характер которых, на наш взгляд, является наиболее бесспорным. Первая форма названа М. З. Закиевым местно-временным I, а Ф. А. Ганиевым — местно-временным II падежом; вторая форма в названных статьях в числе аффиксов, выражающих отношение имени к другим словам в речи, не рассматривается [3. С. 21—23].

О грамматическом статусе аффикса *-ныкы* высказаны самые различные мнения, однако ни одно из них не является бесспорным. В татарском языкознании этот аффикс чаще всего рассматривается в качестве средства выражения принадлежности [4. С. 81; 5. С. 53—54]. Подобная точка зрения восходит к положению Н. К. Дмитриева о возможности выражения абстрактной принадлежности в тюркских языках синтаксическим способом, т. е. так же, как и в русском языке («эта книга моя»), хотя при этом сделана специальная оговорка, что подобным образом выраженная принадлежность «должна быть изучаема отдельно от морфологической категории принадлежности» (курсив наш.—Д. Т., Н. И.) [6. С. 23—24]. Другими учеными аффикс *-ныкы* относится к словообразовательным аффиксам притяжательных прилагательных [7. С. 110; 8. С. 150; 9. С. 86—88]. При этом иногда подчеркивается соотносительность его со значением родительного падежа и близость к словоизменительным аффиксам [9. С. 64, 88]. В ряде случаев в грамматические труды включаются только притяжательные местоимения, образованные при помощи этого аффикса, употребление же аффикса *-ныкы* с именными основами не рассматривается вообще [10].

С целью последовательного выявления отличий аффиксов *-дагы* и *-ныкы* от словообразовательных морфем и совпадения их грамматических особенностей с падежными аффиксами ниже охарактеризованы следующие их свойства: 1) функция и значение; 2) соотношение с традиционно включаемыми в падежную парадигму аффиксами местно-временного (*-да*) и родительного (*-ның*) падежей; 3) регулярность присоединения к склоняемым лексико-грамматическим разрядам слов; 4) способность присоединяться к именам, имеющим при себе определения или другие зависимые слова; 5) место присоединения; 6) синтаксические функции; 7) возможность опущения при однородных членах предложения.

1. Функция и значение падежных аффиксов, как известно, заключаются в том, что они, не внося никаких изменений в лексическую семантику слов, служат средством их синтаксической связи и выражают определенное отношение имени к остальным словам в составе словосочетания и предложения.

Аффикс *-дагы*, связывая имя с другими словами, может выражать:

а) отношение места: *урмандагы эш* 'работа в лесу', *леспромхоздагы хәлләр* 'дела в леспрохозе', *блоктагы тоткыннар* 'пленные в блоке' (примеры из произведений А. Абсалямова); *Урамдагы халык ташкыны*, *Варшавянка көенә жырлап, тәрәзә артыннан узалар* (Т. Гыйззэт) 'Поток народа на улице, напевая «Варшавянку», проходит мимо окон'. Сюда следует отнести и случаи присоединения аффикса *-дагы* к именам, при которых специальные определения выражают расстояние, степень протяженности в пространстве: *биш чакрым ераклыктагы авыл* 'деревня на расстоянии пяти верст', *жиде метр биеклектәге калкулык* 'холм высотой семь метров' и т. п.;

б) отношение времени: *Минем килен августтагы тургай ул!* (А. Гыйләжев) 'Моя невестка — что жаворонок в августе!';

в) отношение места в переносном, метафорическом, значении: *эштәге күңелсезлекләр* 'неприятности по работе', *күңелдәге теләк* 'желание в душе' и т. п.;

г) особую разновидность притяжательного отношения: предмет, названный подчиняющим членом словосочетания, члены которого связаны аффиксом *-дагы*, принадлежит к той группе (или разновидности) явлений, чья общая черта названа зависимым членом вместе с его определением: *готик стильдәге биек таш йортлар* (Г. Әпсәләмов) 'Высокие

каменные здания готического стиля'; *яхшы мәгънәдәге көнчелек* (В. Нуруллин) 'зависть в хорошем смысле'; *баш килештәге исем* 'существительное в именительном падеже' и т. п.

Судя по примерам, аффикс *-дагы* не создает слов с новым лексическим значением, он, как и все падежные аффиксы, служит лишь для связи слов, для передачи определенного отношения имени к другим словам в предложении. Иначе говоря, по своей функции и значению он является падежным аффиксом [3; 2].

Аффикс *-ныкы* как средство синтаксической связи употребляется в составе сказуемого и служит для выражения притяжательного отношения между подлежащим и сказуемым (объект, обозначенный подлежащим, принадлежит субъекту или другому объекту, выраженному сказуемым): *Хәзер инде чират Кафиянеке иде* (И. Гази) 'Сейчас очередь была уже за Кафией'; *Андый эшне формаль яктан идарә утырышында хәл итсәлар дә, фактически соңгы сүз председателнеке була* (В. Нуруллин) 'Хотя формально такие вопросы решаются на заседании правления, фактически последнее слово принадлежит председателю'. При оформлении сказуемого аффикс *-ныкы* служит для выражения притяжательного значения, но никак не для замены подчиняющего слова с аффиксом принадлежности. Так, пример *Ара-тирә Шәрифжанныкы да ишетелгәли* (И. Гази) 'Иногда слышится и (голос) Шарифзяна' можно анализировать как случай замены словоформой на *-ныкы* целого изафетного словосочетания *Шәрифжанның тавышы* 'голос Шарифзяна'. Можно восстановить опущенный член и сказать: *Ара-тирә Шәрифжанның тавышы да ишетелгәли*. В примере же *Хәзер инде чират Кафиянеке иде* бессмысленно говорить о каком-либо опущенном слове, ибо название предмета, принадлежность которого Кафии нужно выразить, употреблено в предложении в качестве подлежащего (*чират* 'очередь'). Аффикс *-ныкы* как раз и служит для выражения притяжательного отношения, а употребление в этом значении именно его, а не *-ның* определяется синтаксической позицией: сказуемое в современном татарском языке не может быть оформлено аффиксом *-ның* [11]. Следовательно, значение аффикса *-ныкы* в таких примерах — чисто надежное: он выражает определенное отношение имени в определенной синтаксической позиции к другим словам в предложении.

2. Обозначая отношение имени к другим словам по месту, времени и т. п., аффикс *-дагы* выражает те же самые грамматические значения, что и аффикс местно-временного падежа *-да*. При полном совпадении семантики эти аффиксы различаются синтаксическими позициями, в которых употребляются. Так, в предложении *Газинур леспромхоздагы хәлләр турында үзе күрәп белгән кеше кебек кызып, һәртләнеп сөйли иде* (Г. Әпсәләмов) 'О делах в леспромхозе Газинур рассказывал с жаром, увлеченно, словно видел все своими глазами' аффикс *-дагы* выражает отношение имени существительного *леспромхоз* к слову *хәлләр* 'дела' по месту. Отношение по месту может выражать и аффикс *-да*, однако в данном случае он не может быть употреблен, ибо, как правило, подчиняет имя глаголу, а в нашем примере подчиняющее слово *хәлләр* — имя существительное. С другой стороны, в предложении *Ул хәзер леспромхозда* 'Он сейчас в леспромхозе' грамматическое значение места — то же самое, но уже в позиции сказуемого оно выражается аффиксом *-да*: аффикс *-дагы* здесь неуместен.

Невозможно расположение аффикса *-да* и перед уподобительными послелогоми, и поэтому при выражении значений сравнения по месту, времени и т. п. всегда употребляется аффикс *-дагы*: *Теге вакытлардагы*

кебек, тамам эчларне бушатканчы сөйләшәсе иде... (Р. Төхфәтуллин) 'Выговориться бы до конца, как в те времена...'

Общность значений аффиксов *-да* и *-дагы* иногда удается проследить и в рамках одного предложения, например: *Аңлашыла ки, сугыш, бөтен әдәбияттагы кебек, А. Расих иҗатында да кискен борылыш тудыра* (Ф. Мусин) 'Понятно, что война вызывает серьезный поворот в творчестве А. Расиха, как и во всей литературе'. Здесь поворот, происшедший в творчестве А. Расиха (*иҗатында*), сравнивается с поворотом, происшедшим по всей литературе (*әдәбияттагы*). Единство грамматического значения аффиксов *-да* и *-тагы* совершенно очевидно. Употребление же одного или другого аффикса связано лишь с различием синтаксических позиций: перед уподобительным послелогом *кебек* (*әдәбияттагы кебек*) может находиться только аффикс *-тагы*, а в позиции зависимого члена глагольного словосочетания (*иҗатында тудыра* 'вызывает в творчестве') — только аффикс *-да*. В обоих случаях мы имеем дело с падежной формой. Таким образом, оба аффикса выражают одни и те же морфологические значения, но между ними существует распределение синтаксических позиций, иначе говоря, эти формы находятся в отношении дополнительной синтаксической дистрибуции.

Формы на *-ның* и *-ныкы* также различаются синтаксическими позициями, в которых употребляются. Так, например, форма на *-ның*, как правило, входит в изафетную конструкцию III типа, форма же на *-ныкы* отличается от нее способностью выступать в функции сказуемого (ср.: *Хәзер инде чират Кафиянеке иде—Хәзер инде Кафиянең чираты иде*).

Отношение дополнительной синтаксической дистрибуции, связывающее аффиксы *-дагы* и *-ныкы* с падежными аффиксами *-да* и *ның* [12], еще раз подтверждает падежный характер значения рассматриваемых аффиксов и служит доводом в пользу включения их в парадигму: соотносительность двух падежных аффиксов гораздо более вероятна, чем соотносительность падежного аффикса существительного со словообразовательным аффиксом прилагательного.

3. Как и традиционные падежные аффиксы, морфемы *-дагы*, *-ныкы* присоединяются к именам существительным, а также к тем разрядам или формам слов, которые обладают способностью склоняться как существительные (например, к именам действия, личным и другим местоимениям). К остальным частям речи они присоединяются лишь при их субстантивном употреблении: *Көмеш, бакыр акчалар ашлык жылгәргәндәге бодай бөртекләре сыман жиргә сибелде* (Я. Зәккиев) 'Серебряные, медные монеты посыпались на землю, как пшеничные зерна во время веяния'.

Таким образом, аффиксы *-дагы* и *-ныкы* присоединяются только к определенному классу слов (к словам, обладающим способностью склоняться), причем в этом классе — к любому слову — независимо от его семантики и других особенностей, т. е. круг их употребления словарно не ограничен. Это свойство, которое можно назвать регулярностью присоединения к склоняемым лексико-грамматическим разрядам слов, является важным признаком падежного характера аффиксов *-дагы* и *-ныкы*.

4. Аффиксы *-дагы* и *-ныкы* легко присоединяются к именам, имеющим при себе определения или другие зависимые слова: *жир мәсьәләсендәге дэгәвалар* 'споры по вопросу о земле', *жәйге чөлләдәге кебек* 'как в летний зной'; *Арча ашханәсендәге сугыш чорындагы рагу белән бер инде бу* (М. Мәһдиев) 'Это все равно, что рагу военного времени в столовой Арска'; *Хәмдиев шушы ук авылныкы иде* (Р. Төхфәтуллин) 'Хәмдиев был из этой же деревни'.

В приведенных примерах определение служит для конкретизации именной основы, имеющей аффиксы *-дагы* и *-ныкы*, что было бы невозможно, если бы последние являлись словообразовательными аффиксами прилагательных (ср. невозможность сочетаний *авыр эшчэн* от *авыр эш* 'тяжелая работа', *күчерелмэ мэгэнэ-дэш* от *күчерелмэ мэгэнэ* 'переносное значение'). Производные прилагательные могут определяться наречиями, относящимися к прилагательному в целом, а не только к его производящей основе: *бик эшчэн*, *өлешчэ мэгэнэдэш*. Падежные же аффиксы, в том числе *-дагы* и *-ныкы*, легко присоединяются к именам, имеющим при себе определения и другие зависимые слова: *авыр эш (-нең, -кә, -не, -таге, -неке* и др.), *күчерелмэ мэгэнэ (-нең, -гә, -дә, -дәге, -неке* и др.).

5. Чрезвычайно важным показателем падежного характера рассматриваемых аффиксов является и место их присоединения, расположение в цепи морфем [З. С. 24]: они следуют за аффиксами числа и принадлежности, т. е. занимают место падежных аффиксов, например, *аякларымдагы* 'на моих ногах', *чишмэләрегездәге* 'в ваших родниках', *өемдәге* 'в моем доме', *балаларыңныкы* 'твоих детей', *күршеләрнеке* 'соседей', *әниемнеке* 'моей мамы' и т. п.; *Аның хикәясе жәелә барган саен сугышчыларның йөзләрендәге ачулы караңгылык экрен-экрэн тарала барды* (Г. Әпсәләмов) 'Он рассказывал, и суровая мрачность на лицах бойцов постепенно проходила'.

Если аффиксы *-дагы* и *-ныкы* могут присоединяться в предложении к имени, значение которого конкретизировано определением или аффиксами числа и принадлежности (например, *сугышчыларның йөзләрендәге караңгылык* 'мрачность на лицах бойцов'), значит, они служат для выражения отношения конкретного, определенного предмета (в данном случае не вообще *йөз* 'лицо', а *сугышчыларның йөзләре* 'лица бойцов') к другому предмету, признаку либо действию по месту, принадлежности и т. п. Это свойство подтверждается способностью присоединения данных аффиксов к именам собственным: *Казандагы*, *Шәрифулланыкы*, — очевидным свидетельством того, что здесь налицо косвенные формы существительных.

Нельзя также считать каждую из словоформ типа *өемдәге*, *өендәге*, *өйләрдәге*, *өебездәге*, *өйләребездәге* и т. д. или *атамныкы*, *атаңныкы*, *атасыныкы*, *аталарыныкы*, *атагызыныкы*, *аталарыгызыныкы* и т. д., как и каждую из глагольных словоформ типа *жылгәргәндәге* 'во время веяния', *тыңлагандагы* 'во время слушания', *кабызгандыгы* 'во время зажигания' либо *йоклаганныкы* 'принадлежащий спящему', *күп йоклаганныкы* 'оттого, что много спишь' и т. д., отдельной лексической единицей, хотя признание аффиксов *-дагы* и *-ныкы* словообразовательными предполагает именно такое понимание перечисленных форм.

6. Слова с аффиксами *-дагы* и *-ныкы* отличаются от прилагательных своими синтаксическими функциями: для прилагательных типичны функции как определения, так и сказуемого: *кызыклы китап* 'интересная книга'; *бу китап кызыклы* 'эта книга интересная' и т. п. Слова же с аффиксом *-дагы* могут выступать лишь в функции определения (здесь они сближаются со словами, имеющими падежный аффикс *-ның*), а слова с аффиксом *-ныкы*, наоборот, — только как сказуемые (в этом отношении они близки к словам с падежным аффиксом *-да*). Таким образом, и по своим синтаксическим функциям слова с аффиксами *-дагы* и *-ныкы* оказываются ближе к косвенным падежным формам существительных, нежели к прилагательным.

7. В синтаксическом употреблении форм на *-дагы* и *-ныкы* можно обнаружить еще одно сходство с косвенными падежными формами:

если в предложении есть несколько однородных членов, оформленных одним из этих аффиксов, то при некоторых из них аффикс может быть опущен; обязательно его наличие лишь в последнем однородном члене: *елга буе, урман һәм кырлардагы саф һава* 'свежий воздух на берегах рек, в лесах и на полях'; *бу китаплар — Илдар, Илшат һәм Маратныкы* 'эти книги — Ильдара, Ильшата и Марата'.

Итак, все рассмотренные свойства аффиксов *-дагы* и *-ныкы* и слов с этими аффиксами — как морфологические, так и синтаксические — служат доказательством их падежного характера.

8. Рассмотрим свойство слов с аффиксами *-дагы* и *-ныкы*, которое отличает их от традиционных падежных форм и сближает с прилагательными. Речь идет о тех случаях, когда член предложения, определяемый словоформой на *-дагы* или *-ның*, опускается, а его словоизменяемые аффиксы присоединяются к аффиксу *-дагы* и *-ныкы* (в таких случаях аффикс *-ның* заменяется аффиксом *-ныкы*), т. е. словоформы на *-дагы* или *-ныкы* употребляются как контекстуально субстантивированные прилагательные: *Кешенең күңелендәген тиз генә белеп буламыни...* (Ф. Хәсни) 'Разве можно быстро узнать, что у человека на душе...'; *Итне дә, сөтне дә ул елны үткән еллардагына караганда шактый артык тапшырдык дәүләткә* (В. Нуруллин) 'И мяса, и молока в тот год мы сдали государству значительно больше, чем в прежние годы'; *А. Расих геройларга бу көрәштә әлеге бригада сугышчыларыныкыннан бер дә ким булмаган ихтыяр көче, батырлык һәм принципиальлек соралуын күрсәтә* (Ф. Мусин) 'А. Расих доказывает, что в такой борьбе от героев требуется ничуть не меньше силы воли, мужества и принципиальности, чем от бойцов этой бригады'; *Арада аның җәрәхәте бүтәннәрнекенән җиңелрәк* (С. Сөләйманова) 'У него рана легче, чем у других'. Это единственное отличие форм на *-дагы* и *-ныкы* от традиционных падежей при значительном сходстве между ними. Но даже при таком употреблении сходство рассматриваемых форм с прилагательными оказывается лишь частичным; большинство признаков, отличающих аффиксы *-дагы* и *-ныкы* от словообразовательных и сближающих их с падежными, при этом сохраняется. Признаки эти следующие: 1) грамматическое значение места, времени или притяжательности (см., в частности, приведенные примеры); 2) соотносительность с аффиксами *-да* и *-ның*, например: *Кешенең күңелендәген тиз генә белеп буламыни... — Кешенең күңелендә ни булганни тиз генә белеп буламыни...; Арада аның җәрәхәте бүтәннәрнекенән җиңелрәк. — Арада аның җәрәхәте бүтәннәрнең җәрәхәтенән җиңелрәк;* 3) регулярность присоединения к склоняемым словам; 4) способность присоединяться к именам, имеющим при себе зависимые слова (см. приведенные выше примеры); 5) место в цепи морфем после аффиксов числа и принадлежности. В таких примерах аффиксы числа, принадлежности и падежа могут следовать и за аффиксом *-дагы* либо *-ныкы*, если это аффиксы опущенного подчиняющего слова: здесь важно то, что аффиксы числа и принадлежности, относящиеся к основе, располагаются перед *-дагы* или *-ныкы*. Так, в примере *Бакчага чыгарып утырткан гөлләр шау чәчәккә күмелгән, ә лаборатория бүлмәләрендә геләренең яртысы корыган* 'Цветы, высаженные в саду, расцвели пыльным цветом, а из тех, что остались в комнатах лаборатории, половина засохла' словоформа *бүлмәләрендәгеләренең* 'тех (цветов), которые (остались) в комнатах (лаборатории)' состоит из следующих морфем: основа *бүлмә* (корень *бүл* + словообразовательный аффикс *-мә*); аффикс мн. числа *-ләр*; аффикс принадлежности *-ен*; падежный аффикс *-дәге*; аффикс мн. числа *-ләр*; аффикс принадлежности *-е*; падежный аффикс *-нең*, причем первые три аффикса относятся непосредственно

к основе *булма* 'комната', а последние три (*-лар-е-нән*) — это аффиксы опущенного подчиняющего слова *гөл* 'цветок, цветы'. Между тем производные прилагательные, образованные от существительных, ни при атрибутивном, ни при субстантивном употреблении не могут включать в свой состав аффиксы числа и принадлежности, предшествующие словообразовательному элементу; 6) возможность опущения аффиксов при некоторых однородных членах, например: *Бөгелмәдәге туганнарыбызга чакыру жибердек, ә Азнакай, Әлмәт, Баулыдагыларына жиберәсебез бар әле* 'Родным в Бугульме мы послали приглашение, а тем, что в Азнакаево, Альметьевске, Бавлах, — еще должны послать'; *Фәритнең сочиненнеләр дәфтәрен күргәзмәгә куярбыз, ә Айсылу, Ирек һәм Рәстәм-нәрнекен үзләренә кайтарып бирергә кирәк* 'Тетрадь для сочинений Фарита мы поставим на выставку, а (тетради) Айсылу, Ирека и Рустема надо вернуть им'.

Лишь один из семи аргументов, приведенных для доказательства отличия форм на *-дагы* и *-ныкы* от производных прилагательных и сходства их с традиционными падежами, в примерах с опущенным подчиняющим словом теряет свою силу, — это их синтаксические функции: слово с аффиксом *-дагы* либо *-ныкы* принимает синтаксическую функцию опущенного подчиняющего слова и в этом отношении ничем не отличается от контекстуально субстантивированных прилагательных.

Итак, в пользу включения форм на *-дагы* и *-ныкы* в падежную парадигму говорит не только количество аргументов, но и, если можно так сказать, их «качество», сила, широта охвата ими употреблений данных форм: если свойство, сближающее их с прилагательными (возможность опущения подчиняющего слова и передачи его словоизменительных аффиксов и синтаксической функции форме на *-дагы* либо *-ныкы*), охватывает лишь некоторую часть таких употреблений, то большинство свойств, сближающих их с падежами, — все, в том числе и те, в которых подчиняющее слово опущено и его словоизменительные аффиксы и синтаксическая функция перешли к форме на *-дагы* (*-ныкы*). Более того, при таком употреблении эти свойства, фиксируя принципиальные отличия рассматриваемых форм от производных прилагательных, становятся новым подтверждением их падежного характера.

Для словоформ на *-ныкы* следует добавить, что серьезнейшее отличие их от контекстуально субстантивированных прилагательных заключается уже в том, что они при опущенном определяемом соотносительны не с такими же словоформами, а с формами на *-ның* при употребленном определяемом.

Следует, наконец, вспомнить и о том, что способность к контекстуальной субстантивации — отнюдь не приоритет прилагательных. Ею обладают также числительные, наречия, некоторые разряды местоимений, причастия, сочетания имени с послелогом, а в некоторых случаях — и другие разряды слов [9. С. 40—41, 101—104, 107, 113, 185—194, 199, 201, 252—253]. Эта способность характерна в татарском языке для тех частей речи, которые могут употребляться в функции определения; при этом контекстуально субстантивированное слово продолжает принадлежать своей части речи, представлять собой один из ее разрядов либо одну из грамматических форм. И нет никаких препятствий к тому, чтобы считать, что приведенные примеры со словоформами на *-дагы* и *-ныкы* — это вид контекстуальной субстантивации — двойное склонение [2. С. 219], а сами словоформы — падежные формы имени.

9. В предыдущих пунктах были рассмотрены грамматические свойства аффиксов *-дагы* и *-ныкы* и слов с этими аффиксами, свидетельствующие об их падежном характере. В заключение обратим внимание на

одно обстоятельство, которое, не будучи собственно лингвистическим аргументом, тем не менее может служить дополнительным подтверждением справедливости вывода о недеривативном характере рассмотренных аффиксов, — на передачу слов с данными аффиксами в словарях.

Знакомство со словарем и словарными статьями составленного в Институте языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова толкового словаря татарского языка [13] и переводными словарями показывает, что лексикографы подходят к словам с аффиксами *-дагы* и *-ныкы* как к косвенным грамматическим формам.

Необходимо отметить, что лишь очень немногие слова с аффиксом *-дагы*, которые изолировались от морфологической парадигмы и подверглись лексикализации, функционируют в языке как самостоятельные лексические единицы. Они, и только они, фиксируются в словарях. При переводах таких слов иногда приводятся оба значения: падежное, т. е. значение исходного слова, снабженного аффиксом *-дагы*, и лексическое, т. е. значение слова как целостной лексемы. Например: *баштагы* 'находящийся в голове, на голове; начальный, первоначальный, первый, исходный' [14]. В других случаях, как и следует в словаре, перевод отражает только значение слова в целом, слова как лексической единицы, но не словоформы: *агымдагы* 'текущий', *гамәлдәге* 'существующий, действующий', *гадәттәге* 'обычный, привычный, обыденный', *чираттагы* 'очередной, следующий' [14].

Следовательно, лексикографическая практика невключения в словарь слов (а фактически словоформ) с аффиксами *-дагы* и *-ныкы* также косвенно подтверждает выводы о словоизменительном характере рассмотренных аффиксов.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). Л.: Наука, 1977.

² Закиев М. З. К вопросу о категории падежа в тюркских языках//Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1964.

³ Ганиев Ф. А. Проблемы категории падежа//Ганиев Ф. А. Вопросы морфологии татарского языка. Казань, 1980.

⁴ Хангилдин В. Н. Татар теле грамматикасы: Морфология һәм синтаксис. Казан, 1959.

⁵ Вәлиуллина З. М., Зиннәтуллина К. З., Сәгыйтов М. А. Хәзерге татар әдәби теле морфологиясе: Студентлар һәм укытучылар өчен. Казан, 1972.

⁶ Дмитриев Н. К. Категория принадлежности//Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 2.

⁷ Он же. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948.

⁸ Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

⁹ Тумашева Д. Г. Хәзерге татар әдәби теле морфологиясе. Казан, 1964.

¹⁰ Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981.

¹¹ Ср. употребление в аналогичной позиции аффикса родительного падежа в татарских диалектах, в тюркских языках огузской группы, например, в турецком, и др.

¹² Мы коснулись лишь некоторых случаев распределения синтаксических позиций между формами на *-да* и *-дагы*, *-ның* и *-ныкы*. Полное описание их дистрибуции может стать предметом специальной статьи.

¹³ Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан, 1977—1981. Т. 1—3.

¹⁴ Татарско-русский словарь. М.: Сов. энцикл., 1966.

И. Х. АХМАТОВ

ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОСВЕННО-СУБЪЕКТНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

(НА МАТЕРИАЛЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА)

В последние годы все больше внимания уделяется выявлению и описанию формально-семантических моделей предложения. Однако тюркологи классификацию и анализ простых предложений продолжают проводить на основе традиционного метода, который, как неоднократно отмечалось в литературе, не лишен недостатков. Ими почти не рассмотрен вопрос о косвенно-субъектных предложениях, хотя без его удовлетворительного решения нельзя на необходимом уровне решить многие проблемы синтаксиса, установить инвентарь формально-семантических моделей простого предложения. Исследователи синтаксиса тюркских языков выделяют лишь незначительную часть косвенно-субъектных предложений и, следуя русской грамматической традиции, ошибочно относят их к безличным конструкциям [1—3]. В результате создается ложное представление, будто основной падеж является чуть ли не единственной формой слова, которая служит для выражения субъекта в тюркском простом предложении. Такое представление, ранее господствовавшее и в работах, посвященных синтаксису других языков, подвергнуто справедливой критике; в последнее время в синтаксической науке утвердилось твердое мнение, что субъект выражается не только основным, но и другими падежами [4—6].

Правда, изучение простых предложений с такими субъектами велось в формальном плане. Многие косвенно-субъектные предложения вообще не выделялись и не анализировались [7]. В данной статье впервые делается попытка выделить и классифицировать указанные конструкции.

Прежде всего необходимо отметить, что для выражения субъекта в тюркских языках используются лексические и морфологические средства. Предложения, в которых субъект выражается основным падежом, являются двусоставными. В подавляющем большинстве тюркских языков сказуемое таких предложений оформляется лично-предикативным аффиксом, который используется также при лексико-морфологическом способе выражения субъекта. Ср.: *Мен кэойчума* 'Я — чабан'.

В определенных случаях в некоторых тюркских языках, например, в татарском, морфологическое средство выражения субъекта в двусоставных предложениях может опускаться: 1. *Мин язаргъа тиеш* 'Я должен писать'; 2. *Сез язмакчы?* 'Вы намерены писать?' [8. С. 36]. Такой способ выражения субъекта (лексический) имеет место также в тюркских инфинитивных, причастных и деепричастных оборотах: *мен кёргеч* 'увиденный мною'; *сен кетерге* 'к твоему уходу' и т. п.

Причем одновременно с лексическим средством для выражения субъекта в этих оборотах может употребляться и морфологическое —

притяжательный аффикс, присоединяемый к стержневому слову оборота. Слово, выступающее в роли лексического средства выражения субъекта, может стоять в основном или родительном падеже (*Мен келгенде*//*Мен келгенимде*//*Мени келгенимде* 'Когда я пришел') или быть опущенным, когда стержневой компонент оборота снабжен притяжательным аффиксом (*Келгенимде* 'Когда я пришел').

В традиционно выделяемых односоставных определенно-личных, неопределенно-личных и обобщенно-личных предложениях субъект также выражается морфологически — с помощью лично-предикативных аффиксов. В большинстве же случаев лексические и морфологические выразители субъекта употребляются в комплексе.

Комплексное употребление лексических и морфологических средств для выражения субъекта возможно и в отдельных косвенно-субъектных предложениях. Однако в них субъектное слово, употребляясь в косвенном падеже, не согласуется, как в двусоставных предложениях, со сказуемым. Сказуемое косвенно-субъектных предложений всегда имеет нулевую форму лица, ибо в них в роли выразителей субъекта чаще используются лексические средства.

Косвенно-субъектные предложения по своим формальным и семантическим признакам довольно многообразны. Часть их представлена фразеологизированными конструкциями, которые по способу выражения субъекта могут быть разделены на несколько групп. В первую группу входят фразеологизированные предложения, построенные по схеме $C_2 + C_{-ым_1} + Г$, где C_2 — слово в родительном падеже, обозначающее определенный личный субъект, $C_{-ым_1}$ — имя существительное в основном падеже, оформленное каким-либо притяжательным аффиксом и обозначающее часть тела человека или абстрактное понятие, $Г$ — глагол в лично-предикативной форме. В указанной схеме место глагола занимает ограниченное число лексем.

В указанном составе компонентов эти предложения представляют собой информативно достаточные конструкции, вне контекста пригодные для выполнения номинативной функции. Ср.: 1. *Мени жаным кетди* 'Я перепугался'; 2. *Сени эсинг ауду* 'Ты потерял сознание'; 3. *Аны кёлю бокъланады* 'Его тошнит'.

Эти предложения синтаксически нерасчленимы. В семантическом плане они двухкомпонентны. Их семантическую структуру составляют определенный одушевленный субъект и предикат состояния. Общая семантика таких предложений: выражение состояния определенного одушевленного личного субъекта, который передается с помощью слова в родительном падеже и притяжательного аффикса, присоединяемого к таким словам из состава фразеологизма, как *жан* 'душа', *кёл* 'настроение', *эс* 'внимание', употребленным в основном падеже.

В структуру другой части фразеологизированных предложений, кроме указанных выше компонентов, на правах их необходимых членов входят слова, стоящие чаще всего в дательном-направительном, местном и исходном падежах и имеющие объектное значение. Их формы предопределяются валентными свойствами глагольных фразеологизмов, лежащих в основе этих предложений. Формальная структура данных конструкций имеет следующий вид:

1. $C_2 + C_{-ым_1...} + C_3$ (т. е. дательном-направительный падеж какого-либо имени) + $Г$;
2. $C_2 + C_{-ым_1} + C_5$ (т. е. местный падеж имени) + $Г$;
3. $C_2 + C_{-ым_1} + C_6$ (т. е. исходный падеж имени) + $Г$.

Предложения, построенные по этим схемам, в формальном плане отличаются друг от друга лишь формой своих третьих компонентов. Однако в силу того, что в их основе лежат разные по смыслу фразеологические единицы, они характеризуются многообразием содержания и синтаксически нечленимы. Как дополнения в них возможно выделить лишь элементы S_3 , S_5 и S_6 . В семантическом плане такие предложения трехкомпонентны. Например, предложение *Мени акъылым Азизге кетди* 'Я задумался об Азизе' состоит из трех семантических элементов: определенного личного субъекта мышления, определенного объекта мышления и предиката мышления. Общая семантика предложения: выражение направленности мыслительного процесса определенного личного субъекта на какой-либо определенный объект.

Семантическая структура предложения *Аны къарамы сенде тохтады* 'Его взгляд остановился на тебе' также представлена тремя компонентами: определенным личным субъектом зрительного восприятия, определенным объектом и предикатом зрительного процесса. Общая семантика предложения: выражение зрительного восприятия определенного личного субъекта, направленного на какой-либо определенный объект. Общая же семантика предложения *Хасанны кёлю сенден чыкъды* 'Ты Хасану разонравился' — это выражение отношения определенного личного субъекта к определенному объекту.

Судя по рассмотренным примерам, во второй подгруппе фразеологизированных предложений, как и в первой, выразителями субъекта выступают родительный падеж имени и притяжательный аффикс.

Третья группа фразеологизированных предложений строится по той же схеме, что и первая. Однако здесь в форме $S_{им}$ употребляется не имя существительное, а причастие на *-лыкъ/-лик, -рыкъ/-рик*, за которым следует глагол *кел* в значении 'хотеть'. Например: 1. *Мени окъуругъ ум келеди* 'Мне хочется учиться'; 2. *Сени Асланга Хасандан хапар айтырыгъ ын г келеди* 'Тебе хочется рассказать Аслану о Хасане'; 3. *Мусаны сенден атасына китап иериги келеди* 'Мусе хочется передать книгу своему отцу через тебя'; 4. *Муратны шахардан элге кёчериги келеди* 'Мурату хочется переехать из города в село' и т. д.

Нетрудно заметить, что все эти предложения содержат одинаковый по структуре фразеологизм, состоящий из субъектного слова в родительном падеже (S_2), причастия с притяжательным аффиксом и глагола *кел*, употребленного в значении 'хотеть'. Позицию причастного компонента подобных фразеологических единиц практически могут занимать глаголы любого лексико-семантического типа. В зависимости от валентных свойств этих глаголов в состав предложений указанного типа кроме указанных компонентов включается различное число объектных и обстоятельственных членов предложения.

Форма и семантика этих компонентов также зависят от семантики и залоговой формы причастного элемента фразеологизма. Вследствие лексического наполнения мест, открываемых причастным компонентом указанного фразеологизма, образуется множество формально-семантических моделей простого предложения, в которых глагол *кел* всегда употребляется в нулевой форме лица и числа. Даже в тех случаях, когда стержневое слово предикатного выражения (причастие) стоит во множественном числе, указанный глагол имеет форму единственного числа: *Аланы китап окъурукълары келеди* 'Им хочется читать книгу'. Число и лицо субъектной лексемы (S_1) соответствуют числу и лицу причастного компонента предикатного выражения: *Аланы окъурукълары, аны окъуругъу, мени окъуругъум* и т. п.

В приведенных предложениях пропозиция представлена предикатным выражением, а глагол *кел* 'хотеть' выражает значение желания. Общая семантика предложений: выражение желания определенного личного субъекта совершить определенные действия, распространяющиеся на какой-либо объект.

В предложениях указанной формальной структуры в позиции глагола *кел* 'хотеть' может встречаться слово *жокъ* 'нет', употребленное в значении русской отрицательной частицы «не». Благодаря этому косвенно-субъектные предложения становятся отрицательными. (Они встречаются и в других родственных языках. Ср.: тат. *Кургәнем юк* 'Я никогда не видел' [8. С. 21]).

Если в рассмотренных нами двух группах предложений после предикатного выражения, образованного причастием будущего времени, употребляются слова *кел* 'хотеть' и *жокъ* 'не', то после предикатного выражения, образованного инфинитивом, — уже другие слова: а) относящиеся к глаголам, выражающим значение дозволения, запрещения, одобрения: 1. *Бизге бери келирге болады* 'Нам можно придти сюда'; 2. *Сизге мындан китап алырга жарайды* 'Вам разрешается брать отсюда книгу'; б) отдельные антонимичные прилагательные: 1. *Муратха ишден кетерге къыйынды* 'Мурату трудно уходить с работы'; 2. *Анга сени бла ишлерге игиди* 'Ему хорошо работать вместе с тобой'; в) отдельные наречия времени: 1) *Муратха ишден чыгарга эрттеди* 'Мурату пока еще рано уходить с работы'; 2) *Сизге жолга чыгарга кечди* 'Вам уже поздно отправляться в путь'; г) модальные слова, а также слова оценки: 1) *Музафарга алай этерге айынды* 'Музафару неприлично так поступать'; 2) *Анга иги октурга керекди* 'Ему нужно учиться хорошо' и др.

Эти предложения составляют самостоятельную группу конструкций, также способных вне контекста выполнять номинативную функцию. По требованию перечисленных слов первый компонент предикативного выражения, стержневым компонентом которого является инфинитивная форма глагола любого семантического типа, принимает форму дательно-направительного падежа (C_3). Позицию компонента C_3 всегда занимают слова, выражающие значение определенного личного субъекта. Предикатные слова здесь связываются не только с указанными вершинными словами, они вступают в связь с неличной формой глагола, в данном случае с инфинитивом. Другие компоненты предикатного выражения передают объектные и обстоятельственные значения. Они связываются со стержневым словом предикатного выражения посредством управления или примыкания, причем их количество и качество зависят от валентных свойств инфинитивного компонента предложения. Слова же, занимающие вершинное положение в предложениях, служат для выражения различных модальных и диктальных значений.

Приведенные предложения широко распространены в тюркских языках. Разница между ними заключается в том, что в одних языках позицию стержневого компонента предикатного выражения занимает причастие, в других — инфинитив, а в третьих — имя действия (см.: [9. С. 53—59]).

Встречаются и такие случаи, когда в предложениях с предикатным выражением (например: *атны санга берирге* 'отдать коня тебе') позицию вершинного глагола занимает не отдельная лексическая единица, а глагольный фразеологизм:

1. *Харунну атны санга берирге кёзю кыймайды* 'Харуну не хочется

отдать коня тебе'; 2. *Аны атны санга берирге кёлю бармайды* 'Ему не хочется отдать коня тебе'.

1. *Харунну институтдан кетерге кёлю бармайды* 'Харуну не хочется уходить из института'; 2. *Харунну атны санга сатар кёлю жокъду* 'Харун не настроен продать тебе коня'.

Сравнивая примеры, можно убедиться, что в таких предложениях субъект бывает личным и выражается словом в родительном падеже и притяжательным аффиксом, присоединяемым к первому элементу фразеологической единицы. Позицию включенного предиката здесь занимает инфинитив или причастие на *-ыр/-ир*. Число, форма и семантика компонентов предложения зависят от валентных свойств этих неличных форм глагола и от характера лексического наполнения открываемых ими синтаксических позиций.

В предложениях с фразеологизмами типа *ауруу тийди* 'заболеть' субъект выражается дательным-направительным падежом, что предопределяется валентными свойствами второго компонента фразеологизма, т. е. глагола *тий* — букв.: 'трогать': 1. *Анга ауруу тийгенди* 'Он заболел'; 2. *Мынга жётел тийгенди* 'На этого напал кашель'.

Подобные предложения в содержательном плане состоят из двух компонентов: одушевленного субъекта состояния и предиката состояния. Позиция субъекта в них замещается только словами, обозначающими человека или животного, для показа состояния которых и служат приведенные предложения.

Среди косвенно-субъектных предложений, которые до сих пор не выделялись и не изучались, особое внимание заслуживают конструкции, в которых позиция сказуемого замещается понудительной формой глагола. Ср.: *Устаз сабийлеге окъууну сойдюрдю* 'Учитель добился, чтобы дети полюбили учебу'. В традиционной тюркологии такие предложения рассматриваются как конструкции, состоящие из четырех формальных компонентов: C_1 — подлежащее, C_3 — косвенное дополнение, C_4 (т. е. слово в вин. падеже) — прямое дополнение и Γ — сказуемое. На поверхностном уровне это предложение, построенное по схеме $C_1 + C_3 + C_4 + \Gamma$, действительно четырехкомпонентно. Однако в плане содержания оно состоит из шести элементов. Подлежащее (т. е. C_1) служит выразителем личного субъекта — каузатора, косвенное дополнение (т. е. C_3) — субъекта отношения. Понудительная же форма глагола (т. е. Γ) выражает предикат отношения, а также смысловой элемент «каузация», под которой, как это принято в лингвистике, понимается все то, что можно описать словами «делать так, чтобы некоторый субъект (в нашем примере субъект, выраженный формой C_3) оказался в некотором состоянии» [10].

Каузируемым может быть любое состояние, поэтому в предложениях со сказуемым, выраженным понудительной формой глагола, позиция предиката может замещаться глаголами различных семантических типов.

В тех случаях, когда эта позиция занята глаголами отношения (см. вышеприведенный пример), количественных изменений, мышления, в передаче субъекта участвует дательный-направительный падеж имени: 1. *Аппа жашчыкъъга китап окъутду* 'Дедушка сделал так, чтобы мальчик читал книгу'; 2. *Къырал колхозлагъа малланы кеbeitдиреди* 'Государство делает так, чтобы колхозы увеличили поголовье скота'; 3. *Ол аны бизге ангылатды* 'Он сделал так, чтобы мы это поняли'.

Если же позиция предиката предложений, построенных по указанной схеме, замещается глаголами слухового восприятия, состояния, положения в пространстве, речи, в передаче субъекта участвует вини-

тельный падеж имени: 1. *Къойчу къозулары аналарына термилтеди* 'Чабан делает так, чтобы ягнята страдали по матерям'; 2. *Роза къонакъны шинтикге олтурду* 'Роза посадила гостя на стул'; 3. *Устаз окъуучулары таугъа ёрлетди* 'Учитель сделал так, чтобы дети поднялись на гору'; 4. *Мен сени Азизге къычыртдым* 'Я сделал так, чтобы ты накричал на Азиза'.

В тюркских языках встречаются и такие косвенно-субъектные конструкции, где выразителем выступают слова в форме местного падежа со значением личного субъекта. В структуру таких предложений входят также слова *уят* 'совесть', *айып* 'стыд', употребленные в форме основного падежа, и слово *жокъду* 'нет', которое занимает позицию сказуемого: 1. *Сенде уят жокъду* 'У тебя нет совести'; 2. *Сенде айып жокъду* 'Ты бессовестный'.

В содержательном плане эти синонимичные оценочные предложения двухкомпонентны: содержат и субъект и предикат. Их общая семантика: выражение состояния личного субъекта с точки зрения говорящего.

Как видно из приведенных материалов, в тюркских языках в передаче субъекта предложения участвуют все падежи (за исключением исходного).

Кроме того, для выражения субъекта используется также сочетание имени с послелогом. Часто встречаются предложения, построенные по схеме $S_1 + Сбла + Г$, где *Сбла* — сочетание имени с послелогом *бла* 'с'. Однако позицию глагола (*Г*) в таких предложениях могут занимать не все семантические типы глаголов. Самостоятельную группу образуют предложения, построенные по схеме, в которой в роли предиката выступают глаголы речи *кенгеш*, *сёлеш*, *ушакъ эт*, употребленные в значении «беседовать». В них позиции S_1 и *Сбла* замещаются словами, обозначающими человека. Лица, обозначаемые этими формальными компонентами предложения, участвуют в одной и той же ситуации и выполняют одно и то же действие. Иначе говоря, и S_1 и *Сбла* служат для выражения субъекта. Семантический компонент предложения, выраженный послеложным сочетанием *Сбла*, вслед за А. А. Холодовичем можно обозначать термином «косубъект речи» [11. С. 7]. Например: 1. *Председатель бригадирле бла сёлеше турады* 'Председатель беседует с бригадирами'; 2. *Атасы жашлары бла ушакъ этеди* 'Отец беседует со своими сыновьями'.

В форме предиката здесь выступают глаголы основного залога. Общая семантика таких предложений: ситуация речи, в которой участвуют субъект и косубъект, каждый из которых совершает одинаковое действие.

Таковую же семантику имеют предложения, передающие процесс речи: позиция предиката в них замещена формой взаимно-совместного залога глаголов *даула* 'претендовать, спорить', *шыбырда* 'шептать', *къычыр* 'кричать', *дауур эт* 'шуметь' и др.: 1. *Мухажир къоншулу бла шыбырдашды* 'Мухажир и его сосед шепчутся'; 2. *Хасан аны бла даулашды* 'Хасан поспорил с ним'.

В роли предиката предложений, построенных по указанной схеме, выступают отдельные глаголы и других лексико-семантических классов.

1. Глаголы, обозначающие способ движения: *чап* 'бегать', *секир* 'прыгать', *сюркел* 'ползать', *жюз* 'плавать' и др.: 1. *Мен сени бли чабышырыкъма* 'Я буду соревноваться в беге с тобой'; 2. *Мурат Мухажир бла секиришеди* 'Мурат соревнуется в прыжках с Мухажиром'.

ром'. Общая семантика таких предложений: участие в одном и том же действии соревнующихся субъекта движения и косубъекта движения.

II. Часть глаголов действия: *туйюш* 'драться', *тенгелеш* 'помериться с кем-либо ростом', *кыучакълаш* 'обниматься', *жыгышш/тутуш* 'бороться с кем-либо', *сермеш* 'схватиться', *салыш* 'драться яростно' и др.: 1. *Келген юйно иеси бла кыучакълашды* 'Пришедший обнялся с хозяином дома'; 2. *Рустам Хасан бла туйюшген эди* 'Рустам подрался с Хасаном'.

Данными структурами выражается такая ситуация, в которой, как отмечает А. А. Холодович, точкой приложения действия субъекта является косубъект, а точкой приложения действия косубъекта — субъект [II. С. 7], чем и определяется характер их общей семантики.

III. Глагол мышления *таныш* 'познакомиться': *Мурадин устаз бла танышды* 'Мурадин познакомился с учителем'.

Это предложение, хотя и построено по той же схеме, что и вышеприведенные конструкции, по смыслу отличается от них. Объясняется это характером семантики его предиката.

IV. Следует отметить, что косубъект как моделиобразующий смысловой компонент предложения входит в состав не только тех предложений, в которых в роли выразителя предиката выступают глаголы в форме взаимно-совместного залога. Обязательного присутствия косубъекта для образования информативно достаточных высказываний требуют, например, и глаголы, выражающие значения 'объединиться', 'помириться', 'встретиться', 'увидеться': 1. *Мен Хазрет бла жарашханма* 'Я помирился с Хазретом'; 2. *«Прогресс» колхоз «Жулдуз» колхоз бла бирикгенди* 'Колхоз «Прогресс» объединился с колхозом «Звезда» и т. д.

Итак, простые предложения с неподлежащим выражением субъекта в тюркских языках характеризуются многообразием формы и содержания. Во всех этих конструкциях косвенный субъект бывает личным. Одним из формальных признаков их предикатной лексемы является то, что она всегда употребляется в нулевой форме лица ед. числа. Исключения составляют лишь сказуемые предложений, в составе которых имеются и субъект и косубъект.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Доницзе Г. И. Безличные предложения в хакасском языке. Абакан, 1957.

² Джакубов И. Д. Основы синтаксиса простого предложения современного киргизского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Фрунзе, 1966.

³ Бектуров М. С. Русские безличные предложения и их эквиваленты в казахском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1966.

⁴ Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., 1971.

⁵ Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения: (Семантическая грамматика). М.: Наука, 1981.

⁶ Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.

⁷ Термин «косвенно-субъектные предложения» мы вводим для обозначения всех предложений, в которых для выражения субъекта используются косвенные падежи и послеложные сочетания, противопоставляя их предложениям с субъектами, выраженными основным падежом.

⁸ Закиев М. Э. Проблемы структуры простого предложения татарского языка: Учеб. пособие. Казань, 1987.

⁹ Балакаев М. Б. Активизация субъекта в предложении//Казахский литературный язык. Алма-Ата: Наука, 1987.

¹⁰ Заубер Р. А. Каузативная конструкция в испанском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971.

¹¹ Холодович А. А. Теоретические проблемы реципрока в современном японском языке//Проблемы теории грамматического залога. Л.: Наука, 1978.

ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА

Н. МЕХТІЕВ

МЕСТО ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В СИСТЕМЕ КОНЦЕНТРИЧЕСКОЙ
МОДЕЛИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МУСУЛЬМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Мусульманской культурой, как и любой другой, была выработана особая символика, основанная на пространственных параметрах. Пространственные символы образовывали модели (или своеобразные мета-языки), с помощью которых осмыслялись, обозначались, артикулировались те или иные сферы, проблемы данной культуры. Из числа моделей культуры, базирующихся на пространственной символической, хотелось бы выделить концентрическую.

Она организуется на основе двоичного противопоставления «центральное—периферийное», причем дуализм здесь имеет асимметричный характер, т. е. в ценностном смысле центральное выше, нежели периферийное [1. С. 124—125].

Символы и синтаксис концентрической модели играли важную роль во многих архаических культурах. Язык концентрической модели лег в основу пространственной организации многих древних поселений. До нас дошли предметы декоративно-прикладного искусства древнего Азербайджана, в основе которых — образное отражение структуры подворота. Корпус бронзового кувшина (VII в.), найденного в Нахичевани, является ярким тому примером [2. С. 38—39].

В архаической культуре Азербайджана преклонение перед очагом [3], священным деревом предполагало отмеченность центральной точки. В эпосе «Китаби Деде Коркуд» развертыванию событий нередко предшествует возвышение шатра, палатки: «Хан мой! Сын Камгана Баяндур встал со своего места, велел построить на черной земле свой шатер с белым верхом. Велел поднять до небес пеструю палатку» [7. С. 32].

Возвышение шатра, палатки в данном случае как бы становится маркированным признаком центра, от которого исходят событийные волны эпоса.

В архаических культурах концентрическая модель имела локальный характер, не выходя за пределы границ компактного социума. В эпоху монотеистических религий она превращается в глобально-универсальную модель, охватывающую культуру многочисленных этносов и пространство больших географических регионов. Монотеистические религии на основе концентрической модели упорядочивали свойственные им картины мира таким образом, что все существующее обретало свой смысл, свое место в иерархической системе ценностей. Концентрическая упорядоченность предстала как мера эстетической выразительности монотеистической религиозности. Божественный центр как бы выстраивал расположенные вокруг него концентрические «сферы», цен-

ность и степень бытия которых были прямо пропорциональны их близости к центру. Иудаистская и христианская культуры имели не только трансцендентный центр, но и, так сказать, пространственный, — речь идет об Иерусалиме, переживавшемся в качестве земного знака божественного центра, а потому и в качестве медиатора между сакральной и профанной сферами.

Ислам не сразу обрел свою пространственную систематику. Его земной центр первоначально был сконцентрирован в самой фигуре Мухаммеда, посредника между богом и людьми. Однако самому пророку ясно было, что он слишком неустойчивый знак для обозначения божественного центра. Выход был найден просто. Не тратя времени на бесплодные поиски, пророк избрал земным выражением божественного центра священный город Иерусалим. Образ этого города был пропитан особой религиозно-эмоциональной атмосферой, однако арабам она не могла быть внутренне, душевно близкой. С другой стороны, разногласия мусульман с иудеями, осознание отличий ислама от других религий писания, а также актуальность экспликации этих отличительных черт привели к тому, что именно Кааба была объявлена Мухаммедом священным центром ислама. Образ центра, «блуждающего» вместе с самим Мухаммедом, затем нашедшего столь ненадежное воплощение в Иерусалиме, вернулся к той географической точке, которая по своему культурному, религиозно-эмоциональному и социальному содержанию для мусульманина-араба была наиболее естественным центром его собственной культуры [8].

Постепенно сложилась пространственно-символическая структура исламского мира. Священный город Мекка располагался в первой сфере, непосредственно окружавшей сакральный пункт — Каабу и потому иерархически высшей. Далее шел круг, в котором находилась Медина с могилой Мухаммеда, и еще дальше был расположен Иерусалим.

Начиная с правления первых халифов, завоевания новых территорий умножали количество сфер в этой концентрической модели. От Каабы и Мекки, словно от брошенного в воду камня, расходились круги, которые все расширялись, охватывая новые страны и их культуры, в том числе территории и культуры Азербайджана, Ирана, Турана.

Мусульманство имело действенное средство для того, чтобы расходящиеся от центра в бесконечную даль круги не терялись безвозвратно в глубинах чужих культур. Подобным средством на уровне ритуала выступала кибла, которая обозначала сторону Мекки, а значит, Каабы.

Ислам подчинял себе все сферы культуры, сообщая каждой из них центральную энергичную «точку», которая концентрически их упорядочивала. В этом мы уже удостоверились на примере упорядочивания географического пространства, превращавшегося в символ, исполненный религиозного содержания.

В средневековой исламской культуре, если не считать некоторые шиитские отклонения, образ пророка Мухаммеда являлся центром персоналогической сферы. У Насирэддина Туси Мухаммед предстает источником света (точкой его излучения), указующим верующим путь спасения [10. С. 33]. В средневековой поэзии в силу диктата мадхийна образ Мухаммеда приобрел космическое значение тотально упорядочивающего начала. Более того, под влиянием эротической поэзии концентрирующей силе Каабы приписывалось также чудесное благоухание (запах амбры, мускуса). В поэзии этим же качеством наделялся сам мусульманский пророк Мухаммед:

Мускусом его губ наполнилось лоно ночи [11. С. 32].

И в религиозной традиции центральная фигура ислама — Мухаммед — наделялась чудесным даром благоухания. По преданию, волосы ребенка долго благоухали, когда к ним прикоснулась рука пророка [12. С. 71].

В исламской традиции все признаки исключительности Мухаммеда аргументировали его парадигматичность для всего профанного мира, особенности для персонологической сферы, текстов (хадисов), фиксировавших идеальные стандарты человеческого поведения. Сильная степень парадигматичности была присуща и образам людей из ближайшего окружения пророка, по мере же удаления пространственного, исторического от центра исламской персоносферы парадигматичность убывала за счет возрастания имитативности [13].

Другой модификацией концентрической системы в средневековой исламской культуре являлась сфера естественных языков, книжной культуры, которую можно назвать логосферой. Здесь Коран с его арабским языком, графикой и семантикой представал центром организующим, упорядочивающим другие языки, другие тексты. Приближение к этому центру в восприятии средневекового человека давало большую степень сакрализации текста, языка, а удаление — прогрессирующую их десакрализацию. В этом аспекте иерархия естественных языков мусульманского средневековья предстает в новом свете [15].

Ближайшую позицию в ценностной иерархии логосферы по отношению к ее центральному культу — тексту Корана — занимала арабская языковая стихия. В сознании многих азербайджанцев, турок, узбеков персидский переживался как третий, а тюркский — как четвертый по ценности язык. Это отражалось и на лексико-синтаксической системе указанных языков. В кораническом языке и живом арабском языке тюркские и персидские слова встречались весьма редко [17], а главное — присутствие их не переживалось как культурно значимое. Так же обстояло дело и с тюркскими заимствованиями в персидском языке. В противоположность этому, арабские заимствования в персидском языке обретали высший ценностный и символический смысл, являясь знаками языка сакрального. Можно сказать, что количество арабизмов в том или ином тексте было прямо пропорциональным близости этого текста к сфере сакрального. Но в то же время пронизанный сакральными «токами», например, персидский текст становился малопонятным, поскольку его переполняли арабизмы. Это и обусловило во многом стихийный поиск той золотой середины, когда «достаточное» количество арабизмов не препятствовало бы понятности текста.

В азербайджанском, турецком, узбекском языках арабизмам, а затем фарсизмам отводилась очень высокая ценностная роль. В силу этого тюркские языки становились все более сложными, а восприятие текстов на этих языках требовало изрядной культурной подготовки, предпологавшей, по сути дела, владение тремя литературными языками. Следует отметить и роль идей неоплатонизма в формировании представления о ценностной иерархии естественных языков. В неоплатонизме удаление от единого увеличивает множественность, что равносильно убыванию ценности, бытийности, сакральности. Эта идея была широко использована в онтологии мусульманских перипатетиков, исмаилитов, суфиев. В этом плане тюркские языки как языки литературы, философии, суфизма были более гетерогенными и потому воспринимались как более низкие. Однако если учесть, что в средневековье признаками художественного текста выступали «украшенность», «усложненность», то можно предположить, что тюркская книжность отве-

чала специфически средневековым эстетическим пристрастиям. Иначе говоря, художественный язык азербайджанской, турецкой, узбекской литературы был, пожалуй, ближе к средневековым канонам художественности, нежели арабский художественный язык. Конечно, это не означает, что и любой поэтический текст на тюркских языках был эстетически совершеннее, чем поэтический текст на арабском, ибо художественность поэтического текста — это совсем не то, что язык художественной литературы, — общая почва, на которой произрастают совершенно разные тексты.

В связи с рассматриваемой проблемой следует отметить еще одно отличие тюркских поэтических языков от языка, скажем, арабской поэзии. Дело в том, что выразительность поэтического текста требует деавтоматизации его звукового ряда. Для этого поэзия располагает различными средствами, ритмом, рифмой, неожиданным сцеплением слов, «отстраняющими» привычное речевое звучание. К этим же средствам в языках тюркской литературы относились и арабо-персидские лексемы. Средневековые турок, азербайджанец, узбек получали определенное музыкальное удовольствие от причудливых интонационных линий арабо-персидских слов, имеющих к тому же статус сакральных или же голусакральных символов [18].

В средневековой логосфере мусульманских стран различаются разные уровни. Наряду с языком литературы, исторических трактатов здесь существовали язык философии и эзотерические языки различных мистических школ. Коран выступал универсальным организующим центром и по отношению к этим языкам. Каждый из них стремился доказать свою близость к Корану и тем самым получить статус истины и сакральности. Единственной сферой, где концентрическая иерархия ценностей не ощущалась с такой непреложностью, являлась сфера повседневной речевой практики рядовых людей. Рядовой человек средневековья знал, что коранический язык — сакральный (как и арабский язык в целом, хотя и не в такой степени), но свою повседневную речь он вовсе не воспринимал в аспекте постоянного и значимого соотношения с этим центром. В речевой повседневности складывались иные критерии сравнения языков: так, арабский язык считался языком красноречия, персидский — языком остроумия, а тюркские — правдивыми языками [20. С. 204], что можно считать весьма лестной характеристикой их носителей...

Таким образом, мы установили достаточную инвариантность концентрической модели для разных областей мусульманской культуры. В каждой сфере эта модель конкретизировалась разными явлениями. Так, позицию центра в различных сферах занимали Кааба, Мухаммед, Коран. Идентичная позиция делала их синонимами, и потому в иных случаях они становились взаимозаменяемыми или же знаками друг друга. Отметим самое главное: все они получали статус центра в соотношении с представлением о едином боге, поскольку до известной степени они принимали на себя функцию его синонимического обозначения.

Но вернемся к намеченной выше проблеме, а именно к орнаментированию тюркских поэтических текстов единицами и структурами, заимствованными из арабского и персидского языков. Попробуем рассмотреть этот вопрос на материале азербайджанской литературы.

В средневековых мусульманских странах высоко ценились орнаментальность, украшенность текста. Так, например, вставные новеллы в рамочном повествовании осознавались как многокрасочное и филигранное

по форме заполнение «пустого» нарративного пространства, которое принципиально не может быть «пустым».

В классической поэзии орнаментальность, украшенность особенно дают о себе знать в системе метафор [21]. В средневековые орнамент основывался на стилизованных рисунках — устойчивых графических мотивах. Аналогичным образом и в основе метафорических уподоблений классической поэзии лежали устойчивые словесные образы-символы — роза, кипарис, драгоценности, те или иные животные и т. п. Эти образы, как можно убедиться, также являлись своего рода стилизованными мотивами [23]. Тематическую плоскость, например тему красоты Лейли, Ширин, поэт заполнял узорами этих метафор. Подобным же образом описывалось томление влюбленного, создавались нраво-учительные или панегирические пассажи. Оригинальность в мусульманском средневековье, так же как и ныне, являлась одним из критериев художественности, однако в то время под оригинальностью в основном подразумевали новизну выражения устойчивого семантического мотива. Причем новизна далеко не всегда означала употребление действительно новых метафор. Метафоры средневековой поэзии достаточно хорошо поддаются кодификации именно потому, что они повторяемы. Оригинальность чаще всего достигалась за счет новой комбинации уже известных метафор или их элементов. При этом особенно ценилась виртуозность такой языковой игры, тонкость, филигранность, грациозность в обращении с поэтическими знаками. Считалось, что поэтический текст способен вызвать восхищение именно благодаря этим качествам.

В классической азербайджанской поэзии различные формы аруза, основывавшиеся на соотношении долготы гласных и персидском изафете, вносили в текст дополнительную орнаментальную организацию. Если сравнить озанскую поэзию азербайджанской архаики, средневековую ашугскую поэзию с поэзией классической, то можно ясно почувствовать, что структура аруза, изафета напоминает узор, сопровождающий текст.

По-видимому, и в азербайджанской архаической словесности поэтическая речь переживалась как своего рода украшение, однако она заметно отличалась от средневековой поэзии с ее пышностью, усложненностью. Поэтическая речь в «Китаби Деде Коркуд» структурирована в достаточной мере просто, принципы ее организации, скорее, напоминают геометрическую симметрию ковра, но отнюдь не прихотливую, затыльную вязь изысканных росписей, узоров.

Для классической поэзии эти архаические принципы организации поэтического текста уже не были эстетически значимыми, маркированными. С точки зрения художественных установок средневековья, они представляли как неутонченные, «природные». Их ритм, энергия осязаемо напоминали пластику тела, приводимого в движение эпическими чувствами [24]. Первозданная витальность эпоса была в корне чужда средневековой эстетике, предпочитавшей изящество, тонкость, изощренность. Все стихийное, «грубое», «нутряное» виделось средневековым эстетическим сознанием в отрицательном свете. О знатных тюрках и арабах — жителях пустыни — Фараби писал, что для них характерны стремление к власти и ненасытность в еде. Многие из них привержены разврату и хвастаются перед женщинами тем, что они совершили [25. С. 162—163]. Бедуинские стихи, тюркские эпосы с их органической жизненной полнотой, исходя из средневековых канонов, представляли едва ли не ущербными. Культура поэтической архаики в средневековье могла существовать либо на периферии, либо в реликтовой форме. Поэтому неслучайно, что сельджукская знать, включившись в систему

социально-экономической жизни мусульманского мира, очень быстро стала приобщаться к персидской поэзии, мусульманскому украшенному стилю. На фоне сельджукской архаической культуры все это выглядело нетривиальным, а значит, более выразительным, маркированным. В итоге сельджукское государство и сельджукский социально-культурный заказ сделали, если можно так сказать, мусульманское средневековье более мусульманским и более «средневековым», нежели деятельность многих досельджукских правителей. При всем этом тюркская архаика не была изжита как культура, индифферентная к выразительной сфере. Официальная культура могла пренебрегать ею. И тогда неофициальная культура с ее еретическими движениями, противопоставив себя официальной, избрала для своих языков поведения символы архаической культуры благодаря их «грубой», «непосредственной» выразительности.

Для средневековой азербайджанской классической поэзии тот тип гоэтической речи, который был присущ «Китаби Деде Коркуд», был неприемлем по ряду причин. Прежде всего потому, что в этой речи отсутствовали плавные, узорчатые «волнистые линии», зрительным эквивалентом которых могли бы послужить растительные орнаменты. Геометризм архаической поэтической речи, простой и наивный, если перевести его в зрительную плоскость, оказывался далек даже от геометризма кувического почерка. Геометризм поэтической архаики, выражавшийся преимущественно в параллелизмах, проявлялся уже на фонологическом уровне благодаря закону сингармонизма и трансформировался в иные геометрические типы на лексическом и синтаксическом уровнях.

Повторим, эйдетическим эквивалентом средневековых поэтических конструкций могут послужить волнистые линии растительных узоров. Средневековые азербайджанские поэты бессознательно придерживались идеи, которую в другое время и в другой культуре сформулировал Хогарт: волнистая линия — основа красоты [26. С. 138—139].

Дифтонги и долгие гласные придают речи особую, распевную, интонацию, и арабские и персидские слова, вовлеченные в стихию азербайджанской поэтической речи, сообщали ей специфическое «волнообразное», протяженное звучание. Изменениям подвергалась фонетическая структура азербайджанских слов.

Именно так можно объяснить превращение *башыма* 'на мою голову' в *башимэ*, *пара* 'часть' в *парэ* [27]. Все эти слова преобразованы на основе интонационной и звуковой структуры персидского языка.

Арабские и персидские слова, их интонационный ореол, с одной стороны, в сознании азербайджанцев деавтоматизировали звуковой строй стиха, а с другой — усиливали метафоричность текста, который представлял эстетический маркированным не только по сравнению с обыденной речью, но и с народной поэзией.

Интересно, что арабские и персидские эквиваленты в азербайджанской поэзии могли быть употреблены без какой-либо семантической и метрической мотивации (например, *рəh* вместо *јол*). В таких случаях для азербайджанского художественного сознания арабские и персидские эквиваленты выступали в роли «сигналов», обогащавших эстетическое измерение текста. В конечном счете арабские и персидские заимствования переживались как нечто красочное и украшенное, ассоциировавшееся с разноцветной шелковой парчой (диба), ковром. В этом плане метафорический стиль поэзии Физули, Месихи противопоставлялся стилю поэм Али «Кысса-и Юсуф» и «Дастан-и Ахмед Харамии»,

что в принципе означало противопоставление типично средневекового художественного текста периферийному, генетически связанному с архаическими традициями словесности. Разумеется, это противопоставление не исключало взаимовлияния, ибо последнее возможно и на основе противопоставления. Специфика азербайджанской классической литературы в немалой степени определялась наличием указанной оппозиции со всеми вытекающими отсюда эстетическими следствиями. Проанализируем их.

Художественное слово в азербайджанской архаике, как это можно видеть из текста «Китаби Деде Коркуд», было энергичным благодаря своей сращенности с предметным миром. В средневековье поэтическое слово как будто теряет эту энергичность. Хуруфизм, стремившийся выявить в буквах и словах онтологическое начало, скорее, был спекулятивным, нежели реальным возвращением к архаическому ощущению слова. В средневековье уже четко зиял зазор между словом и вещью. Спекулятивное, рефлектирующее религиозное сознание и умозрение, философия, а самое главное — сложная социально-экономическая, политическая система непосредственно и опосредованно удаляли слово от вещи. Тем самым слово, став абстрактным, теряло свою вещественную энергичность. Но «опустошенное» слово не могло обслуживать такую культуру, как средневековая, с ее чрезвычайно высокими требованиями. Потому слово здесь начинает приобретать энергичность за счет различных семиотических механизмов, в том числе метафор и семантической многозначности. Слово в средневековье, утратив непосредственный контакт с миром вещей, укоренялось в культуре, в разных ее сферах иной энергичностью.

Типично литературный текст средневековья — это демонстрация бесподобной мудрости автора. В поэмах Низами можно встретить чуть ли не весь арсенал культуры. Для создания образного выражения поэт обращается и к сентенциям из Корана, и к хадисам, и к их перефразам, и к терминам и символам алхимии, философии, и к древней мифологии. Такая же универсальность свойственна и поэмам Физули, и поэзии Насими. Сила их поэтического слова не только в образности, но и в концентрации знания в этом слове. Художественное слово здесь, кроме всего прочего, есть сознательная демонстрация универсальности мирознания автора. Причем такое отношение между художественным словом, текстом и другими символами культуры оформлено в параметрах орнаментальности, украшенности. В художественном тексте демонстрация культуры должна быть изящной, тонкой, виртуозной.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ *Левин-Стросс К.* Структурная антропология. М., 1983.

² *Расим Эфэнди.* Азербайжан декоратив-тэтбиги сәнэтләри. Баку, 1976.

³ По мнению исследователей наскальных рисунков Гобустана, изображенный там танец яллы представлял собой ритуальную пляску вокруг огня [4. С. 56]. Турецкий ученый А. Инан, ссылаясь на китайские источники и Рашид ад-Дина, указывает, что для древних уйгуров место, куда попадала молния, становилось объектом ритуального почитания, — всадники, например, по несколько раз объезжали вокруг него [5. С. 30]. См. также [6. С. 215—216].

⁴ *Расим Эфэнди.* Ел сәнэти өрнәкләриндә эмблем вә рәмз маһијәтләи бәзәкләр// Гобустан. 1970. № 3.

⁵ *Inan A.* Tarihite ve bugün şamanizm. Ankara, 1954.

- ⁶ Бичурин Н. Я. (Накинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. М.; Л., 1950. Т. 1.
- ⁷ Книга моего деда Коркута. М.; Л., 1962.
- ⁸ О значении Каабы в культуре доисламских арабов. см.: [9. С. 14, 24—25].
- ⁹ Хишам ибн Мухаммад аль-Калби. Книга об идолах. М., 1964.
- ¹⁰ Насирэддин Туси. Эхлаг-и-Насири. Баку, 1980.
- ¹¹ Низами Гянджеви. Сокровищница тайн. Баку, 1983.
- ¹² Donaldson Dwight M. Studies in Muslim Ethics. London: SPCK, 1953.
- ¹³ Взаимоотношение парадигматического и имитативного имеет место у М. Физули в оппозиции «учитель, мудрец—ученики, подражатели» [14. С. 100].
- ¹⁴ Мəһəммəd Фүзули. Əсəрлəri. Баку, 1985. V ч.
- ¹⁵ См. также в этой связи [16. С. 42—43].
- ¹⁶ Əлишир Нəвəи. Мүһакəмəтүл-луғəтəјə//Улдуз. 1986. № 7.
- ¹⁷ Мəммədов В. М. Гуранда үмүттүрк мənшчəли сөзлөр//Азəрбəјчəн филолокијəси мəсəлэлəri. Баку, 1983.
- ¹⁸ Ф. И. Габриели написал специальную статью о соотношении арабского, персидского и тюркских литературно-художественных языков средневековья [19. С. 14—30]. Тюркские литературные языки при этом оцениваются невысоко, но удивляет внеисторическая позиция исследователя, рассматривающего средневековую систему эстетических ценностей исходя из современных представлений. Вряд ли с подобной точкой зрения согласится человек, хотя бы отчасти знакомый с поэзией Насими, Физули, Навои, Юнуса Эмре.
- ¹⁹ Габриели Ф. И. Основные тенденции развития в литературах ислама//Арабская средневековая культура и литература. М., 1978.
- ²⁰ Бартольд В. В. Сочинения. М., 1964. Т. 2, ч. 2.
- ²¹ Вахид Тебризи поэтические фигуры уподоблял украшенному росписями жилищу [22. С. 27].
- ²² Вахид Тебризи. Джам'-и Мухтасар. М., 1959.
- ²³ Поэма Абди-бека Ширази «Джаухар-и фард» («Единственная жемчужина») представляет собой своеобразный словарь этих метафор, поэтических парадигм. В ней зафиксированы основные выразительные и содержательные характеристики всех тех явлений растительного, животного и кристаллического мира, которые в классической поэзии выступают средствами метафоризации. Так, например, описывается яхонт, и тут же он выступает метафорическим обозначением губ возлюбленной (см.: عیلى بیك شیرازی. جوهر فرد مسکو، ۱۹۷۹، ص. ۸).
- ²⁴ Эти пластические принципы легли в основу художественного решения спектакля «Я, Деде Коркуд», поставленного азербайджанским режиссером Вагифом Гасановым.
- ²⁵ Фараби. Социально-этические трактаты. М., 1978.
- ²⁶ Логарт. Анализ красоты. Л., 1987.
- ²⁷ Ощущение собственного языка как «неукрашенного» наблюдалось и в Турции в XIII—XIV вв. Так, Ходжа Масуд в своем произведении «Сухейл и Новбахар» писал:
- Bu bir niçe beyti düzince benüm
Nacâletten eridi telüm [28. С. 13].
- ²⁸ Hüseyin Kılıc. Dilana. İnceleme-eleştiri. Ankara, 1984.

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

К. М. МУСАЕВ

ТЮРКСКО-ИРАНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Тюркские языки на всем протяжении своей многовековой истории имеют интенсивные и устойчивые контакты со многими языковыми семьями. Различные сменяющие друг друга тюркские системы письма также свидетельствуют о многостороннем характере этих связей. Подобного рода контакты тюркских языков послужили основой для всевозможных теорий их родства с другими языками мира (в частности алтайской, урало-алтайской и ностратической) [1].

Иранские языки относятся к числу тех индоевропейских языков, с которыми тюркские языки, по-видимому, имеют самые ранние контакты. Возможно, что ираноязычные племена составляли передовую линию во времена вторжения индоевропейцев в Среднюю Азию, 3,5—4 тысячелетий назад, когда они наряду с индийскими племенами вклинились между племенами — предками современных дравидийских и тюркских народов. С другими индоевропейскими языками тюркские языки вступили в контакты позже.

Исторических сведений о связях тюркоязычных народов с ираноязычными до нашей эры пока нет. Однако историки отмечают тесную совместную жизнь кочевых тюркских племен с оседлыми ираноязычными племенами в античную эпоху.

Связи ранних кочевников Сибири со Средней Азией и Ближним Востоком «были многообразнее и глубже, они, несомненно, сыграли значительную роль в сложении яркой и своеобразной культуры ранних кочевников Южной Сибири» [2. С. 142]. Думается, что это обстоятельство предполагает и обратное культурное влияние кочевников Южной Сибири на жителей Средней Азии и Ближнего Востока, даже если оставаться в границах весьма упрощенного деления: кочевники — тюрки, оседлые — индоевропейцы (иранцы).

Как отметил С. П. Толстов, «слияние культур, связанное с тесным социально-экономическим взаимодействием позднеантичного Хорезма и окружающих варварских племен, повернуло дальнейшее развитие этих племен с так и не получившего своего завершения патриархально-рабовладельческого пути по новому — патриархально-феодальному пути развития» [3. С. 149].

Взаимные контакты тюркских и иранских народов в древнюю эпоху были, несомненно, сложными. «Особенно запутали и без того сложную картину взаимоотношений народов Средней Азии с народами Ирана и Передней Азии различные реакционные течения: так называемые панианизм, пантюркизм и т. д.» [4. С. 20].

Следует отметить, что в этих вопросах все еще преобладает индоевропоцентризм, когда носителям индоевропейских языков отводится решающая роль в культурном творчестве. Так, расцвет культуры, литературы в средневековье на территории современного Ирана и прилегающих областей связывается исключительно с творческой деятельностью персов — носителей иранского языка. На самом же деле картина представляется далеко не столь однозначной, многое нам еще попросту неизвестно.

Анализ взаимоотношений народов осложняется также широким распространением воззрений, согласно которым история народов предстает историей городов, а следовательно, кочевые племена в расчет как бы не берутся вовсе, — они ведь городов не строили. Доведенная до своего логического (или алогического) предела, теория эта отрицает существование целых крупных кочевых народов и племен на огромной территории. Например, можно было бы заключить, что в дореволюционном Казахстане вообще никто не жил. Кстати, не исключено, что и кочевники строили города. Как сообщает газета «Известия» (21 января 1985 г.), интереснейший памятник градостроительства кочевых народов Центральной Азии обнаружен монгольскими археологами в Центральной Монголии, что убедительно свидетельствует о существовании там две тысячи лет назад города, в котором имелась мощеная дорога шириной в несколько метров. Если в исторической науке, искусствоведении «от представлений о кочевниках как о низкоразвитых, отсталых племенах стали приходиться к концепциям, рисующим их как носителей сложного, с весьма развитым хозяйством общества» [5. С. 5], то в историческом языкознании еще предстоит преодолеть старые представления.

Первые упоминания о контактах тюрков и иранцев относятся к VI в. В 588 г. правитель тюрков Кара Чурич при поддержке хазар и Византии начал борьбу против Ирана [6. С. 168]. Историки отмечают усиление контактов тюркских племен с персами с VI в. н. э. [7. С. 23]. Махмуд Кашгарский в XI в. констатировал существование тюркско-иранского двуязычия в Восточном Туркестане и Средней Азии, отмечая наличие чистых (правильных) и смешанных языков.

Как подчеркивают иранисты, «наиболее существенным для иранских языков явилось взаимодействие их с тюркскими и монгольскими языками» [8. С. 45]. Взаимодействие это можно с полным на то основанием определить как взаимовлияние, на сегодняшний день недостаточно изученное.

Древние контакты тюркских языков с иранскими языками — это пока еще крайне слабо исследованная область тюркологии, как, впрочем, и иранистики.

В монографии «Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки» — в разделе «Бактрийский язык» — указывается, что «общее количество бактрийских слов, имеющих достоверные иранские этимологии, не превышает сотни» [9. С. 345]. Это, по-видимому, говорит о проблематичности отнесения некоторых древних языков к иранским.

Многие древние иранские или индоевропейские реконструируемые корни оказываются живыми в тюркских языках [1], что свидетельствует, вероятно, о сохранении архаичных черт тюркскими языками.

При первом же знакомстве тюрколога с приводимыми В. И. Абаевым скифо-европейскими изоглоссами [10] можно обнаружить много тюркских параллелей. Также можно найти безупречные в фонетическом и семантическом отношении тюркские параллели к данным индоиранских и финно-угорских изоглосс [11. С. 26—37].

Фин. *vasa*, морд. *vaz* 'теленек' — древнеинд. *vatsa* — осет. *væss* 'теленек' сопоставимы с тюрк. *buzaw//muzaw* 'теленек'; коми *voġk* 'почка' (анат.) — прakit. *vrkka* — осет. *wyrg* 'почка' сопоставимы с тюрк. *būjrek* 'почка', которое этимологизируется на тюркской почве; индоиранское числительное «семь»: манси *sāāt*, венг. *het* — древнеинд. *sapta*, древнеиран. *hafta* сопоставимы с тюрк. *jetti//zeti* 'семь'. Древнеинд. *varṭana* 'вращать' сопоставимо с тюрк. *buġ//wūġ* 'крутить, вращать, повернуть'; *Suṛda* (Согда) — древнеиран. *suxta* 'чистый, священный' — осет. *suṛdæg//sugdæg* 'чистый, святой' сопоставимы с тюрк. *suṛday//i/sudaj*; ср.: каз. *судай жаңа* 'совершенно новый' и т. д.

О древнейших связях тюркских и иранских и шире — индоевропейских языков свидетельствует соответствие в форме и семантике личного местоимения первого лица единственного числа: иранские формы прямого падежа: авест. *azəm*, древнеперс. *adam*, согд. 'zw, хорезм. 'z (?), p'z (*па-azam), сак. *azu, asu* (тумшук), *aysu* (хот.), осет. *āz*, афг. *zə*, курд. *āz*, заза *āz*, наганзи *āzā*, талыш. *aoz*, ишкашим. *az*, руш. *az*, шугн. *wuz*, сарык. *waz*, диалект Шахруда *az*, ормури *az*, семн. а [12. С. 13]; эти формы, по-видимому, близки тюркским *öz, oz, ez, jez, üz, oz, öz* со значениями: 'сам, свой, тело, сердцевина, существо, сердце, дыхание, зерно, сила, сливки' и т. д. [13. С. 506—507].

Формы других падежей: авест. *mapa* (род. п.), древнеперс. *mapa* (род.-дат. п.), среднеперс. *map* 'я', согд. *mp* 'мой', хорезм. *mp* 'меня', сак. (хот.) *mapaa* 'мой', совр. тадж. *map*, совр. перс. *mān*, бел. *map* 'я', осет. *mān* (род. п.), афг. *ma* (косв. п.), курд. *mān* (косв. п.) и т. д., которые соответствуют тюрк. *men, ben, mān, man* и т. д. со значением 'я'.

Археологи устанавливают тесные культурные и религиозные связи между харappской цивилизацией в долине Инда и древней Персией в 2500—1500 гг. до н. э. Некоторые ученые утверждают, что у них были общий язык и религиозно-мифологические представления. В древнем персидском священном тексте «Авесты» и на печатях из долины Инда огонь обозначался словами *at, atar* (Правда. 1984. i авг.). Последнее слово также имеет древнюю тюркскую параллель — от 'огонь'.

Воздействие иранских языков в неодинаковой степени затрагивало те или иные тюркские языки в различные периоды их истории. Начиная с X в. и в течение длительного времени персидский язык был гисьменным литературным языком просвещенной части народов Ирана, Средней Азии и прилегающих территорий [14. С. 46; 15. С. 12; 16]; он оказал влияние на соседние тюркские, урду, хинди, арабский, иберийско-кавказские языки.

В современных тюркских языках имеется немало слов, заимствованных из иранских языков, которые стали естественной частью тюркского лексического богатства; в грамматическом отношении они не отличаются как от исконных тюркских слов, так и от заимствований из различных языков мира: от них образуются путем аффиксации и аналитического способа новые слова, к ним присоединяются различные грамматические форманты и т. д.

Можно было бы провести своеобразную классификацию тюркских языков, отражающую количество и качество иранских заимствований в их лексике, а также позволяющую определить источник проникновения иранизмов (через литературный язык, через разговорный язык, с помощью языка-посредника).

Н. А. Баскаков [17. С. 35] относит к древнеиранским заимствованиям, проникшим в тюркские языки через посредство саков, согдийцев,

хорезмийцев и персов, главным образом лексику, связанную с сельским хозяйством, техникой орошения и оседлым образом жизни. Таковы, например, термины орошения в тюркских языках Средней Азии: арна (о корне ар- см.: [1. С. 144—145]) 'магистральный канал орошения', йаб 'ответвление магистрального канала', раш 'русло канала, его боковые стенки'; слова, характеризующие оседлый образ жизни: кент 'город, селение' (согд. 'город'), кюнде 'соха', бөз 'бязь, хлопчатобумажная ткань'.

Литературный персидский язык заметно повлиял почти на все письменные литературные тюркские языки Средней и Малой Азии. Кроме того, разговорный персидский язык воздействовал на языки, носители которых жили по соседству с тюркоязычными народами и племенами. Так, разговорный таджикский язык оказал свое влияние на тюркские языки, говоры и диалекты, в особенности — на узбекские и киргизские. Причем влияние разговорного таджикского языка на узбекские диалекты оказалось столь глубоким, что в последних изменился даже характер системы гласных (так называемые несингармонические диалекты узбекского языка, где нарушен закон гармонии гласных).

Осетинский, курдский, афганский, дари, пушту и другие иранские языки также имели и продолжают иметь контакты с тюркскими языками, их влияние на тюркские происходит преимущественно путем устного общения носителей.

Наибольшему воздействию персидского литературного языка подверглись турецкий, азербайджанский, узбекский, крымско-татарский литературные языки. Вместе с тем турки, азербайджанцы, узбеки длительное время жили по соседству с ираноязычными народами, что наложило отпечаток и на их разговорный язык.

Тюркско-иранские языковые контакты восходят к глубокой древности. Можно полагать, что в ряде мест тюркские языки были наложены на иранский субстрат. Влияние иранских языков на турецкий и азербайджанский языки столь велико, что неискушенному человеку нетрудно сделать вывод об их генетическом родстве. В турецком и азербайджанском языках имеется много персидских словообразовательных аффиксов, словопроизводящих, фразеологических моделей [18].

Многие выдающиеся тюркские поэты средневековья писали на двух языках — родном тюркском и персидском, как, например, Алишер Навои (1441—1501), в тюркоязычных произведениях которого встречается много персидских фразеологизмов, выступающих в трех формах: в исконно персидской, в частичном переводе на тюркский, в виде калек [19. С. 46]. Аналогичную картину наблюдаем мы и в текстах других средневековых тюркских поэтов, — некоторые из них, подобно великому азербайджанскому поэту Имадеддину Насими (ок. 1369—1404), слагали свои произведения на трех языках (помимо указанных еще и на арабском). Разумеется, подобное дву- и трехязычие выдающихся творцов не могло не сказаться на развитии тюркских литературных языков.

В дальнейшем постепенно персидский язык в литературе полностью вытесняется родным тюркским языком — как, например, в творчестве Бахадур-хана (1603—1664), Махтумкули (1733—1797). Вместе с тем стало уделяться больше внимания переводу литературы с персидского и арабского на тюркские языки [16; 20—24].

Как показал А. Титце [25. С. 125], турецкая литература (османская турецкая) с самого ее зарождения и вплоть до начала XX в. испы-

тывала на себе сильное воздействие классической персидской литературы, и персидские заимствования проникли не только в стандартный литературный язык, но и в диалекты турецкого языка.

В тех языках, которые подверглись сильному влиянию персидского языка, заимствования используются во многих сферах жизни, охватывают почти все отрасли хозяйства, экономики и культуры. Так обстоит дело в современном крымско-татарском языке, где персидские заимствования служат для обозначения явлений государственно-административной жизни, сельского хозяйства, строительства, военного дела, медицины, литературы, искусства, выступают в качестве названий профессий и ремесел, животных и птиц, продуктов питания, времен года и дней недели и т. д. [24]. Этим персидские заимствования отличаются от арабских, которые в основном охватывают сферы религии, образования и культуры. Специалисты указывают, что в тюркских языках персидских заимствований гораздо больше, чем арабских. Например, для киргизского языка это установлено Б. О. Орузбаевой [26. С. 202], которая отмечает, что влияние иранских языков на киргизский язык сказалось и на морфологии последнего: персидские суффиксы *-кер*, *-кер*, *-стан*, *-корок*, префиксы *ма-*, *бей-* и другие, усвоенные вместе с персидскими заимствованиями, в последующем стали средствами словообразования на базе собственно киргизских лексем.

В языках, куда иранские заимствования проникали главным образом путем устного общения носителей, наблюдаются диалектные различия и в сфере заимствования: например, южный диалект киргизского языка в этом отношении существенно отличается от северного диалекта и от литературного киргизского языка. Это явление отсутствует в тех языках, куда иранские элементы проникали в основном через посредство письменной речи, например в казахском, татарском, башкирском и др.

Также установлено, что азербайджанская диалектная лексика, в меньшей мере, нежели словарный состав литературного языка, испытавшая персидское влияние, в большей степени сохранила и традиционный тюркский лексический фонд. Это свидетельствует о разных формах контактов литературного языка и диалектов. Литературный азербайджанский язык впитывал в себя персидские заимствования, почерпнутые из собственно литературной же письменной сферы, тогда как в диалекты и говоры персидские слова попадали главным образом из стихии непосредственного общения людей. Поэтому, когда речь идет о сильно фарсизированном азербайджанском языке, имеется в виду прежде всего литературный язык.

Иранские лексические заимствования в разных тюркских языках занимают количественно неодинаковое положение. Например, в современном туркменском литературном языке, по данным «Туркмен дилигин сөзлүги» (Ашгабат, 1962), 20% корней составляют иранские слова, 56% — туркменские, 24% — арабские. По отдельным буквам иранские корневые слова в процентном отношении колеблются от 3% (Е) до 50% (Н, Р) [21]. Они проникали в туркменский язык из письменной литературы и разговорной речи.

В крымско-татарском литературном языке из 7 588 слов, взятых из текстов различного жанра методом сплошной выборки, иранскими признаны 692 слова, что составляет 9,1%. Арабские заимствования составили 19,5%, русско-интернациональные — 16,8%, тюркская основа — 54,6% [24]. Персидский язык явился посредником в проникновении ряда арабских заимствований религиозного характера в тюркские

языки преимущественно из письменной литературы и сферы духовного образования: кирг. *бейиш*, каз. *пейиш*, 'рай', каз. *перште*, кирг. *бериште* 'ангел', каз. *пир*, кирг. *бир/пир* 'духовный наставник' и др.

Одним из языков-источников устных иранских заимствований послужил осетинский язык, который оказал влияние на карачаево-балкарский язык, главным образом на его балкарский диалект. Особый интерес вызывает наличие в балкарском осетинских числительных наряду со своими, исконно тюркскими. При этом «осетинский счет употребляется балкарцами почти исключительно в скотоводческой, пастушеской практике. Счет ведется парами и, что особенно любопытно, по старой иранской десятичной системе, в то время как у самих осетин десятичная система замещена двадцатичной — по примеру соседних ефетических языков. Десятичный иранский счет настолько чужд современным осетинам, что сохранившие его кое-где дигорские пастухи называют его категорически *æsson* *niṃædæ*, т. е. „балкарский счет”» [27. С. 79—80].

В некоторых языках к существующим собственно тюркским названиям прибавились иранские названия таких реалий, как хлеб — каз. *нан*, ср. параллельно тюрк.: *өтпек*, *күлше* и др. Слова, вошедшие в тюркские языки из иранских языков, подвергаются фонетической адаптации по законам каждого из тюркских языков: каз. *бишара*, кирг. *бечар* 'бедный, несчастный' < перс. *бейчора*; каз. *эуез*, кирг. *обоз*, караим. *аваз* 'звук, напев, голос' < перс. *аваз*.

Иранские языки осуществляли посредничество между тюркскими и индоевропейскими языками (о чем свидетельствуют, например, общие элементы в тюркских, иранских и хинди, урду, пенджаби и т. д.), а также арабским языком в течение весьма длительного периода, насчитывающего, по крайней мере, три-четыре тысячи лет (со времени локализации древних иранцев в Средней Азии).

Взаимосвязи тюркских и иранских языков в древнеиранскую и среднеиранскую эпохи не изучены. Имеется значительная литература о влиянии иранских языков на тюркские. Меньше исследовано влияние тюркских на иранские. Здесь, вообще, сложилась своеобразная традиция, согласно которой если в тюркских языках, с одной стороны, и в иранских (преимущественно в персидском), как и в арабском, — с другой, существуют общие слова, которые не поддаются очевидной этимологизации на базе известных слов тюркских языков, то такие слова безоговорочно приписываются иранским или арабскому языку. Это служило своего рода признанием преимущества языка оседлых горожан над языками кочевников-«варваров». Преувеличение роли персидского языка идет от некоторых исследователей турецкого языка, который объективно больше других подвергся влиянию иранских языков.

Исследования Г. Дёрфера показали значительное влияние тюркских языков на персидский и сложный характер взаимных контактов тюркских и иранских языков и языковой ситуации в целом регионе Средней Азии и прилегающих к ней областей. По-видимому, ряд приведенных Г. Дёрфером [28] тюркизмов в персидском восходит к более отдаленному времени, чем новоперсидский период, так же как не все иранизмы в тюркских языках можно отнести к эпохе функционирования новых иранских языков.

Многие тюркские слова через посредство персидского и других иранских языков стали достоянием языков соседних народов. Так, Г. Дёрфер показал, что слово *кара* 'черный' вошло во все языки, контактировавшие с тюркскими и иранскими языками; значительно количество и других тюркских слов, проникших через иранские языки в другие

языки мира. Исследования в этой области могут пролить дополнительный свет на историю тюркско-иранских взаимоотношений.

Если сравнить особенности проникновения иранизмов в тюркские языки, с одной стороны, и характер проникновения тюркизмов в иранские языки — с другой, то нетрудно обнаружить между ними существенную разницу.

Тюркизмы попадали в иранские языки при непосредственном контакте носителей этих языков. Так появлялись тюркизмы в персидском, таджикском, осетинском, курдском и других языках. Иранизмы же входили в тюркские языки двумя путями. Пожалуй, наибольшее число иранизмов в тюркские языки проникало через литературный язык, через персидско-таджикскую литературу, а также через персидский литературный язык, воспринимавшийся в средние века как язык высокой поэзии. Другой путь — через непосредственные контакты носителей тюркских и иранских языков.

Эти пути проникновения иранских лексических элементов находят отражение и в составе заимствований, в особенностях лексико-семантических групп заимствований.

Тюркские заимствования при непосредственном контакте носителей тюркских и иранских языков возникали также в условиях тюркско-иранского двуязычия. Это сказалось не только на лексике говоров двуязычного населения, но и на фонетике, нередко и морфологии, что было проанализировано на материале таджикско-узбекского двуязычия [29. С. 165—200; 30. С. 51, 70—72, 118, 129—142], относящегося к числу наиболее исследованных регионов тюркско-иранского двуязычия.

Немало тюркских слов стало достоянием персидского языка. К их числу следует отнести названия растений: *čāčāk*, *čičāk* 'цветок' вошло в персидский, из него — в урду, пенджаби, это же слово вошло и в финно-угорские языки; *čatlaquč* 'плод мастикового дерева'; *qajsy* 'сушеные абрикосы' вошло также в иберийско-кавказские языки, *saḡmúš* 'абрикосы, начиненные миндалем', *čapūyačaq* 'коробочка хлопчатника' и т. д.; названия животных: *taušqan* 'заяц', *tonyuz* 'свинья', *tewa* 'верблюд', последнее вошло также в курдский, монгольские, кавказские, финно-угорские, словацкий, эвенкийский, кетский и другие языки, в балканские языки: *tujaq* 'копыто' и др. [28].

Многие названия пищи в персидском — тюркского происхождения: *čōrbā* 'суп', *čōgāk* 'лепешка' и другие; отметим и термины родства: *ара* 'старшая сестра'; *ata* 'отец' и др.

В персидский язык вошло также много слов, обозначающих одежду, игры и игральные предметы, напр.: *saqqa* 'бабка, бита', что говорит о тесной совместной жизни и общности быта тюркских и иранских народов Средней Азии. Аффикс *-čū* в названиях профессий и должностей в персидском языке также является индикатором тюркизмов. Некоторые наименования титулов и должностей тюркского происхождения проникли через персидское посредство или непосредственно из тюркских языков во многие контактировавшие с ними языки мира. Например, *čāwūš* 'младший офицер' вошло наряду с персидским в курдский, арабский, суахили, кавказские, балканские (греческий, македонский и др.), польский, украинский, венгерский, словацкий и др.

Г. Дёрфер привел в своем труде 1728 слов тюркского происхождения в персидском (новоперсидском) языке, охватывающих все сферы материальной и духовной жизни народа. Кроме того, в персидском языке ученый насчитал 409 монгольских слов. Надо полагать, что тюркизмов в персидском можно обнаружить еще немало, многие из «монголизмов», по-видимому, также следует считать изначально тюркского

происхождения. Например, *toşqāiul*, *tuşimişi*, *tōqīm* и др. Подобные слова можно подвергнуть морфологическому анализу на базе тюркских языков. Все это, несомненно, требует дальнейших углубленных исследований.

Фонетический облик многих слов в персидском выдает их тюркскую природу, источник кыпчакского типа: *šalma* (а не *čalma*) 'тюрбан, чалма' и т. д.

Некоторые слова-тюркизмы проникли в арабский язык через посредство персидского, они принимают форму мн. ч. по модели арабского языка; например, тюрк. *yalma*, араб. *yalmak*—мн. ч. *yalamīk* [31. С. 219] 'набивной кафтан'.

Влияние тюркских языков на иранские осуществлялось на территории двух зон. Первая — среднеазиатский ареал, о котором говорилось выше. Тюркские элементы проникали в этой зоне в таджикский, персидский, курдский, пушту и другие языки. Вторым ареалом является Кавказ, где тюркизмы проникали в осетинский, татский, талышский языки.

В осетинском и карачаево-балкарском языках насчитывается более трехсот общих слов, относящихся к различным сферам лексики (материальная культура, животный и растительный мир, пища, человеческие качества и др.), причем среди них немало тюркизмов. Отметим, что тюркскую генеалогию имеют и многие карачаево-балкарско-кабардино-черкесские лексические параллели и схождения [32. С. 3—14].

Тюркские лексические элементы проникли и в татский язык, где они также относятся к различным сферам лексики. Обычно принято было считать все тюркизмы в татском азербайджанскими заимствованиями. Однако, как показывает более внимательное изучение этого вопроса, среди них имеются такие, которые не характерны для азербайджанского языка, а напоминают древние тюркские структуры, известные нам по древнетюркским памятникам [33. С. 69]. Подобным же образом трактуются и тюркизмы в талышском языке [34. С. 57].

По-видимому, многие так называемые фарсизмы (персидские заимствования) и арабизмы в тюркских языках при более внимательном изучении обнаружат свое тюркское происхождение. Например, Г. Дёрфер указывает в числе тюркизмов в персидском языке слово *sabaq* 'урок, предмет', которое считается арабским заимствованием в тюркских языках [35]. Также считается арабским слово *mal* 'скот', которое относится к числу «общешалтайских» слов [36. С. 69—77]. В своей рецензии на I том «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» Н. Н. Поппе [37. С. 160] подверг вполне обоснованному сомнению иранское происхождение слова *agta* 'мерин, кастрат' (см. этимологический словарь М. Рясина), причем шаткость традиционной версии представляется особенно ощутимой в свете тунгусо-маньчжурских соответствий (орк. *xaqta*).

Влияние тюркских языков на литературные языки ограничивается в основном сферой лексики, редко — фонетики, например, звук *q* вошел в таджикский и осетинский языки. Он «имеется абсолютно во всех таджикских говорах, равно как и в современном литературном языке: *qahr* 'гнев', *qaš* 'бровь' и т. д.» [30]. Наиболее глубоко проникают тюркизмы в диалекты и говоры, носители которых владеют как своим родным, так и взаимодействующим с ним тюркским языком. В диалектах и говорах таджикского языка употребительны тюркское вопросительное местоимение *kim* 'кто', числительные *bir* 'один', *eki* 'два', *beš* 'пять', *on* 'десять', *ugigini* 'двадцать', *yüz* 'сто', *min* 'тысяча', наблюдается смешение тюрк-

ских и таджикских сложных числительных, образование порядковых числительных, собирательных числительных посредством тюркских аффиксов, употребление тюркских послелогов, использование тюркских падежных аффиксов и т. д. В некоторых случаях узбекский язык выступает «в роли своеобразного катализатора, усиливающего и ускоряющего процессы, уже начавшиеся независимо от него» [30. С. 70—72, 118, 129—142]. В языке северных таджиков полностью заимствовано тюркское склонение [38. С. 62].

Тюркизмы в таджикском, большинство из которых приписывается узбекскому языку, хотя таджики контактировали и продолжают контактировать и с другими тюркоязычными народами — киргизами, казахами, туркменами, охватывают различные лексико-семантические и тематические группы слов: наименования частей тела; названия болезней; лексику, относящуюся к сфере животного и растительного мира, а также охотничьи термины; что очень важно — термины из области земледелия, служащие, таким образом, своеобразным опровержением тезиса о том, что тюрки вели только кочевой образ жизни; термины родства; цветообозначения; числительные; много глаголов, образованных на основе тюркских слов, и т. д.

Тюркизмы в таджикском литературном языке и его диалектах представлены далеко не одинаково. По подсчетам Г. Дёрфера, на 40 тыс. таджикских слов приходится 700 тюркизмов, что составляет около 2% [38]. В диалектах же, согласно данным В. С. Расторгуевой, на 2 000 слов приходится 500 тюркизмов, что составляет 25% [39]. Это также свидетельствует о влиянии тюркских языков на таджикский, как и на другие иранские языки, через посредство разговорной речи.

Всестороннее изучение взаимовлияния тюркских и иранских языков в прошлом и настоящем может углубить наше понимание истории и закономерностей формирования народов, наций и их языков в районах Центральной, Средней и Малой Азии, Кавказа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков. М.: Наука, 1984.
2. Грязнов М. П. Связи кочевников Южной Сибири со Средней Азией и Ближним Востоком в I тысячелетии до н. э. // Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.; Л., 1959.
3. Толстов С. П. Варварские племена периферии античного Хорезма по новейшим археологическим данным // Там же.
4. Шишкин В. А. К вопросу о древних культурных связях народов Средней Азии с другими странами и народами // Там же.
5. Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М.: Искусство, 1976.
6. История Узбекской ССР. Ташкент, 1967. Т. 1.
7. Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925.
8. Оранский И. М. Введение // Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М.: Наука, 1979.
9. Стеблин-Каменский И. М. Бактрийский язык // Основы иранского языкознания: Среднеиранские языки. М.: Наука, 1981.
10. Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада. М., 1965.
11. Он же. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. М., 1972.
12. Оранский И. М. Иранские языки. М., 1963.
13. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.
14. Бертельс Е. Э. Избранные труды. М., 1965.
15. Бартольд В. В. Из средневековой туркестанской поэзии // Наука и просвещение. Ташкент. 1922. № 1.

16. Кононов А. Н. Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази-хана хивинского. М., 1958.
17. Баскаков Н. А. Тюркские языки: (общие сведения и типологическая характеристика)//Языки народов СССР. М., 1966. Т. 2: Тюркские языки.
18. Tietze A. Persische Ableitungssuffixe im Azerosmanischen//Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, 1963/64. Bd. 59/60.
19. Умаров Э. У. Иноязычные фразеологизмы в языке Навои//Сов. тюркология. 1972. № 4.
20. Рустемов Л. З. Арабско-иранские заимствования в казахском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1963.
21. Джафаров Дж. Персидские слова в современном туркменском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1971.
22. Насыров Х. Таджикско-персидские заимствования в уйгурском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1972.
23. Сычева В. А. Арабские и персидские лексические заимствования в гагаузском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.
24. Меметов А. Персидские заимствования в современном крымско-татарском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1974.
25. Tietze A. Persian Loanwords in anatolian Turkish//Oriens, 1967. V. 20.
26. Орузбаева Б. О. О лексическом составе киргизского языка//Тюркологические исследования. Фрунзе, 1970.
27. Абаев В. И. Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев//Язык и мышление. 1934. Т. 2.
28. Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1963—1975. Bd. 1—4.
29. Боровков А. К. Таджикско-узбекское двуязычие и вопрос о взаимовлиянии таджикского и узбекского языков//Учен. зап. Ин-та востоковедения. М., 1952. № 4.
30. Расторгуева В. С. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. М., 1964.
31. Dery J. Trois mots turcs empruntés par le persanā yalav, yamac et yalma//Bull. Soc. linguistique de Paris. 1955. T. 51. f. 1.
32. Хабичев М. А. О чем говорят лексические заимствования//Тюркологический сборник. Черкесск, 1967.
33. Ахмедов Т. М. Некоторые древнетюркские слова в татском языке//Сов. тюркология. 1971. № 6.
34. Мамедов Н. Х. Отражение древнетюркских лексических элементов в талышском языке//Сов. тюркология. 1980. № 3.
35. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965.
36. Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975.
37. Central Asiatic J. 1977. Vol. 21, № 2.
38. Doerfer G. Türkische Lehnwörter im Tadschikischen. Wiesbaden, 1967.
39. Расторгуева В. С. Очерки по таджикской диалектологии. М., 1963. Вып. 5.

Ю. Д. КАРАЖАЕВ

О ДВУХ ТЮРКСКИХ НАЗВАНИЯХ ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ В ОСЕТИНСКОЙ КОСМОНИМИИ

Осетинская космонимия в своей основе является общеиндоевропейской [4]. В то же время в ней встречаются отдельные вкрапления из других языков. В настоящей статье речь пойдет о двух, на наш взгляд, интересных осетинских космонимах тюркского происхождения.

Как известно, язык несет в себе информацию о различных этапах развития сознания как осмысления человеком бытия — протосознании, мифологическом восприятии мира, логическом (пропозиционном) мышлении (ср. этапы когнитивного процесса: ощущение (восприятие) — представление — понятие). Космонимы представляют собой яркий пример запечатления в языке элементов мифологического представления о мире, архаических космогоний [8; 9].

Существует мнение, что мифологическое мышление — сугубо конкретной, чувственной природы, хотя вряд ли подобная точка зрения справедлива. В мифах воплотилось не только чувственно-образное представление, но и символическое: «Мифический образ, доживший до более сильного развития мысли, легко может стать олицетворением» [11. С. 11]. Только в контексте сказанного можно понять то обстоятельство, что в современном логическом мышлении содержатся также элементы протосознания и мифологического миропредставления.

В осетинском языке реальному небесному объекту — Полярной звезде соответствуют четыре представления-понятия и четыре же космонима, из коих три в иронском: (1) *арвы сажан* (букв.: 'небесная ось', 'ось неба'); (2) *арвы цаджындз* (букв.: 'небесный столб', 'столб неба'); (3) *хъазан темир* и один — (4) Ахсахъ-Темур — в дигорском диалекте [7; 12]. Заметим сразу же, что (1) и (2) — названия собственно осетинские, а (3) и (4) — заимствованные. О них и пойдет речь.

Далее, надо сказать, что (3) космоним заимствован предками осетин из тюркского языка. Интересно, что Г. Н. Потанин [12] в осетинском языке в качестве образчика влияния тюркского языкового мира выделил только (4) космоним. В самом деле, и в древнетюркском [13] и в современных тюркских языках [14—18] в качестве названия Полярной звезды (иногда и Северной звезды, Большой Медведицы, Малой Медведицы) предстает космоним Темир казык — сочетание двух слов-понятий: *темир* 'железо, железный' — *казык* 'кол, столб, столп', т. е. букв.: 'железный кол', а в киргизском (и монгольском) еще и *алтын казык* 'золотой кол (столб, столп)'.

Однако осетинский космоним Хъазан-темир полностью не может быть соотнесен с приведенными тюркскими формами, поскольку этому мешает несоответствие сегментов *-ан* в *хъазан* и *-ык* в *казык*.

Но ведь есть еще балк. *темыр къазакъ*, древнетюрк. *темирасын* (из тюрк. *темир* и калм. *хасын* 'столб, колонна') [12. С. 378]. Есть также монг. *алтын хатасын* 'золотой прикол' и одновременно 'Полярная звезда', тув. *кызыл кадыс* или *кызыл орген* 'красный столб (колышек)'.

Здесь нас могут заинтересовать только первых два названия (тувинская и монгольская формы еще более отдалены от осетинского космонима). В балкарском *къазакъ* имеет значения: 1) рус. *казак*; 2) ист. *раб* (одинокий, происходит от *пленного*; служил в доме) [19]. Мы склонны думать, что осет. *Хъазан-темыр* восходит к тюрк.-балк. *Темир къазакъ*, обозначающему железного, одинокого раба (прислужника) — символ Полярной звезды. Впрочем, к осетинской форме *хъазан* неплохо подходят и сегмент *асын*, калм. *гасн* 'кол', *хасын* 'столб', 'колонна', монг. *хатасын* 'прикол'. В этом плане, очевидно, осет. *хъазан* есть результат некоторых фонетических трансформаций-адаптаций только что названных форм [20].

Далее, надо сказать, что осет. 'столп (столб) неба' и тюрк. 'железный (золотой) столп' функционально совпадают в том смысле, что мироздание, небо поддерживаются столпом — Полярной звездой. В осетинском космониме обращает на себя внимание, прежде всего, синтагматизация позиций компонентов: если в тюркском определении *темир* предшествует определяемому *казык*, то в осетинском, наоборот, *темир* следует после *хъазан*.

Существенно ли это? По всей вероятности, да, ибо современному осетинскому языку в принципе присущ тот же порядок следования определения и определяемого, что и тюркским языкам. Кстати, такой же порядок имеют и кавказские языки, и потому они не нарушают принципов тюркской синтагматизации при заимствовании анализируемого космонима, о чем, например, может свидетельствовать адыгейский язык, в котором Полярная звезда также называется Темир казык [21; 22]. Но почему в таком случае осетинский язык «нарушает» не только тюркский, но и свой собственный словопорядок?

Помогли пролить свет на это явление исследования В. И. Абаева [2. С. 231—234], выявившего в протоосетинском, т. е. скифском языке (по крайней мере, в том диалекте скифского языка, который имманентно предшествовал осетинскому), порядок следования определения и определяемого, обратный порядку в современном осетинском.

Когда же было заимствовано из тюркского название Полярной звезды? Вероятно, космоним *Хъазан-темыр* был заимствован в тот период, когда в осетинском языке активно действовал указанный выше принцип скифского языка.

Ранее мы отметили, что соотносению осетинского космонима с балкарским мешают финальные сегменты слов *хъазан* и *къазакъ*. Однако сейчас, в связи с приведенными только что рассуждениями о синтагматизации, уместно предположить: наличие *-н* в ауслауте осет. *хъазан*

Ранее мы отметили, что соотносению осетинского космонима с балкарским мешают финальные сегменты слов *хъазан* и *къазакъ*.

Таким образом, можно допустить, что осетинский космоним может восходить и к древнетюрк. *темирасын*, *темиргасн* и к балк. *темир-къазакъ* и, наконец, через эти последние — к общетюрк. *темир казык*. Кстати, сочетание в гипотетической семантике этого космонима значений 'железного кола' и 'железного раба' представляется вполне допустимым, так как еще Г. Н. Потанин [23; 12] приводил различные легенды, в которых в образах киргизского Темир казык, осетинского Ахсак-Темур, а также Темир-Боко, прикованного в аду, неподъемного богатыря, верблюда, навеки положенного до разделения земли и неба,

«когда земля и небо еще были новые», т. е. одновременно с актом сотворения мира, возможно, отразилось представление о неподвижной Полярной звезде [12. С. 376].

Однако в дигорском диалекте осетинского языка, как мы уже отмечали, в качестве названия Полярной звезды функционировал космоним Ахсахь-Темур. Нам неизвестно, встречается ли данное название в тюркских языках в качестве космонима или нет (по крайней мере, Г. Н. Потанин [12] полагал, что космоним этот встречается только в осетинском языке, да и в словарях тюркских языков это название в качестве космонима нами не обнаружено) [24], но так или иначе, сочетание это — тюркское и означает оно 'Хромой Тимур'.

Связь между реальным астрономическим объектом Полярной звездой и историческим лицом — Тимуром, обнаруживающаяся в дигорском диалекте осетинского языка, кажется странной, но в фольклоре дигорцев этому факту можно найти объяснение.

Так, в исторической легенде «Как Ахсахь-Темур в Дигорию пришел» [25. С. 553] рассказывается о походе властелина мира Ахсахь-Темура на Дигорию. Победив, он поселился в башне и, обладая крыльями, днем совершал три круга по небу, а ночью возвращался в башню.

Другая легенда «Ахсахь-Темур» [25. С. 554] также гласит о том, что у этого повелителя были железные крылья и что днем он трижды сблелал небо. Вся вселенная была ему подвластна, и только Дигория оставалась непокоренной. Пришел он и сюда. Сильных и достойных перебил, слабых и никчемных забрал и поселил в Китае, а сам поднялся на небо и превратился в звезду.

В легенде «Ахсахь-Темур и Лæдæртæ» [25. С. 555] говорится о том, что давным-давно, когда ангелы еще жили среди людей, обитал на небе Ахсахь-Темур, — только воду пить спускался он на землю, где жили семь братьев Ладаровых (в дигорском диалекте «Лæдæртæ» — это название Большой Медведицы [6. С. 300; 4. С. 17—18]). Им и досаждал Ахсахь-Темур. Когда братья пожаловались Донбеттыру — владыке вод, тот посоветовал им подкараулить Ахсахь-Темура у реки (воды) и убить его. Прослышав об этом, Ахсахь-Темур забрался в центр неба и выставил охрану — двух коней. Братья тщетно поджидали его, но заметили только тогда, когда начало светать. Они устремились к Ахсахь-Темуру, но он растворился (исчез) в лучах света.

Этот сюжет был изложен сначала В. Ф. Миллером [6. С. 300], затем Г. Н. Потаниным [12. С. 127, 575], а позже и В. И. Абаевым [4. С. 17—18].

Знаменитый среднеазиатский эмир Тамерлан (Тимур) вначале изображен в относительно реальных тонах. В дальнейшем, однако, этот образ подвергается эпической трансформации: превращается сперва просто в звезду, а затем в Полярную звезду [26]. Характерно и упоминание эпизода с семью братьями, устремившимися к Ахсахь-Темуру.

Подобная метафоризация «отношений» реальных космических тел — в данном случае Полярной звезды и созвездий — посредством соотнесения их с реальными историческими событиями в фольклоре не редкость [27].

Интересно, на наш взгляд, то, что в казахском языке двум более крупным звездам Малой Медведицы даны названия Ак боз ат 'белый конь', и Кок боз ат 'серый конь'. Согласно легенде белый и серый кони, привязанные веревкой к железному колу «Темир казык» (т. е. к Полярной звезде.— Ю. К.), пасутся на лугу. Семь конокрадов (Большая Медведица.— Ю. К.) хотят похитить этих коней и всю ночь следят за ними,

Кони ходят вокруг кола, конокрады следуют за ними. Так повторяется каждую ночь [16].

Нетрудно заметить сходство осетинско-дигорской легенды о семерых братьях с казахской. Но обратимся и к другим параллелям.

Так, в башкирской эпической поэме «Урал-батыр» царь дивов Азрака, чтобы оседлать Акбузата (белого коня) или убить его, посылает за ним семерых дивов, которые гнались за Акбузатом тысячу лет, но так и не смогли настичь его. Опозоренные дивы остались на небе в созвездии Етеген (*ете* 'семь' + аффикс *ээн*), т. е. Большой Медведицы [28. С. 136—137].

На наш взгляд, любопытны сведения Г. Н. Потанина о том, что в Лаосе (Тибете) существует поверье, будто под одной из гор погребена голова нечестивого царя Ландармы (царя с бычьими рогами), и раз в году гора эта (она называется по-монгольски Ландармене-тологой) начинает надвигаться на город [12. С. 397]. Очевидно, можно сопоставить осет. *Ләдәртæ* (звезды Большой Медведицы) с именем царя, т. е. Ландармы, тем более что *ләдәртæ*, по толкованию В. Миллера [6. С. 300], — 'протяжки', а согласно В. И. Абаеву [4. С. 17—18] — 'простофиля', 'беспомощный, никчемный человек' и, следовательно, обозначает отрицательные качества.

Г. Н. Потанин писал также, что «в Монголии распространена легенда о том, что Плеяды прежде состояли из семи звезд, но одна из них была похищена созвездием Большой Медведицы, с той поры Плеяды вечно гоняются по небу за Большой Медведицей» [12. С. 112, 119]. В осетинском предании же похитителем выставлена Полярная звезда, она убила у семи звезд Большой Медведицы мальчика, и Большая Медведица каждую ночь ходит, чтобы отомстить за него.

Можно вспомнить также нартские сказания [29], где мы вновь встречаемся с этим мотивом: божественная сестра и жена Урузмага — Сатана скрывает сына в подводном царстве — у Донбеттыров, но его по воле случая встречает Урузмаг и нечаянно убивает его. Что это, — простое совпадение?

Г. Н. Потанин писал [12], что в кабардинском предании, как и в осетинском, но в отличие от монгольской версии, Плеяды хотят убить мальчика семи звезд Большой Медведицы, однако его удается спасти.

В «Алтан-Тобчи» женщина скрывает у себя мальчика Болго-Нояна, которого замышляет убить ойратский хан.

В тюркской сказке 40 убийц — Джанбагъ (Плеяды) хотят убить идыле (Большую Медведицу) с 40 товарищами.

Как видно, в этой группе легенд одни люди действуют против других.

В другой группе легенд антропоморфная окраска сходит на нет. Так, Г. Н. Потанин [23] упоминает народные сказания киргизов и монголов, в которых повествуется, что некогда Плеяды жили на Земле, где в то время царствовали вечный холод, вечная смерть. Тогда-то верблюд и корова решили изгнать врага, раздавить его, — это должен был сделать верблюд. Но корова поторопилась и первая наступила на чудовище — Плеяды проскользнули сквозь раздвоенное копыто коровы и поднялись на небо. (Здесь уместно задаться вопросом: не являются ли дигорско-осетинские легенды об Ахсахъ-Темуре своеобразной трансформацией, эхом только что изложенного предания?).

В других легендах (например, киргизские поверья, ордосские предания) рассказывается о том, как воры (чаще всего это Большая Медведица) крадут либо лошадь, либо коновязь (Полярную звезду). Г. Н. Потанин приводит ордосскую «Легенду о Полярной звезде» [23], в ко-

торой говорится о том, что при Чингис-хане или Еджен-богдо с неба спустилась белая лошадь. Еджен-богдо посвятил эту лошадь богам и приказал изготовить золотую коновязь, дабы лошадь не убежала. Наконец, однако, вор, укравший коновязь. Когда вора поймали, Еджен-богдо приказал закопать его в землю по горло и привязать к нему спустившуюся с неба белую лошадь.

Интересно, что число воров в легендах сравнительно устойчиво — их то 40, то 7, то 1. Крадут же чаще всего 1 или 2 предмета (например, двух лошадей, одну лошадь, одну звезду, одну столб, кол).

Мы видим, как мифологическое мышление вбирает в свою орбиту различные уровни и аспекты реальности, зачастую отождествляя их друг с другом так, что живое, проходя те или иные трансформации, становится неживым, а человек уподобляется космическому объекту.

В этой связи интересна интерпретация уйгурского издания дастана «Огуз Каган» турецким автором Ахмедом Б. Эрджилясунум [29]. По мнению ученого, в этом дастане изложена тюркская космогония: когда Огуз Каган женился на девушке, спустившейся с неба вместе с лучами света, у него родились три сына — Кюн (солнце), Ай (луна), Иултюз (звезда); также родились у него три сына — Кек (небо), Таг (гора), Тенгиз (море), когда он женился на девушке, жившей посреди озера в дупле дерева. Это означает, что согласно тюркской мифологии сначала был создан человек, затем в результате союза человека и неба (женщины, спустившейся с неба в лучах голубого света) был сотворен космос, а соединением человека и бога земли и воды (девушки, вышедшей из дупла дерева посреди озера) — земная поверхность.

Несомненно, данная интерпретация дастана «Огуз Каган» вносит важные дополнения в наше понимание мироосознания древних тюрков. Вместе с тем надо подчеркнуть и то, что в упомянутом дастане, как и в других фольклорных произведениях, отражающих в виде тех или иных структур коллективное бессознательное, можно выделить не только космогонические, но и антропогонические смыслы.

Вряд ли нужно акцентировать внимание и на том, что архаическому мышлению было вовсе не свойственно разграничение бытия и сознания, и уж тем более было оно свободно от рассудочных, «картезианских» структур, которые этому мышлению подчас приписывают (видимо, в качестве реакции на «алогизм» и «иррациональность», доминировавшие в некогда модных теориях мифа и мифологического мышления).

В связи с изложенной интерпретацией тюркского дастана можно вернуться к отражению данного мотива у осетин. Так, в нартских сказаниях [30] рассказывается о том, что у Уархага родились близнецы — Ахсар и Ахсартаг. У нартов же была чудесная яблоня, с которой вдруг стали исчезать волшебные яблоки, исцелявшие от всех болезней. Нарты решили охранять свою яблоню по очереди. Настал черед и Уархага. И пошли вместо него в сад братья-близнецы. Под утро Ахсартаг заметил, как к яблоне подлетели три голубицы и одна из них попыталась похитить яблоко. Юный богатырь не растерялся и выстрелом из лука ранил голубицу. Затем Ахсартаг отправился в путь по кровавому следу, который привел его в подводное царство. Вылечив голубицу-девушку Дзерассу, он женился на ней. Вернувшись с ней на землю, Ахсартаг пошел искать Ахсара, который вскоре сам набрел на шалаш брата. Через день возвратился и Ахсартаг и застал свою жену огорченной. Не разобравшись, в чем дело, он тут же убивает своего брата, но как только узнает правду, убивает и себя. Дзерасса плачет горькими слезами, тут появляется Уастырджи (Святой Георгий) и обещает ей похо-

ронить братьев, если она согласится разделить с ним ложе. Но как только Уастырджи сдержал данное им слово, Дзерасса скрывается. Вскоре в доме Уархага у нее рождаются двое сыновей — Урузмаг и Хамиц. Через некоторое время Дзерасса умирает. Уастырджи, оживив ее на время и пробыв с нею, тут же исчезает, а в склепе вскоре появляется ребенок — дочь Дзерассы и Уастырджи — Сатана. Впоследствии Сатана женит на себе Урузмага. Хамиц женится на девушке из карликового рода. У Сатаны рождается сын — Сослан-богатырь, сотворенный из камня, на котором поочередно сидели Сатана, а затем пастух из соседнего села. У Хамица же между лопатками появляется большой нарыв, который образовался после того, как жена ему вдохнула туда зародыш. Из этого нарыва рождается сын Хамица — огненный Батраз, который сначала живет под водой, затем среди нартов и под конец — на небе.

Очевидна определенная близость этого сказания к упомянутому быше тюркскому дастану.

В целом же можно сказать, что предания, легенды, поверья, закрепленные в языковой форме, отражают различные (а не только космогонические) модели восприятия мира. В этом плане нельзя не согласиться с мыслью Л. Витгенштейна [31. С. 36—46] о том, что вся жизнь племени вовлечена в подчиняющуюся определенным конвенциям «языковую игру», причем соблюдение правил этой игры имеет характер ритуала. Именно поэтому в основе магии лежит и лингвистический символизм, а в естественном языке закреплена целая мифология. По Л. Витгенштейну, путь к пониманию и толкованию семантики ритуалов древних народов может открыть нам язык. Важно проследить, например, те цепочки, по которым осуществляется перенос значения от одного объекта к другому, подобно тому, как это произошло в ситуации с «хлебным волком». Этим словосочетанием, отмечает философ, крестьяне Северной Европы сначала называли некую таинственную, скрывающуюся в последнем сжатом снопе пшеницы, затем так стали называть сам сноп, потом — воз, на котором сноп доставляют в деревню, и, наконец, челоука, который связывает последний сноп.

Если вернуться к анализируемым космономам, то можно обнаружить справедливость витгенштейновской идеи. В самом деле, с названием Полярной звезды в тюркских языках связаны различные метаморфозы исходного понятия от человека — к чудовищу, далее — к животному, от него — к предмету и, наконец, к звезде.

Можно принять и точку зрения Г. Н. Потанина, согласно которой «тюрки могли разнести одни и те же легенды и поверья от Монголии до Кавказа и передать их кавказским горцам» [12. С. 575].

Закljučая наш анализ, согласимся с тем, что «названия космических объектов всегда отражали только земное» [16. С. 4]. И все же главное, вероятно, заключалось в том, что земное связывало человека со вселенной. Именно этим объясняется сходство космогонических представлений разных народов, а не тем только, что «их предки общались еще в глубокой древности» [16. С. 4].

Таким образом, Ахсахъ-Темур — осетинский (дигорский) космоном, название Полярной звезды — заимствован из тюркских языков. Обращает на себя внимание порядок следования компонентов космонома. В отличие от Хъазан-Темур, он соответствует порядку следования в современных осетинском и тюркских языках (при условии, конечно, что в качестве определения в обоих случаях выступает имя прилагательное). Но это бывает не всегда (ср., например: *астемир* 'яс железный' или 'яское железо' в карачаевском языке [32. С. 73]). Однако

если иметь в виду понятие 'железный хромец', то рассматриваемый космоним может предстать в форме Гемур-ахсахъ [33].

Итак, космоним Хъазан-Темур был заимствован осетинским языком до XIV в., т. е. до появления космонима Ахсахъ-Темур в дигорском диалекте, поскольку в последнем в этом случае уже не действовал отмеченный выше порядок следования слов скифского периода развития осетинского языка.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Ср. хотя бы этимологии таких космонимов, как *бонварнон боброн* 'утренняя звезда' (планета Венера), *авд хойы* 'созвездие Плеяды', *стъалы* 'звезда', *мгъй* 'месяц' (луна), *гърржъны фæд* 'Млечный путь' и др. См. также [2—7].

² *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1941. Т. 1.

³ *Он же.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958. Т. 1.

⁴ *Он же.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1973. Т. 2.

⁵ *Боголюбов М. Н.* Звезда α Таурі в древнеиранской мифологии//Литература, язык, культура. М., 1986.

⁶ *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. М., 1882. Ч. 2.

⁷ *Он же.* Осетинско-русско-немецкий словарь. Л., 1927. Т. 1.

⁸ *Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.

⁹ *Кейлер Ф. Б.* Труды по ведийской мифологии. М., 1986. Ср. также высказывание П. А. Флоренского о синтетическом слове — «точке приложения деятельности мысли, создающей предложение и даже целую речь», получающем «отпечатления об всей речи», о слове как о «свишемсе в комок предложения» [10. С. 127].

¹⁰ *Флоренский П. А.* Термин//Вопр. языкознания. 1989. № 1.

¹¹ *Борев Ю. П.* Проблема происхождения литературы и искусства//Контекст-1984. М., 1986.

¹² *Потанин Г. Н.* Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899.

¹³ Древнетюркский словарь. М., 1969.

¹⁴ *Киргизско-русский словарь.* М., 1965.

¹⁵ *Ногайско-русский словарь.* М., 1963.

¹⁶ *Нуржанов К. Н.* Казахская космонимия//Этнография имен. М., 1971.

¹⁷ *Русско-карачаево-балкарский словарь.* М., 1965.

¹⁸ *Русско-тюркский словарь.* Баку, 1922.

¹⁹ Значение (2) может быть проиллюстрировано примером: *къазакъ бѣрю* 'одинокий волк'. И. И. Отаров (отдел языка Кабардино-Балкарского НИИ), указавший на это, полагает, что *къазакъ* в Темир *къазакъ*, возможно, есть искаженное общетюркское *къазак* или, что также не исключено, *къазакъ* здесь выражает одиночество (обособленность) обозначаемой звезды.

На наш взгляд, второе предположение И. И. Отарова гораздо ближе к истине. В этом мнении нас укрепляет и аналогичное суждение Д. С. Куулара (Кызылский госпединститут) по поводу другого осетинского космонима — Ассахъ-Темур. Ученый считает, что *ахсахъ* здесь означает не столько 'хромой, хромец', сколько 'одинокий'; так, тув. *аксак амыдырая* переводится как 'хромая жизнь, жизнь без одной ноги, без жены или мужа, одинокая жизнь'. По словам Д. С. Куулара, в Тувинской АССР старики сохранили предание о Полярной звезде, как об одинокой звезде, одиноком и неподвижном колышке, к которому привязывают коня.

Отметим также наличие в балкарском языке слова *къазакъ* 'кол'.

²⁰ Ср., в частности, возможность перехода заднеязычного смычного /g/ или фрикативного /gʷ/, а также /x/ в вулгарный /xʷ/ (например, диг. *гъазун* 'играть', *гъар* 'тепло', *гъау* 'село' — ирон. *хъазын*, *хъарм*, *хъау* и т. д.). Кроме того, одинаковые по месту образования (однорядные) гласные вполне могли «поменять» место и по способу образования, т. е., скажем, вместо редуцированного звука или звука верхнего подъема ввести гласный нижнего подъема. Заметим, кстати, что законы соответствий между звуками заимствующего и заимствуемого языков менее жестки, чем между звуками какого-либо языка и архетипами последнего.

²¹ *Коков Д. Н.* Из адыгской космонимии//Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980.

²² *Меретукова К. Х.* О некоторых космонимах адыгейского языка//Там же.

²³ *Потанин Г. Н.* Следы почитания звезд у народов Северо-Восточной Азии: (рукопись доклада)//Иркут. гос. арх. С. 779, оп. 1, ед. хр. 16 (сведения о рукописи любезно сообщены нам Д. С. Кууларом).

²⁴ На первых всесоюзных конференциях по тюркской ономастике (23—25 сент.

1986 г., Фрунзе) и иранской ономастике (19—21 апр. 1989 г., Орджоникидзе) никто из тюркологов и иранистов не возразил против данного тезиса.

²⁵ Ирон адамы сфалдыстад. Орджоникидзе, 1961. Т. 1.

²⁶ Ср., однако, у Г. Н. Потанина: «Немыслимо, чтобы имя исторического лица обратилось в имя звезды» [12. С. 402; см. также с. 398].

²⁷ Далгат У. Б. Этническое и эпическое в фольклорных памятниках древности// Современное состояние и задачи советской фольклористики: Тез. М., 1986.

²⁸ Тухватуллина В. Ж. Собственные имена в эпосе «Урал-батыр»//Исследования по башкирской диалектологии и ономастике. Уфа, 1986.

²⁹ Эрджилясун А. Б. Некоторые соображения о дастане «Огуз Каган»//Сов. тюркология. 1987. № 6.

³⁰ Нарты кадджытæ. Дзæуджыхъæу, 1946.

³¹ Грязнов А. Ф. Аналитическая философия и проблема понимания культурно-исторических феноменов//Филос. науки. 1989. № 3.

³² Хабичев М. А. Из тайников карачаевских этнонимов//Ономастика Востока. М., 1985.

³³ Малиги Г. Ираф. Орджоникидзе, 1986.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

М. И. ТРОФИМОВ

К ВОПРОСУ О ПРОИЗВОДНОЙ И НЕПРОИЗВОДНОЙ ДОЛГОТЕ ГЛАСНЫХ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Как известно, в тюркологической литературе долгие гласные рассматриваются в разных аспектах и соответственно существуют различные их классификации. Например, с этимологической точки зрения, тюркские долготы делятся на первичные и вторичные, а с функциональной—на фонологические, т. е. имеющие смыслоразличительное значение, и фонетические, не выступающие в смыслоразличительной функции. По мнению Э. В. Севортыяна, краткие гласные могут характеризоваться различной сонорной длительностью, которая, в свою очередь, может иметь как первичное, так и вторичное происхождение [1. С. 50]. Однако такое употребление терминов приводит к смешению понятий, поскольку в научной литературе прочно закрепилось деление долгих гласных на первичные и вторичные в этимологическом смысле. Поэтому лучше принять другую систему терминов, скажем, долготы непрямые, т. е. восходящие к предыдущему состоянию языка или языку—источнику заимствования, и производные—вызванные воздействием определенных фонетических условий, в частности позиции.

Г. Ракетт в свое время одним из первых зафиксировал в уйгурском языке семь долгих и семь кратких гласных [2. С. 2—3; 3. С. 6]. Следует отметить, что очень часто к тюркским языкам применяют универсальную классификацию гласных по длительности, включающую четыре ступени: долгие, полудолгие, краткие (нормальные) и иррациональные (сверхкраткие) [4. С. 430; 5. С. 47; 6. С. 76]. Иногда количество этих ступеней сокращается до трех [7. С. 47; 8. С. 147; 6. С. 76, 82].

Здесь можно провести известную параллель с ударением, поскольку исследователи также выделяют до четырех ступеней ударности. По мнению Т. Талипова, изолированно произнесенный, а также ударный гласный принимаются за гласный нормальной долготы [6. С. 82]. По данным Г. Шарафа, в татарском языке ударные гласные в 1,4—2 раза длиннее безударных (цит. по: [9. С. 23]). Э. В. Севортыяна также считает, что долгие гласные в полтора раза длиннее кратких [1. С. 50]. П. Е. Кузнецов дает такое соотношение длительности: если полудолгий принять за единицу, долгий будет равен 2, краткий $\frac{1}{2}$, иррациональный $\frac{1}{4}$ [4. С. 431]. В. В. Решетов приводит для узбекского примеры: *бир* 'один' (краткий), *бирга* 'вместе' (нормальный), *бийрон* 'отточенный'—о языке (долгий) [8. С. 147], а П. Е. Кузнецов также для узбекского выделяет следующие гласные (мы обозначим длительность цифрами: 1—долгий, 2 — полудолгий, 3—краткий, 4—сверхкраткий): *қул* 'рука' (1), *қул* 'раб' (3), *пул* 'деньги' (1), *тариқ* 'просо', (2 2), *қиш* 'зима' (3),

қалин 'толстый', 'плотный' (2 2), бор 'есть' (1), йўқ 'нет' (2), тушти 'слез' (4 2), чақиради 'позовет' (2 4 1 3), оғиради 'заболит' (2 4 1 3), бър 'один' (4), қизил 'красный' (4 2). По его мнению, внутри четвертой ступени тоже существуют свои градации, зависящие от качества соседних согласных. Например, в слове бир 'один' иррациональный гласный слышится лучше, чем в слове чақиради 'позовет', в слове душман 'враг' — лучше, чем в слове тушинг 'слезай' [4. С. 430—431].

Если в делении гласных на четыре ступени главным мерилом является их абсолютная длительность, то для фонологического плана важное значение имеет только относительная длительность гласных. В тюркских языках, с фонологической точки зрения, в основном выделяются лишь две ступени: долгие и краткие гласные [7. С. 47], хотя Г. Дёрфер, ссылаясь на материалы халаджского языка, выделяет три фонологически значимые градации гласных. Л. Базен следующим образом оценивает ситуацию с долгими гласными в тюркских языках: долгие гласные (в частности \bar{A} , \bar{I} , \bar{U}) в современных языках не сохранились, однако они могут возродиться при заимствовании слов из других языков (главным образом арабского и персидского, например, в турецком). Но это не означает воскрешения корреляции длительности в собственно тюркских словах. Кроме того, в заимствованных словах долготы имеют тенденцию к исчезновению в беглой речи [10. С. 12]. Однако такая оценка, видимо, является неполной. Г. Ярринг указывает, что долгие гласные встречаются довольно часто в словах тюркского корня, не считая арабских и персидских заимствований [5. С. 43].

Длительность гласных может зависеть от различных факторов как узуального, так и окказионального характера. К первым относятся качество гласного, а также ударение, характер слога, консонантное окружение, место в предложении, ко вторым — темп, стиль речи, ее эмоциональная окраска, наличие или отсутствие эмфазы, индивидуальные особенности произношения [1. С. 50; 7. С. 59, 134—135; 8. С. 147; 6. С. 11, 74, 82, 85, 96; 4. С. 434]. Ниже нас будут интересовать главным образом производные долготы, вызванные влиянием факторов первого рода.

О связи длительности гласных с их подъемом говорили многие авторы. Обычно указывают, что узкие гласные являются более краткими, чем широкие, а из узких наиболее кратким является гласный i . Для уйгурского языка такая закономерность была отмечена Т. Талиповым [6. С. 31, 74, 82]. О других тюркских языках, в частности узбекском и турецком, то же самое говорили Э. В. Севортян, а также А. М. Шербак [1. С. 50; 7. С. 134]. Подобные наблюдения делались и для других языков [11. С. 186—187]. О. Есперсен отмечает, что многие авторы, начиная с Мейера (1909), стремились придать этому закону универсальное значение, увязывая его с особенностями физиологии органов речи [12. С. 451]. Впрочем, в одной из своих работ Т. Талипов говорит, что широкие гласные не только более длительные, но и более интенсивные [13. С. 68]. Сочетание этих двух тенденций в одном языке, во всяком случае, всеобщим законом не является [11. С. 187].

Противоречивые свидетельства существуют относительно влияния на длительность ударения. В русском языке, как известно, ударные гласные являются относительно долгими (фонетически), а безударные подвергаются редукции, т. е. сокращению (Л. А. Аганина и Т. Талипов считают, что в русском языке ударные гласные будто бы удлиняются, однако для русского языка лучше говорить не об удлинении ударных гласных, а о редукции безударных). Что касается тюркских языков, то здесь имеются два мнения. С одной стороны, отмечается прямая зависимость длительности гласных от ударения. Например, по мнению

А. М. Щербака, ударные гласные более длительные [7. С. 59]. Э. В. Севортян также указывает, что ударные гласные в тюркских языках протяженнее безударных, хотя разница не так велика, как в русском [1. С. 50]. По мнению В. В. Решетова и А. К. Боровкова, в узбекском ударные гласные более четкие качественно и более длительные количественно [8. С. 314; 14. С. 681]. П. Е. Кузнецов приводит пример из узбекского, как будто подтверждающий это положение: в словосочетании *чой пулы* 'чаевые' конечный *ы* является полудолгим, но во фразе *чой пулыны эласыс* 'получите чаевые' он становится кратким [4. С. 433]. С другой стороны, по мнению некоторых ученых, между долготой гласных и ударением прямой зависимости нет. Так, А. Н. Кононов считает, что в турецком языке долгий гласный может быть в безударной позиции, краткий — в ударной: *hâdisé* 'событие', *âlem* 'мир' (из арабского) [15. С. 51]. По мнению Л. А. Аганиной, в уйгурском языке динамическое ударение не вызывает удлинения ударного гласного [16. С. 83]. Данное мнение, видимо, восходит еще к Н. И. Ильминскому, который отмечал, что в казахском ударение не нарушает природной длительности и краткости звуков. А. Гуломов, с одной стороны, ссылаясь на экспериментальные данные Г. Шарафа, согласно которым в татарских словах *кана*, *толқон* безударные гласные в полтора-два раза короче ударных, высказывается за влияние ударения на длительность гласных. То же он говорит об узбекском языке. Но, с другой стороны, по его мнению, в узбекском языке ударность гласного не связана с его количеством: долгие гласные в узбекском бывают безударными и, наоборот, ударные гласные необязательно бывают долгими [9. С. 20, 23—24]. Сходные данные приводит Т. Талипов для уйгурского и казахского языков. С одной стороны, отмечает он, гласные в начале и в конце слова имеют разную длительность. По его мнению, ударные гласные удлиняются, а безударные редуцируются. С другой стороны, он говорит, что длительность гласных в уйгурском и казахском языках не является существенным компонентом словесного ударения и лишь иногда выступает как его дополнительный фактор; силовое ударение в этих языках не исключает, а иногда и предполагает сосуществование его с количественным ударением [13. С. 68; 6. С. 22, 85, 87, 92; 17. С. 245].

Еще одним фактором, который также часто упоминается в связи с долготой гласных, является характер слога—его открытость или закрытость. Нередко этот вопрос переплетается с вопросом об ударности—безударности. В свое время М. А. Кастрен вывел закон, сначала сформулированный им для одного из сибирских языков, а затем распространенный и на другие тюркские языки: гласный односложного слова, состоящего из открытого слога, является долгим, а гласные односложных слов, оканчивающихся на согласный, — краткие. Объявляя эти правила неверными, В. Радлов предлагал следующее: 1) все гласные в открытых слогах произносятся более четко и энергично, чем в закрытых; 2) ударный гласный имеет более определенную артикуляцию, чем безударный. Длительность гласных в коибальском (который имеет в виду Кастрен) совершенно не подвержена колебаниям и стабильна, как и во всех северных тюркских диалектах (языках) [18. С. 80—82]. В другом месте В. Радлов связывает качество гласного с ударением и отмечает, что в «волжском диалекте» (т. е. татарском языке) половинное повышение тона (то, что у других авторов обозначается как второе степенное ударение) не наступает в корневых слогах с гласными *ө ö і* [18. С. 97]. С. Вурм также говорил о зависимости ударения от структуры слога и качества гласного (применительно к узбекскому языку) [7. С. 111]. Советские авторы связывают открытость—закрытость слога

с длительностью или ударностью и, как правило, заключают, что в открытом слоге гласные более долгие [7. С. 59]. Например, по мнению Э. В. Севортяна, ударные гласные в открытом слоге большей частью протяженнее, чем в закрытом [1. С. 50]. Несколько противоречивые суждения применительно к уйгурскому языку высказывает Л. А. Аганина. В одном месте она устанавливает правило, по которому если в двусложном слове оба слога открытые, то на них падает ударение, почти одинаковое по интенсивности, но не по качеству, например: *tērā* 'кожа', *lāzā* 'перец', *rōzā* 'пост', *bā:kā* 'перочинный нож'. Здесь автор видит проявление той же компенсационной долготы, о которой в несколько иной связи упоминал еще акад. Ф. Е. Корш (в статье «Слово *балдақ* и долгота гласных в турецких языках»). В другом же случае Л. А. Аганина говорит о количественном ударе, которое якобы является следствием выпадения согласных (например: *kāla* 'корова', *ōda* 'ямка', 'норка', *lāza* 'перец'), а в третьем — даже о перемещении главного ударения на первый слог в словах типа *kāva* 'тыква' [16. С. 85—86, 88—89], хотя ни в одном из перечисленных слов долгота не образуется в результате выпадения согласного, а некоторые из них могут иметь собственную (непозиционную) долготу, принесенную из того языка, из которого они заимствованы, например, кит. *lāza* 'перец', перс. *gōza* 'пост'. Так что вопрос о длительности открытых слогов в уйгурском языке остается спорным и ждет своего решения.

Т. Талипов также, по-видимому, не делая в данном случае различия между интенсивностью и длительностью гласного, считает, что в уйгурском и казахском языках гласные в закрытых слогах короче, чем в открытых. Это особенно справедливо для абсолютного исхода слова, например, *atqa* 'лошади' — *atqan* 'стрелявший', *kala* 'корова' — *kalanı* 'моя корова' [13. С. 68; 6. С. 94—95]. В. А. Богородицкий подтверждает эту закономерность для тюркских языков вообще и в частности — для татарского ([19. С. 50]; цит. по [6. С. 95]).

Частным случаем данной закономерности является длительность гласного перед двойными согласными, например: *ata* 'отец' — *atta* 'на лошади' [6. С. 93—94]. П. Е. Кузнецов утверждает, что якобы перед удвоенными согласными ударный гласный также получает долготу, например, *āpā*, но, однако, *hāpa* 'весь' и т. п. [4. С. 432]. В действительности же в указанных словах долгота первого слога является либо заимствованной, либо связана с семантикой слова. Впрочем, по мнению А. Гуломова, в ударном слоге не только гласный, но и согласный выступает более долгим, чем в безударном [9. С. 24].

Любопытно, что в стихах, подчиненных закономерностям арабско-персидской поэтики, действуют, видимо, другие правила: открытый слог может быть долгим и кратким, а закрытый, если он не оканчивается на *n*, как правило, — долгий [7. С. 49].

В изложении Т. Талипова положение о долготе гласных открытых слогов и краткости закрытых выглядит как всеобщий закон, который распространяется, в частности, и на русский язык. По данным Л. В. Златоустовой, гласный закрытого слога, при прочих равных условиях, здесь короче гласного открытого слога на треть или на четверть общей длительности звука [6. С. 94—95]. Т. Талипов ссылается на В. А. Богородицкого, который указывал, что «в открытых слогах звучание гласного ничем не ускоряется, тогда как в закрытых слогах гласный должен замкнуться артикуляцией согласного, предвосхищение (антиципация) которой и влияет на укорачивание сонорной длительности гласного». Однако нужно учесть, что дело может обстоять иначе в других языках, в которых существует фонематическое противопоставление

долгих и кратких гласных. В немецком языке при переходе от средневерхненемецкого периода к нововверхненемецкому происходило перераспределение долгих и кратких гласных в некоторых словах, например, краткий *a* в открытом слоге удлинялся (tage > Ta:ge 'день'), а долгий *a* в закрытом слоге сокращался (â: cht > Acht 'опала'). В латинском же языке ударный гласный в закрытом слоге получал фонетическую долготу, даже если фонематически был кратким, как, например, в слове factus. Краткие безударные гласные подвергались сужению, причем в открытых слогах более сильно, чем в закрытых. Что касается современного уйгурского языка, то вопрос о существовании в нем фонематического противопоставления долгих и кратких гласных не может считаться решенным. Существуют вторичные долготы гласных, образующиеся в результате выпадения согласных. Можно найти контрастные пары, основанные на наличии или отсутствии этих долгот [20. С. 27]. Правда, такие долготы подвержены факультативной редукции. С другой стороны, именно в открытых слогах гласные в современном уйгурском языке подвержены сужению, как, например, в слове bala 'ребенок'—balisi 'его ребенок'. Сужение гласных наблюдается и в начальных слогах (умлаут); только в конечных слогах основ тенденция расширения гласных в открытых слогах по сравнению с закрытыми преобладает.

На этом фоне мы должны рассмотреть концепцию К. Нильсена об ударении в двусложных словах турецкого языка, которая вызвала в свое время оживленную дискуссию (1906). Эта концепция как раз и основана на двух упомянутых выше факторах: качестве гласных и характере слога. Вероятно, ее целесообразно изложить не в том порядке, в каком она предстает у автора, а в порядке возрастающей сложности (цит. по: [21. С. 201—202]).

Четвертое правило К. Нильсена гласит, что если оба слога открытые или оба закрытые, и притом имеют один и тот же гласный (т. е. при прочих равных условиях), то второй слог является ударным, например: atá 'отец', qurú 'сухой', devé 'верблюд', diši 'самка', süřü 'стадо', 'табун', qalmaq 'оставаться', balqan 'горная цепь', alcaq 'низкий', 'низменный', buldum 'я нашел', bildim 'я знал' (примеры даются в транскрипции). Таким образом, здесь К. Нильсен не расходится с традиционной концепцией.

Согласно третьему правилу, если оба слога открытые или оба закрытые, словесное ударение определяется «полнозвучностью» гласного. С точки зрения полнозвучности, *a*, *e* имеют приоритет перед другими гласными, *o*, *ö*—перед четырьмя узкими гласными, а узкие негубные—перед губными, например: qaru 'ворота', dolu 'полный', oqu 'читай', beri 'с', deri 'кожа', koti 'плохой', juqa 'мой', 'стирай', oda 'комната', jine 'снова', armud 'груша', altyn 'золото', qaldum 'я остался', sorđum 'я спросил', gordum 'я увидел', geldim 'я пришел', sormaq 'спрашивать', juqmaq 'опрокидывать', bulmaq 'находить', gořmek 'видеть', bilmek 'знать', duřmek 'падать'. То, что К. Нильсен относит здесь к ударению, примерно соответствует тому, что мы знаем о длительности гласных в связи с подъемом, за единственным исключением: узкие негубные обычно считаются более краткими, чем узкие губные.

По первому правилу, если первый слог двусложного слова является закрытым, а второй открытым, то первый слог—ударный; например: tatly 'вкусный', qanlı 'кровавый', calyu 'музыка', eski 'старый', korpu 'мост', qopje 'бутон', 'почка', corba 'суп', cizme 'сапог', usta 'мастер', inje 'тонкий', qaldu 'остался', geldi 'пришел', juqtu 'опрокинул', serdu 'спросил', bildi 'знал'. Таким образом, это правило вводит еще

один, третий по счету фактор — открытость и закрытость слога. Отметим, что любое стечение согласных в середине слога К. Нильсен делит на два слога, так же, как это делается и в настоящее время [22. С. 333].

Наиболее сложным является второе правило, которое касается слов с первым открытым и вторым закрытым слогом. Здесь, по К. Нильсену, сочетается действие двух факторов—качества гласного и открытости—закрытости слога. Это правило распадается на 3 случая: а) если в первом открытом слоге выступает узкий гласный, главное ударение падает на второй (закрытый) слог: *bütü* 'весь', *bujuq* 'усы', *biçim* 'форма', 'покрой', *bulút* 'облако', *çiçek* 'цветок', *suçan* 'мышь', *çuvál* 'мешок', *juqar* 'он опрокидывает', *bilig* 'он знает'; б) если в первом (открытом) слоге выступает широкий гласный, а во втором—узкий, то главное ударение приходится на первый слог, например: *báluq* 'рыба', *áyuq* 'рот', *áluq* 'лоб', *áçuq* 'открытый', *çözüq* 'дитя', *böjük* 'большой', *óquq* 'он читает', *qáluq* 'он остается', *gélig* 'он приходит', *gögür* 'он видит'; в) наконец, если в обоих слогах выступают широкие гласные, причем в первом слоге губные (полуширокие *o, ö*), а во втором—негубные (*a, e*), то главное ударение приходится на второй слог, например: *çogáb* 'чулок', *qalár* 'он остается', *sogár* 'он спрашивает', *döner* 'он вращается', *boqar* 'давит', 'душит'.

Теорию К. Нильсена критиковали многие авторы начиная с В. Преле и кончая А. Гуломовым и А. М. Щербаком [9. С. 5; 7. С. 111]. В частности, А. Гуломов объясняет ошибку К. Нильсена тем, что закрытый слог в тюркских языках произносится несколько сильнее, так как требует большей силы выдоха, чем открытый, например, узб. *tâmaq* 'еда' — *tâšmaq* 'переливать через край' (со ссылкой на работу Г. Шарафа «Сонорная длительность татарских гласных»). Но эти утверждения К. Нильсена и А. Гуломова явно противоречат высказываниям по этому поводу других авторов, в частности В. Радлова (см. выше). У. Ш. Байчура ограничивается сдержанным замечанием, что теория К. Нильсена нуждается в проверке инструментальными методами [23. С. 190]. Г. Ракетт, который, как и К. Нильсен, выступает против традиционной концепции тюркского ударения, выдвигает взамен свою концепцию музыкального ударения [24. С. 7]. По его мнению, оппозиция традиционной точке зрения естественна для всякого норвежца или шведа, поскольку в скандинавских языках существует музыкальное ударение. Однако он не объясняет, почему в таком случае К. Нильсен не заметил еще раньше существования музыкального ударения в тюркских языках, а обратил внимание на другие аспекты просодии.

Интересно сопоставить с теорией К. Нильсена то, что думает об ударении в заимствованных словах в турецком языке, и особенно в географических названиях, А. Н. Кононов [15. С. 52]. Согласно А. Н. Кононову, в словах, заимствованных из западных языков (итальянского, греческого, французского, южнославянских), ударения распределяются следующим образом (примеры даны обычным письмом):

1) в двусложных словах с конечным открытым слогом ударение, как правило, падает на первый слог: *lâpka* (ит.) 'банк', *bálo* (ит.) 'бал', *káblo* (ит.) 'кабель', *pósta* (ит.) 'почта', *tâbla* (ит.) 'нарды', *lámba* (греч.) 'лампа', *sóba* (болг.) 'печь', *çéte* (слав.) 'партизанский отряд';

2) в двусложных словах с конечным закрытым слогом ударение, как правило, падает на конечный слог: *bilét* (фр.) 'билет';

3) на первый слог падает ударение также в географических названиях, особенно с конечным открытым, а часто и с закрытым слогом,

например: Rúsyа 'Россия', Fránsа 'Франция', Lóndra 'Лондон', Kónya 'Конья', İsveç 'Швеция', İraп 'Иран', İzmir 'Измир', Páris 'Париж', Bér-lin 'Берлин', Sámsun 'Самсун' и пр.;

4) в трехсложных и четырехсложных словах с конечным открытым слогом ударение, как правило, падает на предпоследний слог: eféndi (греч.) 'господин', 'сударь', tiyátro (ит.) 'театр', lokánta (ит.) 'ресторан', thermomètre (фр.) 'термометр', Avrúpa 'Европа', Almánya 'Германия', Galáta 'Галата' (р-н Стамбула), Amerika 'Америка', хотя в некоторых географических названиях оно может передвигаться еще дальше от конца слова: Móskova 'Москва', Anкага 'Анкара', Túrkiye 'Турция', Súrkiye 'Сирия', Anáadolu 'Анатолия', Kastámonu 'Кастамону'.

В заимствованных словах с конечным закрытым слогом ударение падает на конечный слог: avukát (фр.) 'адвокат', iskarpin (ит.) 'туфли'.

Расстановка ударений в указанных примерах по правилам А. Н. Кононова и К. Нильсена совпадает не всегда. Как показывает пример с русизмами в уйгурском, на ударение в заимствованных словах может повлиять стихийно образующееся при заимствовании представление об общем правиле для таких слов. А. Н. Кононов приводит контрастные пары с топонимами: kartál 'орел' — Kártal (топоним), sirkeçi 'продавец уксуса' — Sirkeçi — топоним (р-н Стамбула), çekmесе 'выдвижной ящик' — Çekmесе (топоним), tokát 'пощечина' — Tókat (название города). Но в конечном счете материал, указанный А. Н. Кононовым, может навести на мысль, что К. Нильсену действительно удалось подметить какие-то реально существующие черты турецкого произношения, хотя об интерпретации сделанных им наблюдений еще могут быть споры.

Любопытно также, что А. М. Щербак в некоторых языках отмечает наличие долготы в первом открытом слоге с широким гласным, если во втором слоге выступает узкий гласный, например, балк. ònip 'место', гагауз. bāqtum 'я смотрел', qārşu 'против', каз. tāždu 'имеющий корону', lāşup 'ястреб', mōjup 'шея' [7. С. 63]. Во всех этих примерах долгота приходится на то место, куда, по К. Нильсену, должно падать ударение. А. М. Щербак ссылается при этом на Н. И. Ильминского, но Н. И. Ильминский совершенно определенно говорит, что считает эту долготу кажущейся (может возникнуть подозрение, что эта долгота возникает в представлении носителя русского языка, в котором гласный предударного слога подвергается редукции). Нельзя также с полной уверенностью противопоставлять это явление редукции широких гласных в первых слогах в уйгурском языке, о которой говорят А. К. Боровков и Т. Талипов. В последнем случае мы имеем дело не с изменением длительности, а с изменением качества гласного.

Еще одним фактором, влияющим на длительность гласного, является качество следующего согласного. Наиболее достоверные данные по этому вопросу дает В. В. Решетов для узбекского [8. С. 147—148]. Он указывает, что в узбекском большинство гласных перед сонорными, а также перед *з*, *в*, *й* долгие, *и* перед *р*, *л*, *з* сокращается, *и*, *у* перед *й*, *в* становятся долгими, *и*, *у* перед глухими сокращаются. Эти наблюдения можно подтвердить примерами редукции узких гласных в односложных корнях и в первых слогах двусложных и многосложных слов. Многие авторы указывают, что перед спирантами гласные более долгие, чем перед смычными [1. С. 50; 7. С. 59, 134—135; 25. С. 9; 6. С. 11, 96]. П. Е. Кузнецов считал, что долготы в арабизмах и фарсизмах особенно хорошо сохраняются в тех случаях, когда предшествуют конечным сонорным; однако не все его примеры соответствуют этому правилу: *tōr* 'узкий', 'тесный', *zūr* 'сильный', *амалдōр* 'должностное лицо', *амйр* 'говелитель', 'эмир', *асрōр* 'тайна', *машгūл* 'занятый', *салōм* 'привет',

карим 'милостивый', но также *azān* 'боль', 'огорчение', *bōz* 'еще', 'опять' [4. С. 431]. Г. Ярринг приводит другое наблюдение— задние *a* или *ɔ* (*ā*), часто удлинняются перед *γ*: *ba:γ* 'сад', *da:γ* 'пятно', *da:γlamɔq* 'пятнать', *a:ja:γidæ* 'в конце', *to:γdīn* 'с горы'. Однако это явление, видимо, не регулярное, потому что он приводит также формы *baγ* 'сад', *ɕaydæ* 'во время' [5. С. 53]. В уйгурском языке вторичные долготы гласных образуются как рефлекс выпадающих сонорных, в первую очередь *г*. В других тюркских языках долготы могут образовываться также как рефлекс выпадающих гуттуральных. Для уйгурского языка это явление не характерно, если не считать некоторых окраинных диалектов, отражающих влияние соседних тюркских языков.

Для многих языков существуют свидетельства того, что гласные односложного слова длиннее, чем в двусложных словах [12. С. 452; 26. § 667; 27. С. 11та]; например, в немецком в слове *Wald* 'лес' гласный длиннее, чем в слове *Waldes* 'леса' (род. п.), что можно объяснить действием фактора экономии. Нечто подобное можно предположить и для тюркских языков. В. В. Решетов делает аналогичное замечание относительно узбекского языка [8. С. 146]. К. Нильсен считает, что в многосложных словах тюркского происхождения место ударения определяется теми же факторами, что в двусложных; только отношения в них гораздо сложнее. В. Преле, который вообще отрицательно относится к концепциям К. Нильсена, подвергает сомнению и этот тезис. А. Гуломов, приводя примеры из узбекского: *šiš* 'опухоль'—*šiši* 'его опухоль'—*šišiši* 'его опухоль', *tīt* 'растрепи'—*tītil* 'растрепись'—*tītīliš* 'приведение в растрепанное состояние' — *tītīliši* 'его приведение в растрепанное состояние' [9. С. 24], объясняет прогрессивное сокращение длительности гласных неконечных слогов их безударностью; однако нужно учесть, видимо, также и фактор увеличения общей длины слова. По мнению К. Брокельмана, в среднеазиатском литературном языке долготы при аффиксации подвергались редукции. Правда, он оговаривается, что судит исключительно по особенностям графики. Например: *qōl* 'рука'—*qolun* 'руку'; *ji:l* 'ветер' (в современном уйгурском *jäl*) — *jili* 'его ветер'. Махмуд Кашгари неоднократно говорит о краткости гласного в закрытом слоге при аффиксации, например: *jōl* 'дорога'—*jolsuz* 'человек, сбившийся с пути', *jāš* 'слезы', 'возраст'—*jašlyu* 'наполненный слезами', 'пожилой', *jām* 'сор', 'соринка' — *jamlyu* 'засорившийся', 'пораненный осколком', *qāg* 'снег'—*qarlady* 'шел снег', *jāy* 'жир' — *javlady* 'намазал жиром'. Подобные же примеры он приводит и для открытых слогов: *qāča* 'посуда'—*qačalady* 'положил в посуду', *tū:* 'волос'—*tūlädi* 'линял', *či:* 'влага'—*čilädi* 'стал влажным', *sū:* 'войско'—*sülädi* 'выступил в поход' и т. д. [28. С. 51—59].

Можно привести еще одно свидетельство из современного узбекского языка. П. Е. Кузнецов отмечает, что лабиализованный *ā* в односложных словах является долгим: *bōr* 'есть', *qōr* 'снег', *ōz* 'мало', *qōl* 'оставайся', *bōsh* 'голова', *gōz* 'гусь' [4. С. 431]. А. Гуломов же указывает, что при увеличении числа слогов эга лабиализация пропадает (и, видимо, пропадает и долгота): *онг* 'сознание' — *англа* 'понимай', *сон* 'число'—*сана* 'считай', *ёш* 'возраст'—*яша* 'живи' [9. С. 24].

М. А. Кастрен считал, что в конibalском языке гласный при аффиксации может становиться долгим, если оказывается в открытом слоге, например: *mīn* 'я'—*mīnen* 'у меня'. В. Радлов считает выведенный А. Кастреном закон надуманным (см. выше). В самом деле, если взять другие тюркские языки Сибири, то в якутском деле, по-видимому, обстоит как раз наоборот: дифтонги односложных основ при

аффиксации подвергаются монофтонгизации, хотя и оказываются в открытом слоге (правда, есть исключения) [7. С. 62, 126]. В тувинском языке фарингализованные гласные при увеличении числа слогов также утрачивают длительность [7. С. 60].

Приведем еще несколько частных случаев. Г. Ярринг отмечает сильную вариативность длительности гласных в формах уйгурских глаголов *de-* 'говорить' и *je-* 'есть' [5. С. 54]. Долготы, возможно, объясняются открытым слогом. Глаголов с односложной основой, представленной открытым слогом, — считанные единицы. Но Г. Ярринг замечает, что долготы часто заменяются полудолготами и просто краткими гласными. В закрытом слоге это является правилом, например, в форме *der*. Согласно К. Менгесу, данное явление встречается и в узбекском языке [29. С. 367].

Еще В. Радлов указывал на наличие долготы в узком *i* в конечном и предпоследнем открытых слогах в илийском диалекте уйгурского языка. То же подтверждает О. Прицак и объясняет это действием аналогии: *aldı* 'взял', *ɣulıñı* 'его деньги' (вин. п.), *jabduyını* 'орудие' (вин. п.), *çiqqeli* 'с тех пор как вышел', *aldılar* 'они взяли' [18. С. 33, 83; 30. С. 541]. В. Банг особенно спорит с В. Радловым из-за нерегулярности указания этих долгот [31. С. 1]. Но эта нерегулярность в транскрипции объясняется, видимо, нерегулярностью их появления в языке. Г. Ярринг прямо указывает на вариативность вторичных долгот, появившихся в результате выпадения согласных, и их склонность к редукции [5. С. 41—42]. То же относится и к позиционным долготам. К. Менгес не хочет мириться со случайным характером такой нерегулярности. Он указывает, что распределение долгот должно иметь в конечном счете какую-то причину — фразовое ударение и т. п. Но случайность, как известно, не означает беспричинности. Просто в данном аспекте, под определенным углом зрения, мы можем этой причинностью пренебречь. На склонность долгот в беглой речи к редукции указывает также К. Брокельман — со ссылкой на Махмуда Кашгари [28. С. 51].

Иногда называют и другие факторы, влияющие на длительность гласных, но мы их в этой статье не рассматриваем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Севортян Э. В. Материалы по сравнительной фонетике турецкого, азербайджанского и узбекского литературного языков // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1955. Ч. 1: Фонетика.
2. Raquette G. A. Contribution to the existing knowledge of the Eastern Turkestan dialect as it is spoken and written at the present time in the districts of Jarkand and Kashgar // J. Soc. Finno-Ougrienne. Helsingfors, 1909. Vol. 26.
3. Idem. Eastern Turkish Grammar, practical and theoretical with vocabulary. P. 1 // Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin. Berlin, 1912. Jg. 15. Abt. 2.
4. Кузнецов П. Е. Продолжительность гласных в живом узбекском языке // В. В. Бартольд. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927.
5. Jarring G. Studien zu einer osttürkische Lautlehre. Lund; Leipzig, 1933.
6. Талипов Т. Гласные звуки уйгурского и казахского языков. Алма-Ата: Наука, 1968.
7. Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.: Наука, 1970.
8. Решетов В. В. Узбекский язык. Ташкент, 1959.
9. Гуломов А. Узбек тилида уфру. Тошкент, 1947.
10. Bazin L. Structures et tendances communes des langues turques // Philologiae Turcicae Fundamenta. Wiesbaden, 1959. T. 1.
11. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М.: Высш. шк., 1979.
12. Jespersen O. Modern English Grammar. Heidelberg, 1909.

13. *Талипов Т.* Уйгур тилидики ургу//Изв. АН КазССР. Сер. Филология и искусствоведение. 1960. Вып. 3/16.
 14. *Боровков А. К.* Современный узбекский литературный язык//Узбекско-русский словарь. М., 1959.
 15. *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
 16. *Аганина Л. А.* Уйгурские диалекты Казахской ССР: (Чиликский р-н): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.
 17. *Кайдаров А., Садуакасов Г., Талипов Т.* Газирки заман уйгур тили. Алматы, 1963. 1-нчи қисим: Лексика ва фонетика.
 18. *Radloff W.* Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882.
 19. *Богородицкий В. А.* Введение в татарское языковедение в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1953.
 20. *Садуакасов Г.* Язык уйгуров Ферганской долины. Алма-Ата: Наука, 1970. Ч. 1.
 21. *Pröhle W.* Zur Frage des Wortakzents im Osmanisch-Türkischen//Keleti Szemle. Budapest, 1911—1912. Т. 12.
 22. *Баскаков Н. А.* Структура слога в тюркских языках//Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1955. Ч. 1: Фонетика.
 23. *Байчура У. Ш.* К вопросу об акценте в турецком и инструментальные данные об ударении в других тюркских языках//Вопросы тюркологии: (К 60-летию акад. М. Ш. Ширалиева). Баку: Элм, 1971.
 24. *Raquette G.* The accent problem in Turkish//Lunds Universitets Arsskrift. N. F. Lund, 1927. Avd. 1. Bd. 24, № 4.
 25. *Талипов Т.* Система гласных в современном уйгурском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1960.
 26. *Sievers E.* Grundzüge der Lautphysiologie. Leipzig, 1876.
 27. *Ramstedt G. J.* Über die Zahlwörter der altaischen Sprachen//J. Soc. Finno-Ougrienne. 1924. Vol. 24.
 28. *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954.
 29. *Menges K.* [Реу.]: G. Jarring. Studien...//Göttingische gelehrte Anzeigen. 1934. № 9.
 30. *Pritsak O.* Das Neuigurische//Philologiae Turcae Fundamenta. Wiesbaden, 1959. Т. 1.
 31. *Bang W.* Zum Vokalismus//Bang W. u. Marquart J. Osttürkische Dialektstudien: Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Phil.-Hist. Klasse. N. F. Berlin, 1914. Bd. 13, № 1.
-

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Л. К. ФИЛИПОВ

ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК В ЖИЗНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ)

Некоторые исследователи, ссылаясь на А. Н. Пыпина, утверждают, что Чернышевский начал учиться татарскому языку еще до поступления в Саратовскую духовную семинарию — под влиянием Г. С. Саблукова [1. С. 109; 2. С. 94]. Пыпин действительно сообщает о том, что Чернышевский высоко ценил Саблукова — преподавателя гражданской истории и татарского языка Саратовской духовной семинарии — и даже сблизился с ним [3. С. 62]. Но это относится к тому времени, когда Чернышевский уже учился в семинарии. В те годы (а возможно, и раньше) Саблуков бывал в их доме «в качестве знакомого» его родителей, но с Чернышевским не занимался [4. С. 41]; тем более не занимался он с ним тогда, когда Чернышевский являлся учеником Саратовского духовного училища, ибо все эти годы тот занимался дома под руководством отца. Как видно, до поступления в Саратовскую духовную семинарию Чернышевскому учиться татарскому языку было не у кого; не общался он с татарским населением и в детстве [5; 6. Т. 1. С. 668]: не было необходимости. Между тем Чернышевский в отрочестве, желая научиться читать и писать по-персидски, обращался к персидским купцам, которые по пути на Нижегородскую ярмарку и обратно останавливались в Саратове [3. С. 63; 7. С. 153]. Наконец, никаких сведений об изучении им татарского языка до поступления в семинарию нет и в его ученических тетрадях.

Одним словом, мнение о том, что Чернышевский учился татарскому языку еще до поступления в Саратовскую духовную семинарию, не подтверждается ни мемуарной литературой, ни документально. Им он стал заниматься уже будучи семинаристом.

Знание татарского языка для учеников Саратовской духовной семинарии было обязательным, и изучали его только желающие. 9 октября 1842 г. Саблуков в очередной раз произвел набор в класс татарского языка (он был открыт в 1837 г. [8. Л. 8, 9]), однако фамилии Чернышевского в составленном им списке не было [9. Л. 2]. Чернышевский не записался в класс татарского языка, скорее всего, из-за матери, которая считала, что ему «незачем учиться татарскому языку, так как на нем нет научных книг» [4. С. 41]. И все же в конце концов Евгения Егорова разрешила сыну посещать уроки татарского языка.

Изучение татарского языка предполагало знание арабского алфавита, ибо татарская письменность возникла и развивалась в прошлом на арабской графике. В ученических тетрадях Чернышевского арабский алфавит впервые появляется (и это хорошо согласуется со сказанным

выше) после 12 октября 1842 г. — на странице тетради, предназначенной для упражнений по синтаксису простого предложения [10. Л. 40 об., 5 (дата)]. Написан он еще неопытной рукой, а следовательно, человеком, недавно научившимся писать по-арабски, т. е. Чернышевским. В том же году на странице греческой тетради Чернышевского появляется первая татарская фраза [11. Л. 99 об., 50 (дата)]. Судя по почерку (а он каллиграфический), ее написал Саблуков. Здесь уместно сказать несколько слов о любимом учителе семинариста Чернышевского — Г. С. Саблукове [12].

По свидетельству саратовского историка В. М. Покровского, Саблуков обладал огромным запасом сведений по многим предметам семинарского курса и отличался ровным отношением ко всем семинаристам [16. С. 43]. В свободное от работы время он увлеченно занимался наукой: археологией, историей Саратовского края, нумизматикой (читал надписи на монетах, найденных на Увеке или в Сараях), бытом и нравами кыпчаков и татарского населения Золотой Орды. В годы учебы Чернышевского в семинарии Саблуков свои многочисленные статьи печатал в «Саратовских губернских ведомостях» и в «Ученых записках Казанского университета» [17]. Особо следует подчеркнуть, что он знал латинский, греческий, церковно-славянский, французский, древнееврейский, арабский, персидский, татарский языки, причем последние три изучил самостоятельно. Имя его вошло как в историю тюркологии, так и в историю арабистики. По словам Н. Я. Аристова, Саблуков был «полным олицетворением идеала ученого мужа, образцом необычного трудолюбия, высокой честности и святой жизни» [19. С. 20]. Таким его знал и семинарист Чернышевский. Он, по-видимому, был увлечен научными занятиями Саблукова, общение с которым, надо полагать, принесло ему радость, способствовало развитию интересов, расширению, углублению знаний, обогащало духовно. Это отчасти видно из писем Чернышевского к Саблукову [6. С. 71—72, 139, 147—148; 20].

Чернышевский, как сообщает Ф. В. Духовников, «рьяно» принялся за изучение татарского языка [4. С. 41]. При этом он, думается, придерживался той же последовательности, что и при изучении других языков: упражнения в написании букв, а затем — простых предложений; чистописание, переводы с русского языка на изучаемый и с изучаемого на русский, составление двуязычного словаря, выписки из грамматики изучаемого языка. К сожалению, из записей Чернышевского по татарскому языку, относящихся к начальному этапу изучения татарского языка, сохранилась лишь одна страница. Она разделена на шесть граф: первая заполнена татарскими словами в арабской и русской графиках (из 18 слов большинство — личные местоимения), вторая полностью повторяет первую (в ней 12 слов); в третьей графе под заголовком «Накл. изъяв. Время насг.» написано, например: «Я вижу»; в четвертой — перевод «Я вижу» на татарский язык; в пятой графе на первой, к примеру, строке русскими буквами написано «Кирмакъ»; в шестой — перевод «кирмакъ» на русский язык — «видеть» [21. Л. 13]. Третья-шестая графы заполнены частично. Приведенные записи не оставляют сомнения в том, что они сделаны Чернышевским в начальный период изучения татарского языка, т. е. в 1842/43 учеб. г. Обращает на себя внимание то, что татарские слова, словосочетания и предложения написаны русскими буквами [22. Л. 45, 47—49, 131, 131 об., 142—153 и др.]. Но так как в русской графике не было букв для обозначения специфических звуков татарского языка, это неизбежно приводило к орфографическим ошибкам: написано «кирмакъ» вместо «күрмакъ»

(буква «ъ» появилась под влиянием русского правописания того времени).

Сохранившиеся записи Чернышевского по татарскому языку относятся в основном к 1844 г. Составители описи документальных материалов личного фонда Н. Г. Чернышевского в совокупности назвали их «Упражнения Н. Г. Чернышевского по татарскому языку и татарской грамматике и материалы для чтения и перевода» [22]. Объем этих «Упражнений...» — 181 лист (362 страницы). Правда, отдельные листы «татарской тетради», очевидно, по недосмотру оказались включенными в состав других единиц хранения [23. Л. 3 об., 4; 24. Л. 164, 164 об., 165; 25. Л. 1 об., 2]. Значительная часть записей Чернышевского по татарскому языку сделана карандашом, поэтому записи сильно побледнели и разобраться в них трудно или даже невозможно (л. 131—138, 161—173).

В 1842—1845 гг., как, впрочем, и раньше, Саратовская духовная семинария остро нуждалась в учебных пособиях по татарскому языку. 25 апреля 1844 г. Саблуков писал в семинарское правление: «По классу татарского языка имеется нужда в учебных книгах на сем языке. В библиотеке семинарии только пять экземпляров Нового завета на татарском, ногайском наречии для пятидесяти учеников татарского класса. Покорнейше прошу правление семинарии ходатайствовать у Учебного правления о снабжении библиотеки семинарской соразмерным числу учеников количеством экземпляров *Нового завета на татарском оренбургском наречии* как ближайшем к народному языку русских татар и одним экземпляром *Псалтири* на том же наречии» [26. Л. 17]. Не хватало и соответствующих одноязычных и двуязычных словарей: в 1837 г. было выписано только два экземпляра двухтомного «Словаря татарского языка» А. Троянского (Казань, 1833; Казань, 1835) [8. Л. 7], в 1841 — два экземпляра российско-татарского словаря [27. Л. 47]. По-видимому, это «Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском главном народном училище учителем татарского языка священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованный» (Спб., 1804).

Будучи учеником семинарии, Чернышевский в учебных целях составил татарско-русский словарь [22. Л. 1—38]; работа была закончена 31 августа 1844 г. [22. Л. 38 об.].

Татарско-русский словарь Чернышевского содержит не около 1 200 слов, как пишет М. Х. Гайнуллин [2. С. 96], а 3 438. На рукописи имеются две даты: «4 марта 1844 г.» [22. Л. 30] и «31 августа 1844 г.» [22. Л. 38 об.]. По подсчетам, до 5 марта 1844 г. Чернышевский, будем говорить, перевел 2 125, а с 5 марта по 31 августа того же года — 1 313 слов. Чтобы ответить на вопрос, когда же он приступил к составлению своего словаря, обратимся к названным цифрам. Итак, 1 313 слов Чернышевский переводил в течение шести месяцев. Для перевода 2 125 слов ему, надо полагать, потребовалось времени не меньше, особенно если учесть, что с осени 1843 г. по 28 июня 1844 г. он занимался еще латинско-русским словарем (7 679 слов) [25. Л. 19 об., 21 об., 23 об., 72]. Значит, к составлению своего татарско-русского словаря Чернышевский приступил не позднее осени 1843 г.

В работе над словарем Чернышевскому определенную помощь оказывал Саблуков. По свидетельству Ф. В. Духовникова, бывая в гостях у Гаврилы Ивановича и Евгении Егоровны, Саблуков нередко вступал в разговор с Чернышевским о татарском языке и «даже объяснял ему что-нибудь» [4. С. 41].

Просматривая рукопись татарско-русского словаря Чернышевского, нельзя не заметить, что до 5 марта 1844 г. Чернышевский работал с присущей ему аккуратностью: каждая страница разлинована и разделена на два столбца, на страницах — от 25 до 46 слов, почерк убористый [22. Л. 1—30]. С 5-го же марта, не разлиновав страницы, он писал плотно и менее четко: на страницах — от 60 до 71 слова [22. Л. 31—37], а на двух последних — даже 110 и 149 [22. Л. 38—38 об.]. По всей видимости, Чернышевский спешил завершить работу над словарем.

В словаре имеются пометы: «Ар.» (араб.), «П» (перс.), «Р» (рус.), «Ф». (фр.). Помета «араб.» — у 251 слова, «перс.» — у 69-ти, «рус.» — у 38-ми, «фр.» — у 6-ти. Два слова (л. 5) — с пометами «Ар. и П.» (араб. или перс.), одно слово [22. Л. 8] сопровождается словами «из Сл. П. Ар.» (из славян., перс., араб.).

Из 251-го слова с пометой «араб.» зачеркнуты 92, а из 69 с пометой «перс.» — 21. Одни из них зачеркнуты Чернышевским, другие, вероятно, Саблуковым. Что касается слов с пометами «рус.» и «фр.», то ни одно из них не зачеркнуто [22. Л. 27 об., 28, 28 об., 30, 35 об., 37, 38, 29].

Всего в татарско-русском словаре Чернышевского зачеркнуто 493 слова, из них 483 — в части, составленной до 5 марта 1844 г., и 10 — в части, составленной после 4 марта 1844 г.

Определяя значение татарских слов, Чернышевский, как правило, пользуется методом перевода, например: آتا 'отец' (л. 1), آب 'вода' П. (л. 1), ات 'собака' (л. 1), ز 'знамя' (л. 4 об.), ل 'язык' (л. 17 об.) и т. д. Имеются в словаре и синонимические определения значения слов (см., например, л. 1, 1 об., 2, 5 об., 7 и др.). Когда Чернышевский сомневается в точности перевода, он сопровождает его знаком «?» [22. Л. 2 об., 31 об., 33 об., 34, 37 об.].

Татарско-русский словарь Чернышевского является законченной работой, о чем свидетельствует и запись в его конце: «Н. Ч. Кончил 1831/VIII 44» [22. Л. 38 об.].

Изучая грамматику татарского языка, Чернышевский пользовался «Краткой татарской грамматикой» А. Троянского (СПб., 1814; 2-е изд. Казань, 1824) [28. Л. 18; 29. Л. 7; 30. Л. 6], «Грамматикой турецко-татарского языка» А. К. Казем-Бека (Казань, 1839), из которых делал выписки [22. Л. 39—42, 60—77, 174—181], а также небольшой по объему «Татарский грамматикой», составленной Саблуковым. Последняя была рукописная: Чернышевский списал ее для себя [22. Л. 50—59]. По-видимому, он пользовался и другими рукописными материалами Саблукова. Во всяком случае, среди записей Чернышевского по татарскому языку имеются и лексико-грамматические заметки Саблукова, предназначенные Чернышевскому, в конце текста заметок стоят две буквы: «Г. С.», которые, конечно же, означают «Гордей Семенович» или «Гордей Саблуков» [24. Л. 164—165]. В верхнем левом углу первой страницы заметок написано: «45 год», т. е. «1845 год».

В течение 1842/43—1843/44 учеб. гг. учениками татарского класса были переведены с татарского языка на русский: а) из Нового завета те места, в которых говорится о будущей жизни, и места, содержащие историю о Иоанне Предтече; б) из Абулгази история кыпчакских монголов; поэма: Неверный Бек; из небольших сочинений: Касида и рассказ о Сампсоне» [31. Л. 64], а в течение 1844/45—1845/46 учеб. гг. — «Послание Св. Апост. Иакова главы I, II и III; Евангелие св. Матвея главы I, II, III; Мусульманские предания о миротворении из сочинения „Отборные повести“; История монголов и татар Абулгази, глава 1-я;

Из татарского календаря о мусульманских праздниках; Из „Истории пророков“ часть рассказа о Иисусе Христе» [32. Л. 71].

Среди записей Чернышевского по татарскому языку сохранился и выполненный Саблуковым перевод небольшого рассказа под названием «Голубь» [23. Л. 3 об., 4]. «Татарская тетрадь» Чернышевского, надо заметить, содержит немало текстов для чтения и перевода на русский язык [22. Л. 82—130]. Написаны они каллиграфическим почерком.

Н. Г. Чернышевский был одним из лучших учеников татарского класса Саратовской духовной семинарии, и неслучайно саратовский епископ Иаков именно ему поручил написать работу об ойконимах Саратовской губернии с татарскими названиями; называлась она «Объяснение татарских имен сел и деревень Саратовской губернии». Трудился Чернышевский весь 1845 год, однако работа так и осталась незавершенной [33. С. 104—109].

Татарскому языку Н. Г. Чернышевский учился старательно и из года в год добивался все лучших и лучших результатов. Об этом, в частности, свидетельствуют его аттестационные характеристики на ежегодных декабрьских испытаниях: 1842/43 учеб. г. — «Прилежания и успехов хороших» [34. Л. 4], 1843/44 учеб. г. — «Прилежания и успехов очень хороших» [35. Л. 57], 1844/45 учеб. г. — «Прилежания и успехов отлично хороших» [36. Л. 58], 1845/46 учеб. г. — «Прилежания и успехов отлично хороших» [37. Л. 62]. Обращает на себя внимание и то, что список учеников татарского класса Саблуков всегда начинал с фамилии Николая Чернышевского.

В январе 1846 г. Чернышевский, не закончив курса, уволился из Саратовской духовной семинарии. В выданном ему увольнительном свидетельстве читаем: «... по ...латинскому, греческому и татарскому языкам — очень хорошо...» [38. С. 46].

Таким образом, за три с небольшим года (примерно с середины октября 1842 г. по декабрь 1845 г.) Чернышевский, помимо всего прочего, основательно изучил татарский язык — к великой досаде матери, как сообщает В. Ф. Духовников [4. С. 41].

В августе 1846 г. Чернышевский, подчиняясь воле родителей, поступил на отделение общей словесности философского факультета Петербургского университета. Сам же он очень хотел учиться на отделении восточной словесности. Еще 3 февраля 1844 г. в письме к троюродному брату А. Ф. Раеву Чернышевский писал: «Если, однако, вы спросите меня только о моем желании, то я поехал бы (в Петербург. — Л. Ф.) с величайшей радостью и именно на восточный факультет» [б. Т. 14. С. 6; 39]. «Виноват» в этом был Саблуков, который зажег в нем любовь к восточным языкам и словесности (в семинарии Чернышевский под руководством Саблукова изучал не только татарский, но и арабский, персидский, древнееврейский языки). Однако желанию Чернышевского стать востоковедом не суждено было исполниться. Тем не менее в Петербург он привез два татарских завета, «Персидскую хрестоматию» (было два издания: М., 1826 и 1833), «Арабскую хрестоматию» (М., 1824), а также «Приключения одного невольника» — «Арабскую повесть» (сочинение Ахмеда Бен Арабши, изданное на татарском языке А. Болдыревым. М., 1824) [б. Т. 14. С. 84—85, 780—781].

Н. Г. Чернышевский, будучи студентом отделения общей словесности (вскоре оно было преобразовано в историко-филологический факультет), проявлял живой интерес и к отделению восточной словесности. 25 октября 1846 г. он писал Саблукову: «В Петербургском университете начинают изучение восточных языков с арабского, на второй год присоединяется персидский язык и, наконец, на третий уже год — ту-

рецкий» [6. Т. 14. С. 71]. Чернышевский, судя по его письмам, ходил и на лекции профессоров других отделений и факультетов, о которых имел свое определенное мнение. Так, 13 декабря 1846 г. Н. Г. Чернышевский писал родителям: «Профессора, которых стоит слушать, кроме филологического факультета, Неволин, Ленц, С. Куторга, профессора восточного факультета» [6. Т. 14. С. 86]. В то время на отделении восточной словесности (факультет был основан в 1854 г., когда в Петербург был переведен восточный разряд Казанского университета) преподавали: О. И. Сенковский — арабский язык, М. Д. Топчибашев — персидский, В. Ф. Диттель — турецкий, Л. З. Будагов — азербайджанский [41. С. 26—27]. Занимался ли Чернышевский в студенческие годы восточными языками? На поставленный вопрос нельзя ответить ни положительно, ни отрицательно, так как в его письмах, дневниковых записях этого периода татарский и персидский языки вообще не упоминаются (в плане изучения), арабский же и еврейский упоминаются всего один раз [6. Т. 1. С. 105]. Однако знанием восточных языков Чернышевский пользовался. Об этом свидетельствует следующий факт. В марте 1849 г. на одном из занятий профессора А. В. Никитенко возник спор между Н. Корелкиным и Чернышевским. Корелкин, читая о синонимах, сказал, что русский язык богат; Чернышевский же отрицал это. Профессор принял сторону студента Корелкина. Чернышевский, отстаивая свое мнение, говорил, что «русский язык еще решительно не развился, что поэтому богатств в нем гораздо менес, чем во французском, немецком, что богатство этимологических форм в сравнении с этими языками: ничего не значит, потому что в финском языке 14 падежей, в татарском 20 или 30 залогов...» [6. Т. 1. С. 257]. Чернышевский утверждал: «Все зависит от синтаксиса, перифразические формы могли бы весьма хорошо или даже лучше заменить этимологические формы» [6. Т. 1. С. 257].

Татарские слова встречаются и в научном наследии Н. Г. Чернышевского, в частности в его рецензиях на исследования слависта А. Ф. Гильфердинга.

В 1853 г. в Петербурге была издана книга А. Ф. Гильфердинга «О средстве языка славянского с санскритским». В ней он, по мнению Чернышевского, чрезмерно сближает славянский язык с санскритом. «Нам кажется, — пишет Чернышевский, — что, желая подыскать как можно более славянских слов, сходных с санскритскими, и для этого вводя в круг своих сравнений все слова, употребляемые славянами, он был иногда вовлекаем в ошибки чрезвычайным богатством своего материала, слишком еще мало разработанного» [6. Т. 2. С. 202]. Так, Гильфердинг слово «амбар» производит от санскритского *am̐bājāmi* 'коплю, собираю'; Чернышевский же считает, что «амбар» (правильнее «анбар») — чисто арабское слово, перешедшее к славянам (русским) от татар подобно словам сходного значения «казна» и «сундук» [6. Т. 2. С. 202]. Слово «якшаться» Гильфердинг производит от санскритского *jaksh* 'читать'. По мнению Чернышевского, оно татарского происхождения — *якши* 'хороший', 'друг' [6. Т. 2. С. 202]. «Подобных слов арабско-татарского происхождения много возведено г. Гильфердингом к санскритским корням», — заключает Чернышевский [6. Т. 2. С. 202].

В 1854 г. в Москве вышла в свет очередная книга А. Ф. Гильфердинга — «Об отношении языка славянского к языкам родственным». В рецензии на нее Чернышевский подчеркивает, что автор «замечает только внешнее сходство, какое всегда можно найти между всем на свете, и не хочет замечать существенного различия» [6. Т. 16. С. 11]. Вместе с тем он призывает Гильфердинга сравнивать языки «со всех

сторон, а не по одной фонетике — и тогда его выводы будут прочнее» [6. Т. 16. С. 12]. «Но, — советует Чернышевский, — сравнивая, например, корни, пусть он (А. Ф. Гильфердинг. — Л. Ф.) осмотрительнее отыскивает истинные корни слов, а не причисляет к корню первые попавшиеся под перо звуки; пусть он обращает внимание на происхождение слов: иначе, — иронизирует Чернышевский, — он будет видеть санскритского „варда“ в татарском „кавардак“ (корень „кав“, ближайший корень „кавар“), санскр(итский) „кард“ в татарском „калдус“ (корень „кал“), корень „калд“ — в „калдыхашь“ („колдыхать“? — Л. Ф.), где „д“ вставное, а „а“ выгов(аривается) вместо „о“, и настоящий корень „кол“ (ыхать, кол-ебать), не имеющий ничего общего с санскр(итским) „khôd“ или „khôî“, корень „кам“ — в слове „камкать“, очевидно, происходящем от „ком-кать“ и т. д.» [6. Т. 16. С. 12].

В работах Чернышевского, написанных после 1854 г., факты использования им татарского языка не наблюдаются. Объясняется это отчасти тем, что Чернышевский с середины 50-х годов XIX в. специально языкознанием уже не занимался [6. Т. 14. С. 241, 242; Т. 7. С. 741, 765, 1074].

В заключение следует особо подчеркнуть, что Чернышевский изучил татарский язык по собственному желанию, проявив при этом большую самостоятельность.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский: Научная биография. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978.

² Гайнуллин М. Х. Н. Г. Чернышевский и его рукописи на татарском языке // Изв. Казан. фил. Сер. гуманитар. наук. Казань, 1955. Вып. 1.

³ Пыпин А. Н. Мои заметки // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Саратов, 1958. Т. 1.

⁴ Духовников Ф. В. Николай Гаврилович Чернышевский и его жизнь в Саратове // Там же.

⁵ Все ссылки на Н. Г. Чернышевского даны по изданию [6].

⁶ Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М., 1939—1953.

⁷ Хованский Н. Ф. Очерки по истории г. Саратова и Саратовской губернии. Саратов, 1884.

⁸ Гос. арх. Саратов. обл., ф. 12, оп. 1, ед. хр. 794. Дело по резолюции Его Преосвященства, сообщенной Саратовской духовной консисторией об открытии кафедры татарского языка в Саратовской семинарии.

⁹ Там же, ед. хр. 1476. Дело по записке учителя семинарии Гордея Саблукова о пополнении некоторыми учениками класса татарского языка и о исключении некоторых учеников.

¹⁰ ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 291. Упражнения Н. Г. Чернышевского в развитии простого предложения на русском и латинском языках: Ученические тетради.

¹¹ Там же, ед. хр. 282. Переводы с греческого языка на русский язык и с русского языка на греческий: Ученические тетради.

¹² О жизни и деятельности Г. С. Саблукова см.: [13. С. 288—333; 14; 15. С. 622—670].

¹³ Малов Е. А., Зефилов М. М. Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. 1880. № 3, янв.

¹⁴ Гордей Семенович Саблуков. Казань, 1881.

¹⁵ Г. С. Саблуков — бывший преподаватель Саратовской духовной семинарии и профессор Казанской духовной академии // Саратов. епарх. ведомости. 1892. № 18.

¹⁶ Покровский В. М. Материалы к истории Саратовской духовной семинарии.

¹⁷ Перечень их дан Корсаковой. См.: [18. С. 13].

¹⁸ Русский биографический словарь. СПб., 1904. Т. «Сабанев—Смыслов».

¹⁹ Аристов Н. Я. А. П. Шапов, его жизнь и сочинения. СПб., 1883.

²⁰ Сохранились три письма Н. Г. Чернышевского к Г. С. Саблукову, все они написаны им в студенческие годы.

²¹ ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 295. Упражнения Н. Г. Чернышевского по изучению латинского, французского, немецкого и татарского языков: Разрозненные листы.

²² Там же, ед. хр. 298. Упражнения Н. Г. Чернышевского по татарскому языку и татарской грамматике и материалы для чтения и перевода.

²³ ЦГАЛИ, ед. хр. 304. Упражнения Н. Г. Чернышевского по французской грамматике. Текст басни Лафонтена «Ворона и лисица» на французском языке.

²⁴ Там же, ед. хр. 320. Запись Н. Г. Чернышевского лекций профессора И. И. Срезневского по славянской филологии, прочитанных в 1847—1848 гг., и выписки из памятников славянской литературы. Общая программа курса славянских древностей.

²⁵ Там же, ед. хр. 301. Латинско-русский словарь, составленный Н. Г. Чернышевским.

²⁶ Гос. арх. Саратов. обл., ф. 12, оп. 1, ед. хр. 1806. Дело об объявлении книг и разного рода сочинений и о выписке оных для семинарской библиотеки.

²⁷ Там же, ед. хр. 1443. Входящая книга Саратовского семинарского правления за 1841 год.

²⁸ Там же, ед. хр. 1536. Дело по случаю окончания учебного 1842—1843 года.

²⁹ Там же, ед. хр. 1536«а». Дело об отчетах в продажных книгах по Саратовской семинарской библиотеке за 1842 год и о свидетельствовании оной.

³⁰ Там же, ед. хр. 1560. Дело об отчетах в продажных книгах по Саратовской семинарской библиотеке и о свидетельствовании оной.

³¹ Там же, ед. хр. 1790. Об окончании учебного года в семинарии и подготовка к нему.

³² Там же, ед. хр. 1949. Обзорение предметов преподавания учебного курса.

³³ См.: Филиппов Л. К. О работе Н. Г. Чернышевского «Объяснение татарских имен сел и деревень Саратовской губернии»//Сов. тюркология. 1988. № 3.

³⁴ Гос. арх. Саратов. обл., ф. 12, оп. 1, ед. хр. 1506. Списки учеников низшего отделения с их показателями об прилежании и способностей.

³⁵ Там же, ед. хр. 1660. Дело о произведении внутреннего испытания учеников Саратовской (Л. Ф.) духовной семинарии всех трех отделений...

³⁶ Там же, ед. хр. 1767. Дело о произведении внутреннего испытания учеников семинарии всех трех отделений.

³⁷ Там же, ед. хр. 1892. Дело о произведении внутренних испытаний учеников семинарии всех трех ее отделений в декабре 1845 года.

³⁸ См.: Ляцкий Евг. Н. Г. Чернышевский в годы учения и на пути в университет//Соврем. мир. 1908. № 6.

³⁹ На первой странице черновика этого письма Н. Г. Чернышевский написал такие слова: «нясыхат Нясыхат Во время утренней зари Вакты сяхар, ичинда» (см.: [23. Л. 4 об.]). Это — фрагмент из его упражнений по татарскому языку: «нясыхат» (в современной татарской графике *насыһәт* 'назидание, добрый совет, наставление, нравоучение, нотация'); «сяхар» (в современной татарской графике *сәхәр, сәхәрәшә* — религ. — утренняя еда (завтрак) во время уразы [40. С. 406, 499]). Таким образом, татарское «Вакты сяхар ичинда» Н. Г. Чернышевский перевел как «Во время утренней зари».

⁴⁰ Татарско-русский словарь. М.: Сов. энцикл., 1966.

⁴¹ Кононов А. Н. Из истории изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период//Библиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период. М., 1974.

В. Г. АЛИЕВ

ПЕРИФРАСТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Перифрастические формы глагола в большинстве случаев — это не что иное, как сочетание глагола неспрягаемых форм с другими глагольными формами. Тем не менее в лингвистической литературе они предстают то как сложные глаголы, то как аналитические формы. Иначе говоря, четкой грани между такими глагольными составными образованиями, как аналитические формы, сложные глаголы и видовые конструкции не проводится.

В азербайджанском языкознании некоторые аналитические формы рассматриваются как сложные глаголы, в разряд которых наряду с *баша душ*- 'понимать', *көзә кәл*- 'подвергаться сглазу', *дил ач*- 'начинать говорить' включены все составные глаголы, образованные при помощи вспомогательных глаголов *ол*- 'быть', *ет*- 'делать', *елә*- 'делая'; например: *һазыр ол*- 'быть готовым', *шад ол*- 'радоваться', *дахил ет*- 'включить', *гәбул елә*- 'принимать' и др. [1. С. 171; 2. С. 159]. К сложным глаголам отнесены также составные глагольные образования типа *кәлмиш иди*, *кәлир имиш*, *кәлә имиш*, *кәләр имиш*, *кәләчәк иди*, *кәләси иди*, *кәлмәли иди*, которые являются аналитическими формами глагола, образованными сочетанием спрягаемых форм основного (смыслового) глагола и вспомогательных глаголов *иди*, *имиш*.

Одним из способов образования сложных глаголов считается употребление деепричастия на *-ыб*, *-иб*, *-уб*, *-үб* в сочетании с самостоятельным (основным) глаголом: *ашыб-дашмаг*, *ајнајыб-гарышмаг*, *кәзиб-долашмаг*, *өлчүб-бичмәк*, *битиб-түкәнмәк*, *дајаныб-дурмаг*, *арајыб-ихтармаг* и др. [3. С. 130; 4].

Судя по азербайджанскому и другим языкам огузской группы, развитие грамматического строя этих языков исторически шло от аналитических способов выражения категориальных значений к синтаксическим. Неслучайно в сравнении с кыпчакекими языками в огузских языках аналитических форм значительно меньше. При этом состав аналитических форм по самим огузским языкам не совпадает. Так, наибольшее их число, по мнению А. А. Юлдашева, — в турецком языке, чуть меньше — в азербайджанском [1. С. 27] (причем в староазербайджанском языке по сравнению с современным аналитических форм глагола гораздо больше). Видимо, именно этим объясняется тот факт, что аналитические формы глагола в азербайджанском языке исследованы только в историческом плане. В работе «Деривационный элемент аналитического глагола в тюркских языках» на материале из произведений Г. Бурханаддина, Насими (XIV в.), Кишвери, Хатаи, Физули (XV—XVI вв.) и других (т. е. азербайджанского языка) освещены такие аналитические формы глагола, которые образованы посредством вспомо-

гательных глаголов *гыл-, ет-, ејлэ-ол-//бол-* [6. С. 90]. Перифрастические формы рассматриваются автором как один из видов аналитических, конструкций: «...второй компонент перифрастических форм глагола, сочетаясь с причастиями разных времен *ол//бол*, образует аналитические конструкции видовременного характера. Подобные сочетания в тюркологической литературе именуется перифрастическими формами глагола» [6. С. 106].

Аналитическим глагольным конструкциям в письменных памятниках азербайджанского языка посвящена кандидатская диссертация Б. Бархударова [7]. Аналитическими формами в ней считаются сочетания типа *гыла кәр, јетирә кәр, ола тур, кедә вар, баха гал*, которые состоят из деепричастия на *-а, -ә* и вспомогательных глаголов *кәр-, дур-, вар-, тур-, бил-, гал-, кәл-, вер-*.

Отметим, что перифрастические формы, в сущности, являются одним из способов выражения категории вида. А. Н. Кононов выделяет три таких способа — лексический, морфологический и синтаксический [8. С. 207, 209, 217]. А. А. Юлдашев в своей работе по аналитическим формам глагола в тюркских языках анализирует те способы выражения категории вида, которые, по его мнению, образованы сочетанием деепричастия на *-а, -ә* и вспомогательных глаголов типа *јат-, отур-, тур-/јдур-, јүрү-, бар-, кәл-, вер-, чых-, дүш-, ал-* и др. [5. С. 39—113]. Отдельные авторы считают, что основную часть перифрастических форм глагола составляют конструкции «неспрягаемые формы + *ол*» [9—12]. К ним же они относят и формы, которые образуются при помощи слов типа *дејил, јох, вар, лазым, кәрәк* и др.

Вообще, следует отметить, что тюркологическая литература особой четкостью в определении таких терминов, как «аналитическая форма», «сложный глагол», «перифрастическая форма», «видовые конструкции», не отличается. А. М. Щербак в рецензии на работу А. А. Юлдашева [5] справедливо замечает, что критерий определения аналитических форм глагола не установлен [13]. Некоторые тюркологи перифрастические формы глагола представляют то в качестве «аналитических форм глагола», то как «фразеологические сочетания» или «сложные глаголы», причем даже не пытаются объяснить, чем же эти термины отличаются друг от друга. Между тем вряд ли вызывает сомнение то, что термин «аналитическая форма» включает в себя как собственно аналитические конструкции, так и сложные глаголы и перифрастические формы. При этом следует иметь в виду, что все они обладают не только общими, но и специфическими особенностями, учитывать которые необходимо при определении каждого из терминов в отдельности.

Что же представляют собой конструкции, о которых говорилось выше?

1. Аналитические формы глагола в определенной степени являются архаическими конструкциями. Будучи широко распространены в историческом прошлом, формы типа *гыла кәрәк, баха дур, кедә вар* и т. п. для современного азербайджанского языка не характерны.

Примечательно, что историческая форма деепричастия *баха дур* в настоящее время употребляется только в виде *баха-баха дур*. Что касается конструкций типа *кедә билмәрәм* 'не могу пойти', *күлмәјим кәлир* 'мне хочется смеяться', то в них каждый из компонентов сохраняет самостоятельную семантику соответствующей формы и имеет свою конкретную грамматическую значимость.

2. Конструкции, у которых первый компонент представлен именем или деепричастием, а второй — глаголом, правомерно считать сложными глаголами, устойчивыми сочетаниями.

3. Конструкции, состоящие из некоторых предикативных слов и глагола *ол-*, являются перифрастическими формами.

В работах по глаголу азербайджанского языка термин «перифрастическая форма» не употребляется, хотя по самому вопросу попутно высказываются те или иные замечания. Так, М. Халифазаде, применив термин «*фе'лин өзасы*» (состояние, обстоятельство глагола), пишет: «Выражение состояния осуществления действия, обозначенного глаголом, называется обстоятельством (состоянием) глагола» [14. С. 281]. С этой точки зрения автор делит глагольные конструкции на следующие группы:

1. *Өвзасыз фе'ллэр* (букв.: глаголы без обстоятельства). Сюда включены все простые и производные глаголы;
2. *Игтидар фе'ллэр* (глаголы возможности): *охуја билмэк, гача билмэк*;
3. *Гэрарлы фе'ллэр* (глаголы состояния-положения): *бах-бах галмаг, кээ-кээ дурмаг*;
4. *Давамлы фе'ллэр* (глаголы продолжительности): *јазмагда слмаг*;
5. *Битмиш фе'ллэр* (глаголы законченности): *јазмыш олмаг, охумуш олмаг*;
6. *Нижјэтли фе'ллэр* (глаголы намерения): *отурачаг олмаг, кедјси слмаг, кээјән олмаг*;
7. *Кэрэкли фе'ллэр* (глаголы долженствования): *јазмалы олмаг, јазасы олмаг* [14. С. 282].

Глагольные конструкции, приведенные под названием «*давамлы фе'ллэр*», «*битмиш фе'ллэр*», «*нижјэтли фе'ллэр*» и «*кэрэкли фе'ллэр*», являются именно перифрастическими формами, хотя сам автор их таковыми не называет.

В некоторых работах определенные группы перифрастических форм глагола рассматриваются как наклонения глагола. Так, в «Грамматике азербайджанского языка» дается следующая классификация наклонений глагола: 1) собственные наклонения: повелительное, изъявительное, желательное, долженствовательное, условное; 2) полунаклонения: необходимостное, продолжительное; 3) общие наклонения: вопросительное условное [15. С. 169]. Следует отметить, что «продолжительное наклонение» — это и есть не что иное, как перифрастическая форма глагола, подтверждением чему являются конкретные примеры: *јазмагдајам, јазмагдајдым, јазмагдајмышлм* и др. [1. С. 169].

В последующих изданиях этой работы наклонения глагола делятся на собственные (повелительное, изъявительное, желательное, долженствовательное, условное, необходимостное) и общие (вопросительное, условное) [3. С. 175]; в собственные наклонения включается еще и «продолжительное наклонение» [2. С. 227]. В «Морфологии современного азербайджанского языка» наклонения глагола подразделяются на: 1) собственные — повелительное, изъявительное, долженствовательное, условное, сослагательное; 2) полунаклонения: необходимостное, продолжительное; 3) общие: условное, вопросительное, наклонения возможности [15. С. 134]. Из всего приведенного следует, что наклонения глагола схватывают только спрягаемые формы. Иными словами, на основе причастия и деепричастия, а также инфинитива наклонения глагола не образуется. В азербайджанском языке наряду с *јазмагдајам* функционируют также образования типа *јазмагда олан, јазмагда олачағам, јазмагда олмушам*, являющиеся именно перифрастическими формами глагола.

Перифрастические формы глагола связаны с неспрягаемыми формами глагола. Однако в азербайджанском языкознании в работах, посвященных анализу неличных форм (причастия, деепричастия и инфинитива), в морфологическом плане о перифрастических формах ничего не говорится, поскольку последние являются синтактико-аналитической категорией. Неслучайно конструкции типа «инфинитив + *ол-*», «инфинитив + *лазым*», «инфинитив + *кэрək*» рассматриваются в разделе о синтаксисе предложения, там, где речь идет о сказуемом. Причем объясняются они как сказуемые неличных предложений [16. С. 28].

Для определения сущности перифрастических форм и выявления их места в грамматическом строе азербайджанского языка необходимо, на наш взгляд, объяснить следующие моменты:

1. *Соотношение между перифрастическими и неспрягаемыми формами глагола.* Перифрастические формы глагола представляют собой конструкции, тесно связанные с неспрягаемыми формами. Известно, что в азербайджанском языке деепричастия и причастия самостоятельно в качестве сказуемого (субстантивированные в виду не имеются) употребляться не могут. Для того, чтобы выступать в роли сказуемого, они должны сочетаться с другой глагольной формой, образуя с ней определенную конструкцию. Эта конструкция как раз и представляет собой перифрастическую форму, которая явно отличается от других аналитических форм. Так, образования типа *кедər*, *кедəси* являются причастиями и в составе словосочетания выступают только в роли определения. Функционируя в качестве сказуемого, они сочетаются со вспомогательным глаголом *ол-* и образуют тем самым аналитическую конструкцию — перифрастическую форму, ср.: *кедəси олду* 'ему пришлось отправиться', *кедər олдум* 'я должен уйти' в предложениях *Һачы Сəјјад Мəккəјə кедəси олду* (Дастанлар вə нағыллар); *Кəлин һалаллашаг, мən кедər олдум* (Мəһəббət дастанлары).

Так обстоит дело, можно сказать, со всеми неспрягаемыми формами глагола.

2. *Наклонения глагола и перифрастические формы.* Все наклонения являются спрягаемыми формами глагола. Однако в азербайджанском языке аффиксы *-ачаг*, *-əчək*; *-асы*, *-əси*; *-малы*, *-мəли* являются показателями как изъявительного, необходимостного и долженствовательного наклонений, так и соответствующих причастий.

С этой точки зрения их, конечно, можно было бы считать оморфемами, однако наличие между ними «генетической» близости не позволяет высказаться по данному вопросу категорично. К. М. Гезалова, анализируя способы выражения долженствовательного наклонения азербайджанского языка в английском, замечает, что в азербайджанском языке формы спряжения глагола *ол-* играют значительную роль в образовании сложной формы долженствовательного наклонения, которая может выступать во всех трех временах глагола [17. С. 34]. При этом она приводит следующие примеры: *Бəли*, *Сəјјаһ ханым һаггындакы тəсəввүрлəримиз дəјишмəли олур* (Мир Чалал); *Белə олду ки, бир мүддət сонра мən јазычылар иттифагында сəдр вəзифəсиндə чалышмалы олдум* (Сулəјман Рəһимов). К этим примерам можно добавить и другие, в которых первым компонентом конструкции выступает глагол в форме необходимостного наклонения: *Эмрəһ һələ бурада галасы олду*; *Гоча Əһмəd исə кедəси олду* (Дастанлар вə нағыллар).

Возникает вопрос: что же является семантической основой образования аналитических форм типа *дəјишмəли олур*, *чалышмалы олдум*, *галасы олду*, *кедəси олду* — причастие или наклонение? Если учесть,

что причастие в тюркских языках исторически древнее категории наклонения, то вряд ли можно сомневаться в том, что в образовании этих конструкций ведущая роль принадлежит именно причастной форме. В пользу этого говорит и такой факт, что негативная форма необходимого наклонения, в отличие от других наклонений глагола, образуется аналитическим способом. Уместно напомнить и о том, что в письменных памятниках азербайджанского языка аффикс *-асы, -эси* выступает в основном в качестве причастия со значением желаниа, хотения [18. С. 230].

Отметим, что образование перифрастических форм посредством неспрягаемых форм глагола диктуется самой природой конкретного языка. Чаще всего они выступают как сказуемое, в образовании которого участвуют не только спрягаемые, но и неспрягаемые формы глагола и предикативные слова типа *лазым, карак, вар, јох, дејил*, и др.

В некоторых работах, посвященных синтаксису азербайджанского языка и его исторической морфологии, конструкция типа «инфинитив + *карак*» рассматривается как аналитическая форма. Между тем ее правильнее считать аналитико-перифрастической формой, поскольку, в отличие от других аналитических конструкций, перифрастические формы тесно связаны с наклонениями глагола.

Судя по имеющимся фактам, в азербайджанском языке перифрастические формы наиболее широко представлены в разговорной речи и в устном народном творчестве. В их образовании активно участвует глагол *ол-*, что связано с его семантикой. Что касается турецкого языка, то М. С. Михайлов насчитывает в нем около 180 перифрастических форм, образованных с помощью глагола *ол-*.

Исследователи перифрастических форм в том или ином тюркском языке классифицируют их по-разному. Так М. С. Михайлов исходит из грамматического значения и структуры этих форм. Он делит их на следующие группы: 1) перифрастические формы, выражающие характер протекания действия; 2) перифрастические формы, передающие результат и производительность действия; 3) перифрастические формы, выражающие модальность; 4) перифрастические формы, содержащие аффикс *-дир*; 5) сказуемое-словосочетание [9. С. 58].

Для того, чтобы выявить функционально-семантические особенности перифрастических форм, целесообразно сначала установить их структуру, а затем уже определить семантику каждой структуры в отдельности.

Перифрастические формы, как правило, образуются на основе спрягаемых форм глагола. Факты азербайджанского языка показывают, что такими формами чаще всего выступают инфинитив и причастие, что связано прежде всего с тем, что они относительно легче подвергаются контекстуальной субстантивации. Это, в свою очередь, создает благоприятную почву для их сочетания с предикативными словами. Что касается деепричастия, то оно не обладает такой особенностью, и потому в результате сочетания его с независимым глаголом образуется аналитическая обстоятельственная конструкция, которую перифрастической формой считать нельзя.

Анализ фактов позволяет считать перифрастическими следующие аналитические формы:

- 1) *-маг// -мак + лазым + дыр (иди, дејил)* — структурный тип, широко распространенный в азербайджанском языке. Например:
 - а) *Өзү дә бир аз тәләсмәк лазымдыр* (Исмајыл Шыхлы);
 - б) *Јох, бу ганунлары учурмаг, јени ганунлар јаратмаг лазым иди* (Мирзә Ибраһимов);

- в) Бундан өтрү али мэктэб гуртармаг лазым дежил (Әли Вәлијев);
- 2) *-маг//-мәк + кәрәк*: Мүгәссирә сүбут вә дәлиллә чәза вермәк, фәрәкдир (Сүлейман Рәһимов);
- 3) *-маг//-мәк + лазым + кәл*-. Данная форма довольно прсдуктивна. Глагол *кәл*- в составе этой конструкции, как правило, выступает в форме изъявительного наклонения, ср.: Она көрә чох денкәләрдә еһтијатлы олмаг лазым кәлирди (Исмајыл Шыхлы);
- 4) *-маг//-мәк + мүмкүн (дир, иди, дежил)*: Бурада һәр нә десән тапмаг мүмкүндүр (Исмајыл Шыхлы);
- 5) *-маг//-мәк гејри-мүмкүн*: Колхоз сәдри әлинин ичи кими биллирди ки, анбардарла мүһасиби мүгајисә етмәк гејри-мүмкүндүр (Әли Вәлијев);
- 6) *-маг//-мәк + олмаз*: Софи кими јашамаг, әјјаш кими мәст олуб мүркүләмәк дә олмаз (Сүлейман Рәһимов);
- 7) *-маг//-мәк олмазды*: О вахта гәдәр көзләмәк олмазды (Илјас Әфәндијев);
- 8) *-маг//-мәк олмазмы*: Арамызда баш галдыран бу өртүлү чәкиш-мәјә бу чүр сон гојмаг олмазмы? (Илјас Әфәндијев);
- 9) *-маг//-мәк олар*: Бакыја кетмәк олар (Илјас Әфәндијев);
- 10) *-маг//-мәк + олармы?* Ср.: Гурбаны Муртузова вермәк олармы? (Сүлейман Рәһимов);
- 11) *-маг//-мәк + оларды*: Мејхананы башламаг оларды (Исмајыл Шыхлы);
- 12) *-маг//-мәк + олур*: Фәләјин ишини нә билмәк олур (Мирзә Ибраһимов);
- 13) *-маг//-мәк + олардымы?* Ср.: Бу аты ортаја чыхармаг олардымы? (Исмајыл Шыхлы);
- 14) *-маг//-мәк + олмурду*: Јухарыда адачылары бүрүјән чичәк-ләнмиш улғун колларыны учларынын рәнкини сулардан сечмәк олмурду (Исмајыл Шыхлы);
- 15) *-маг//-мәк + олмады*: Кишинин һәндәвәринә фырланмаг олмады (Исмајыл Шыхлы);
- 16) *-маш//-мәк + олмурду*: Чөрәк дүканларынын габағында зыгдан јеримәк олмурду (Мирзә Ибраһимов);
- 17) *-маг//-мәк + олмур*: Бачысы гачырыландан сонра исә диндир-мәк олмур (Исмајыл Шыхлы);
- 18) *-маг//-мәк + олурду*: Онлары сәһәрин ала-торанында күчлә сечмәк олурду (Исмајыл Шыхлы);
- 19) *-маг//и-мәк + мүмкүн + олду*: Бәлкә мәсәләни биз истәјән вахта гәдәр узатмаг мүмкүн олду (Мирзә Ибраһимов);
- 20) *-маг//-мәк + мүмкүн + олачагды*: ...Өз күзәрәныны да бир гајдаја салмаг мүмкүн олачагды (Мирзә Ибраһимов);
- 21) *-маг//-мәк + мүмкүн + ола*: Ағлыма кәлди ки, тичарәт вә сәнајә вәзәрәти хәттилә бир јердә ишләмәк мүмкүн ола (Мирзә Ибраһимов);
- 22) *-маг//-мәк + мүмкүн + олајды*: Фирудунла бир әлагә јаратмаг, тәдбир төкмәк мүмкүн олајды (Мирзә Ибраһимов);
- 23) *-маг//-мәк + мүмкүн + олмурду*: Онун варлығыны халгдан киз-ләтмәк мүмкүн олмурду (Мирзә Ибраһимов);

Возникает вопрос: могут ли быть выражены оба компонента перифрастических форм глаголами (первый компонент — неспрягаемым, второй — спрягаемым)? Если у других аналитических форм первым компонентом иногда выступает имя, а вторым — глагол, то, на наш взгляд, вполне допустимо образование и перифрастических форм, первый

компонент которых составляет неспрягаемая форма глагола, а второй — глагол или предикативное слово или же предикативные сочетания. Эти формы выражают необходимость или возможность осуществления действия, что чаще всего объясняется семантикой второго компонента.

К перифрастическим формам, образованным с участием инфинитива, относятся и те, в которых инфинитив выступает в местном падеже имени существительного, причем данные формы, как правило, выражают процесс продолжения действия. Конкретно в языке они представлены следующим образом:

1) *-магда//-макдэ + иди*, ср.: Кәрчи хәрчәнк күч етмәкдэ иди, фикри һејф кери кетмәкдэ иди (Аббас Сәһһәт);

2) *-магда//-макдэ + олсун*, ср.: Бу кетмәкдэ олсун, ешит Ханверди сөвдәкәрдән (Мәһәббәт дастанлары);

3) *-магда//-макдэ + олду*, ср.: Гәриб бәзиркан вә паша илә худа-һафизләшиб Тифлисә сары кетмәкдэ олду (Дастанлар);

4) *-магда//-макдэ + олан*, ср.: Нәһәјәт, бу сүкут һәлә дә о баш-бу баш кәзмәкдә олан Сәртиби дарыхдырды (Мирзә Ибраһимов).

В азербайджанском языке, как и в других тюркских языках, широко представлены также перифрастические формы, образованные с участием различных форм причастия:

1) *-ар//-әр + олду* — обозначает действие, совершение которого является результатом объективной ситуации, поставившей субъект перед фактом обязательности выполнения действия, ср.: Мән кедәр олдум 'Я вынужден отправиться в путь' (букв.: уйти). Категориальное значение данной аналитической формы передается в основном при помощи второго компонента, т. е. вспомогательного глагола *ол-*, который в зависимости от контекста выступает в форме того или иного наклонения глагола;

2) *-ар//-әр + олса, олсаз* — в данном случае вспомогательный глагол выступает в форме условного наклонения, что и придает аналитическому образованию семантику условности, ср.: кәләр олса 'если (он) придет (букв.: вынужден будет прийти)'; кедәр олсаз (олсаныз) 'если отправитесь';

3) *-асы//-әси + ол-*: Начы Сәјјад Мәккәјә кедәси олду (Дастанлар вә нағыллар); Әмраһ һәлә бурада галасы олду, Гоча Әһмәд исә кедәси олду (Дастанлар вә нағыллар). Вряд ли можно сомневаться в том, что в этих примерах *кедәси олду* означает '(он) вынужден был уйти', *галасы олду* '(он) вынужден был остаться'. Как видно из контекста, здесь налицо факт совершения действия до момента речи, т. е. значение прошедшего категорического времени передается благодаря употреблению вспомогательного глагола *ол-* в форме прошедшего категорического времени изъявительного наклонения (*олду*).

Любопытно, что в лингвистической литературе при объяснении семантики данного образования отмечается, что оно выражает модальность намерения;

4) *-ачаг//-әчек + ол-* — выражает в основном категоричность или определенность совершения действия с оттенком предположения, ср.: алачаг олду 'постигнет', галачаг олду 'останется' в предложениях Аман чәллад, кәл рәһм елә — Дәрд мәни алачаг олду (Мәһәббәт дастанлары);

5) *-малы//-мәли + ол-* — обозначает обязательное или вынужденное осуществление действия, ср.: әл чәкмәли олду '(он) был вынужден отречься (отказаться)' в предложении Лакин тезликлә бу хәјәлындан әл чәкмәли олду (Мирзә Ибраһимов);

6) *-маз//-мәз + олду* — передает категоричность осуществления

действия, ср.: Дост багына ахмаз олду суларым (Мəһəббət дастанлары); Шофер Сəмəндəр машынына əллəшиб, узаг даглара јол алды в-тезликлə мешəдə кəрүнмəз олду (Илјас Əфəндијев);

7) *-маз//мəз + елə*—указывает на завершение действия, полное его осуществление, ср.: О булуд јерə ениб, ону агачларын арасында... кəрүнмəз ејлəди (Јусиф Сəмəдоглу);

8) *-мамыш//мəмиш + ол-* — выражает главным образом предположение о возможности осуществления действия, ср.: Ја истəјирсən, билирəm кəнлүндən кечмəмиш олмаз, сəни баш мүнəзчим гојум (Јусиф Сəмəдоглу);

9) *-мамыш//мəмиш + дејил* — подтверждает наибольшую вероятность осуществления действия, ср.: билмəмиш дејилди 'не может быть, чтобы (они) не знали, т. е. (по всей вероятности они) знали' в предложении Бомијевин рəһбэрлəri бу вəзијјети билмəмиш дејилди (М. С. Ордубади).

Таким образом, анализ фактов азербайджанского языка позволяет констатировать, что перифрастические формы глагола—это не что иное, как синтактико-аналитическая категория, связанная с неспрягаемыми формами глагола. В азербайджанском языке они являются одним из способов выражения модальности и потому употребляются преимущественно в качестве сказуемого. Чаще всего эти конструкции встречаются в разговорной речи.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Азербайжан дилинин грамматикасы. Баку, 1951. Ч. 1.
2. *Һусейнзаде М.* Мүасир Азербайжан дили. Баку, 1973.
3. Азербайжан дилинин грамматикасы. Баку, 1960. Ч. 1.
4. *Əлəкбэрли А.* Мүасир Азербайжан дилиндə мүрəккəб фе'л мəсəлəsi//Əдəбијјат вə дилчилик мəчмүəsi. Баку, 1960. Ч. 15.
5. *Юлдашев А. А.* Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965.
6. *Байрамов Ф. Р.* Деривационный элемент аналитического глагола в тюркских языках//Система и уровни языка. М.: Наука, 1969.
7. *Бархударов Б. И.* Аналитические глагольные конструкции в письменных памятниках азербайджанского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1987.
8. *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956.
9. *Михайлов М. С.* Исследования по грамматике турецкого языка: Перифрастические формы турецкого глагола М., 1965.
10. *Сулейманов К.* Перифрастические формы узбекского глагола: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1968.
11. *Тумашева Д. Г.* Перифрастические формы татарского глагола//Вопросы татарского языкознания. Казань, 1965.
12. *Турсункулова А. А.* Перифрастические формы глагола в узбекском и казахском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1972.
13. *Щербак А. М.* Рец. на кн.: А. А. Юлдашев. Аналитические формы глагола в тюркских языках//Вопросы языкознания. 1967. № 1.
14. *Хəлифəзадə М.* Азербайжан дилиндə фе'ли əсаслар: Нам. дис. Баку, 1940.
15. Мүасир Азербайжан дилинин морфолокијјасы. Баку, 1961.
16. *Чавадов Ə. М.* Тəктəркибли чүмлə//Азербайжан дилинин синтаксисинə даир тəдгиглэр. Баку, 1963.
17. *Кəзəлова К.* Азербайжан дилиндə фе'лин вачиб шəкли вə онун инкилис дилиндə ифадə васитəлəri//Азербайжан ССР Али вə Орта Ихтисас Тəһсилли Назирлијјинин али мəктəблєринин əсэрлəri. Дил-əдəбијјат серијјасы. Баку, 1975. Ч. 12, № 2.
18. *Рəһимов М. Ш.* Азербайжан дилиндə фе'л шəкиллєринин формалашмасы та-рихи. Баку, 1965.

НАСЛЕДИЕ

ПРОФЕССОР ГУЛАМ БАГИРОВ

Один из основоположников азербайджанской советской языковедческой науки профессор Гулам Багиров (1904—1986) снискал известность как автор ценных исследований в области истории, диалектологии, лексико-семантической и грамматической структуры азербайджанского языка. Г. Багиров принадлежал к плеяде таких ведущих тюркологов 30-х гг., как Бекир Чобанзаде, Идрис Гасанов, Артур Рудольфович Зифельдт-Симумяги, Халид Саид Ходжаев, Абдулла Тагизаде, Абдулла Шарифов, Алекбер Бабазаде и другие, стоявших у колыбели азербайджанской филологии. Новое поколение ученых-тюркологов не знает, что Г. Багиров был первым азербайджанцем, удостоенным ученой степени кандидата филологических наук за работу по азербайджанскому языкознанию. Подвергшись в 1937 г. сталинским репрессиям, Г. Багиров в общей сложности

около двадцати лет провел в лагерях и ссылке. Однако перенесенные испытания не сломали его воли, интереса к жизни, страстной увлеченности наукой. Реабилитированный ученый заново написал докторскую диссертацию, опубликовал монографию и многочисленные статьи. Член КПСС с 1931 г., Г. Багиров активно участвовал в общественной жизни республики.

Выпускник Высшего пединститута (ВПИ) в Баку, а также восточного факультета Азгосуниверситета им. Ленина, Г. Багиров уже с конца 20-х гг. со всей энергией включается в научную и педагогическую работу, сотрудничая в Азербайджанском государственном научно-исследовательском институте (АзГНИИ), в Институте повышения квалификации педагогов, в Комвузе, где он состоял председателем предметной комиссии по языкам, в ВПИ, где молодой ученый читал курс теоретической грамматики. Большую работу проделал Г. Багиров и в должности председателя комиссии по созданию стабильных учебников для всех классов начальной и средней школы (членами комиссии были А. Тагизаде, Х. С. Ходжаев, И. Гасанов, А. Шарифов и А. Бабазаде).

Несмотря на значительную педагогическую и общественную загруженность, Г. Багиров много сил уделяет научной деятельности, связанной у него в 30-х гг. в основном с Азербайджанским филиалом АН СССР (АзФАН), где он выполнял обязанности руководителя секции языка (1933—1935) и заместителя директора по науке Института языка и литературы АзФАН (1935—1937). В 1935 г. Г. Багирову за диссертацию на тему «Синтаксическая роль падежей существительного в тюркском языке» была присвоена ученая степень кандидата филологических наук.

1937 год стал для ученого, как и для миллионов советских людей, роковым. Его снимают с работы за «вредительство, допущенное в области азербайджанского языка, орфографии, терминологии, слова-

рей; пособничество и прямую помощь разоблаченным врагам народа (Р. Ахундову, Б. Чобанзаде, Г. Зейналлы, Али Назиму, В. Хулуфлу и др.). Вскоре Г. Багиров был арестован и осужден на десять лет лагерей.

Чудом оставшись живым, он в 1947 г. вернулся на родину. Однако ему не разрешили жить в Баку. Г. Багирову пришлось работать секретарем в отделе здравоохранения в далеком горном Лачинском районе (1947—1948). На этом, однако, его заключение не окончилось.

Подхваченный повторной, послевоенной, волной репрессий, он оказался в ссылке в Джамбулской области Казахстана. Но и здесь ученый восторжествовал над обстоятельствами, ему удалось вернуться к педагогической работе, на сей раз в качестве преподавателя русского языка и литературы в казахской школе.

Наконец, в 1956 г. в числе миллионов невинно пострадавших Г. Багиров был реабилитирован и возвратился в Баку. Он был реабилитирован также и по партийной линии.

Новый этап научной деятельности Г. Багирова был связан с Азербайджанским пединститутом иностранных языков им. М. Ф. Ахундова, где с 1956 по 1967 г. он руководил кафедрой азербайджанского языкознания, а в последние годы жизни состоял профессором той же кафедры. В 1966 г. ученый защитил докторскую диссертацию, и вскоре ему было присвоено звание профессора.

Гулам Багиров оставил богатое научное наследие. Его труд «Основы научной грамматики: введение» (Баку, 1932), написанный в соавторстве с Б. Чобанзаде, по праву можно считать первым удачным шагом в деле написания теоретической грамматики азербайджанского языка. Указанная книга была только начальной частью большого научного труда. По словам автора, к 1933 г. рукописи глав «Местоуправление падежей в тюркском синтаксисе», «Анализ тюркских числительных», «Краткий курс грамматики тюркского языка» (1931. 3 а. л.), «Схема развития азербайджанско-тюркского языка» (1932. 3 а. л.) и ряд других были подготовлены к печати. Однако, как это часто бывало, печальная судьба постигла не только исследователя, но и его рукописи: многие из них были безвозвратно утрачены.

Результатом изысканий Г. Багирова в области языковой политики явились его статьи «За чистоту марксистско-ленинского языкознания» и «Против формализма в тюркских учебниках», опубликованные в 1932 г.

В большой статье «Языковое строительство в Азербайджанской ССР», написанной на русском языке в соавторстве с Б. Чобанзаде и опубликованной в 1936 г., нашли свое отражение вопросы периодизации азербайджанского литературного язы-

ка, проблемы «нового учения о языке», основные компоненты языкового строительства (алфавит, орфография, терминология, учебники, лексикография, изучение диалектов и т. д.), наконец, вопросы языкового строительства наименьшинств в Азербайджане. В этой ценной работе были обобщены едва ли не все основные результаты исследования в области языковой политики и языкового строительства за годы Советской власти и определены конкретные задачи в этих сферах науки и жизни. В статье «Неопубликованные документы из истории развития грамматической мысли в Азербайджане» Г. Багиров впервые в азербайджанском языкознании подверг научной интерпретации книгу «Фаннисарфи-тюрки» М. Афшара и грамматические труды А. Бакылы. К сожалению, авторы, писавшие о тех же рукописях, не сочли нужным упомянуть имя Г. Багирова.

В научном творчестве Г. Багирова особое место занимают исследования в области диалектологии. В 1934 г. ученый возглавил диалектологическую экспедицию в Кубинский район. Результатом кропотливых изысканий явилась статья «О яфетическо-тюркском языковом смещении», в которой автор поставил вопрос о контактах кубинского диалекта с так называемыми яфетическими лезгинским, татским, будухским, хиналугским и другими языками, а также описал фонетические особенности данного диалекта. Лишь 23 года спустя ученый смог вернуться к своим диалектологическим трудам; появилась его монографическая статья «Об основных фонетических, морфологических и лексических особенностях кубинского диалекта» — последнее исследование Г. Багирова в области диалектологии.

Несмотря на перенесенные страдания и тяжелую болезнь, Г. Багиров самоотверженно работал в науке, свидетельством чего стали его исследования 60-х гг., в особенности такие, как «Роль М. Физули в развитии азербайджанского литературного языка», «О лексических, фонетических и грамматических особенностях азербайджанского литературного языка XV века (на примере поэмы „Кысса-Юсуф“ поэта, известного под псевдонимом Шамс)», «О языке и стилистических особенностях произведений М. Ф. Ахундова», «О структуре простых глаголов в азербайджанском языке и их путях развития» и др. За фундаментальную монографию «Лексико-семантическое развитие глаголов в азербайджанском языке», в которой впервые в азербайджанском языкознании трактуются вопросы исторической семасиологии, Г. Багирову была присвоена ученая степень доктора филологических наук.

Не все труды профессора Г. Багирова изданы. Так, не опубликован подготовленный к печати сборник, куда вошли статьи «Кыпчакские элементы в азербай-

джанском языке», «О языке и стиле „Моллы Насреддина“» и др.

Профессор Гулам Багиров не жалел ни духовных, ни физических сил для процветания азербайджанской филологической науки. Нынешнему поколению тюркологов предстоит лучше уяснить роль в развитии

азербайджанского языкознания этого видного ученого, который не получил должной оценки при жизни. Следует подумать и о переиздании его работ, по-прежнему сохраняющих свою актуальность.

А. Тагирзаде, А. Гулиев

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПРОФ. Г. К. БАГИРОВА

1. Азербайчан түрк дилинин гыса грамматикасы. Баку: Азәрнәшр, 1931 (3 п. л.).
2. Азербайчан әдәби дилинин инкишаф мөрһәлләри. Баку, 1932 (1 п. л.).
3. Азербайчан ССР-дә дил гуручулугунун гыса ичмалы//Коммунист тәрбијәси угрунда. Баку, 1931 (1,5 п. л.).
4. Дилчилик чәбһәсиндә Маркс вә Ленин нәзәријәсинин сафлығы угрунда мүбаризә//Коммунист тәрбијәси угрунда. Баку, 1932. № 1—3 (1 п. л.).
5. Түрк дили дәрсликләриндә формализм әлјһинә//Азәрбайчан елми әбһәси. 1932. № 1—2 (1 п. л.).
6. Елми Грамерин әсаслары: Мүгәддимә/Ред. Исмајыл Абд. Баку, 1932 (совм. с Б. Чобанзаде) (4 п. л.).
7. Түрк дили үзрә програмлар. Баку, 1933 (3 п. л.).
8. Түрк дили (програм тапшырылары). Баку, 1935 (3 п. л.).
9. Языковое строительство в АзССР//Тр./АзФАН СССР. Баку, 1936. Т. 30 (совм. с Б. Чобанзаде) (2,5 п. л.).
10. О яфетическо-тюркском языковом смешении//Тр./АзФАН СССР. Лингв. сер. Баку, 1936. Т. 31 (1,5 п. л.).
11. Неопубликованные документы из истории развития грамматической мысли в Азербайджане//Тр./АзФАН СССР. Лингв. сер. Баку, 1936. Т. 31 (1 п. л.).
12. М. Фүзулинин Азәрбайчан әдәби дилинин инкишафында ролу//Азәрбайчан мәктәби. Баку, 1958, № 12 (1 п. л.).
13. Губа диалектинин фонетик, морфоложи вә лексик хүсусијәтләринә даир//Азәрб. ДПХДИ-нин Елми әсәрләри. Баку, 1959. 2 бур. (4,5 п. л.).
14. XV әср Азәрбайчан әдәби-бәдii дилинин лексик-фонетик вә грамматик хүсусијәтләринә даир//Азәрб. ДПХДИ-нин Елми әсәрләри. Филол. сер. Баку, 1961. 9—11 бур. (3,5 п. л.).
15. М. Ф. Ахундов әсәрләринин дил вә үслуб хүсусијәтләринә даир//М. Ф. Ахундов адына АПДИ-нин Елми әсәрләри. Баку, 1962. 18 бур. (1 п. л.).
16. О структуре производных глагольных основ азербайджанского языка и пути их развития//Уч. зап. АПИ им. М. Ф. Ахундова. Сер. яз. и лит. Баку, 1963. Вып. 3 (1 п. л.).
17. Азәрбайчан дилиндә бәзи фе'лләрч лүгәти мә'на группарына даир//М. Ф. Ахундов ад. АПДИ-нин Елми әсәрләри. Дил-әдәбијјат сер. Баку, 1966. № 2 (1 п. л.).
18. Лексико-семантическое развитие глагола в азербайджанском языке: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. Баку, 1966 (8,5 п. л.).
19. Азәрбайчан дилиндә фе'лләрин лексик-семантик инкишафы. Баку, 1971 (10 п. л.).
20. Губа диалекти. Баку. 1936 (6 а. л.) (рукопись в 1936 г. была готова к печати).
21. Яфетическо-тюркские параллели: (на материале северных диалектов азербайджанского языка). Баку, 1936 (рукоп.) (1,5 а. л.).
22. Азәрбайчан дилиндә гыпчаг элементләри (рукоп.) (1 а. л.).
23. «Молла Нәсрәддин»ин дили вә үслубуна даир (рукоп.) (1 а. л.).

Г. БАГИРОВ

**НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ
ГРАММАТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ [1]**

История развития азербайджанского литературного языка и научное освещение его проблем являются одной из основных задач языковедческого фронта в АССР. Азербайджанский литературный язык до сих пор не изучен и не освещен. Языковое строительство в Азербайджане, необходимость составления стабильных учебников по грамматике, уточнение принципов ее построения, вопросы терминологии, орфографии, словарей, принципы научного перевода и т. д. — все эти вопросы требуют максимального внимания в деле разрешения указанных проблем. Ведь ни для кого не секрет, что грамматика азербайджанского тюркского языка в научном освещении не будет написана до тех пор, пока мы основательно не займемся изучением истории развития литературного тюркского языка с учетом положительных фактов и выводов буржуазных лингвистов, хотя они (факты и выводы) незначительны.

Первый, кто сделал объектом своего изучения грамматику азербайджанского тюркского языка, был проф. Казем-Бек. В его труде (1839) наряду с грамматикой татарского языка довольно подробно отражена грамматическая система азербайджанского тюркского языка. В предисловии Казем-Бек упоминает ряд авторов, написавших грамматики турецкого языка на английском, французском и немецком языках, как, например, грамматики Менинского (1730), Вигье, Гольдермана, Комидоса, Жобера, Довидса и т. д., но их мы под рукой не имеем и не видели. Однако мы полагаем, что в этих грамматиках авторы, вероятно, не остановились на грамматических особенностях азербайджанского тюркского языка. По всей вероятности, речь идет вообще о грамматике тюркско-татарских языков. После Казем-Бека кратко грамматические сведения об азербайджанском тюркском языке даются в учебнике Мирза-Абул-Гасан Везирова (1861), преподавателя Новочеркасской гимназии. Содержание и задачу учебника можно определить следующими словами автора: «В нем я поместил все, что считаю необходимым знать переводчику на Кавказе, потому вошли в него формы деловых бумаг, более употребительных» (с. 1). Таким образом, до начала XX столетия азербайджанские турки на родном языке не имели своей (изданной) грамматики, а все вышеуказанные грамматики, несомненно, были предназначены для европейцев и русских, а не для тюркских школ, которых к тому же тогда и не было.

С XX столетия нам известно несколько книг по курсу грамматики,

носивших чисто практический характер [2] и написанных в основном по образцу грамматического стиля арабской филологии, строго подчиняющейся логическим принципам последней.

После установления Советской власти в Азербайджане мы встречаем отдельные монографии и заметки, трактующие отдельные вопросы и диалекты азербайджанского тюркского языка [3]. В связи с решением ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе, а также о стабильных учебниках было составлено несколько учебников по курсу грамматики тюркского языка, которые в методическом и научно-методологическом отношении радикально отличаются от вышеуказанных учебников, но все же они также не могут считаться окончательными стабильными учебниками, поскольку туда включен ряд вопросов, не разрешенных на данном этапе изучения азербайджанского языка, и имеют немало дефектов как методического, так и научно-теоретического порядка. Так, например, вопрос относительно последовательности грамматических отделов, определения грамматических категорий, грамматической терминологии, в особенности вопросы синтаксиса, и т. д. — все это недостаточно конкретно отражено и требует дальнейшего разрешения [4].

Задачей настоящей статьи является ознакомление читателя с двумя грамматическими документами, которые удалось нам приобрести в последнее время. Один из них представляет интерес с точки зрения развития грамматической мысли в Азербайджане и влияния иных (русских и арабских) грамматических школ. Другой документ отражает диалектальные особенности азербайджанского языка в середине XIX в. и взаимоотношения между азербайджанским, иранским и арабским языками. Мы полагаем, что оба эти источника представляют не только теоретический, но и практический интерес и дадут нам ряд положительных фактов, учесть которые необходимо при составлении полноценного стабильного учебника по грамматике.

Первый из документов — грамматика, написанная неким Мирза Магомедом (под псевдонимом Афшар), жителем г. Урмии (Иранский Азербайджан). Из предисловия видно, что автор грамматики, будучи учителем закона божьего и тюркского языка в учительской семинарии (по всей вероятности, в Гори), был знаком как с грамматикой проф. Казем-Бека, так и с учебником Везирова, которые, несомненно, оказали большое влияние на его труд. Это ясно видно из содержания и структуры грамматики. Дата составления не указана: вероятно, она относится ко второй половине XIX в. и является первым систематическим курсом азербайджанского тюркского языка, написанным на тюркском языке. Кроме того, в ней ясно выражен стиль и метод европейских грамматиков, что можно видеть в каждом отделе. Книга, кроме предисловия, состоит из 3-х отделов: фонетики, морфологии и синтаксиса. В предисловии автор дает историческое объяснение причины оформления и образования грамматики как науки о строе речи. Этот вопрос разрешается автором путем беглой исторической экскурсии в арабскую филологию. По мнению автора, грамматика образовалась как наука для составления языковых правил Корана и для правильного произношения слов последнего, что было сделано по предложению халифа Али. Дальше автор переходит к разбору и анализу самого тюркского языка. «Тюркский язык, — говорит он, — является одним из беднейших языков. Для изложения тонкой и сложной мысли на этом языке приходилось обращаться к помощи арабского и фарсидского языков, в результате чего не только портился тюркский язык, но сотни и тысячи тюркских слов вышли и устранены из строя тюркского языка, а взамен их

он был переполнен арабо-персидскими словами и оборотами речи. Многие из них уже получили право гражданства».

Интересны в этом отношении примеры, приведенные автором. «Если кто-нибудь,—говорит автор,— в Азербайджане вместо слова *جهم* 'ад' скажет *دامو*, то никто его не поймет, или вместо *بر تاپناق يوخدر انجق (چالاب)* т. е. 'нет бога, кроме аллаха', то слово *تاپنان* 'обожествляемый' и *چالاب* 'бог' станет непонятным, а если вместо слова *تاپنان* скажет *معبود* и вместо *چالاب* [5] скажет *الله تعالى*, то будет понятно и ясно для всех». Отсюда он делает вывод, что необходимо, наряду с грамматическими правилами тюркского языка, дать и правила арабо-иранских языков. Мы не будем останавливаться на неправильных положениях, которые выдвигаются автором как в отношении истории возникновения грамматики, так и в отношении причин обилия арабо-иранских слов в тюркском языке (по существу, эти положения являются идеалистическим объяснением социальных явлений). Отметим лишь, что автор отражает культурно-реформаторский план нарождавшейся буржуазии, появившейся на арене истории начиная со второй половины XIX в. Этот момент ярко бросается в глаза в следующих словах автора: «До сих пор этим вопросом (вопросом грамматики) в Азербайджане никто не занимался, в результате чего орфография тюркского языка явно противоречит орфоэпии его, и для получения элементарной грамотности требуется большая затрата времени и энергии, и то ничего не получается». Это и побудило автора написать свою грамматику.

Дальше автор переходит к изложению отделов грамматики. Грамматика в основном делится на две части: 1) наука об этимологии — *فن صرف*, 2) наука о синтаксисе — *فن نحو*. Первая часть делится на следующие главы: 1) глава о буквах — *باب الحرف*, 2) об именах, 3) о глаголе, 4) о морфемах — *المبهمات والادوات*. Наука о синтаксисе, как говорит автор, тоже делится на несколько глав и отделов, но они не указываются. Из этой классификации видно, что, несмотря на склонность автора к европейскому стилю, он все-таки оставался в плену арабских грамматиков и арабского алфавита, при всем его стремлении освободиться от последнего. Автор, не замечая недостатков арабского алфавита, неправильно определял и классифицировал тюркские буквы и звуки, считая, что в тюркском языке имеются 33 буквы, из них 7 букв являются арабскими, таким образом, в тюркском языке остается 27 букв. Ясно, что автор не обратил внимания на то, что арабский алфавит полностью не передавал тюркских звуков, особенно гласных, что Энгельс заметил еще в 1853 г.: «Если бы не этот проклятый арабский алфавит, в котором то и дело целые шестерки букв имеют совершенно одинаковый вид и в котором нет гласных, то я бы взялся изучить всю грамматику (речь идет о грамматике фарсидского языка. — Г. Б.) в течение 48 часов» (Энгельс. Письмо к К. Марксу 6/VI 1853 г.). Затем, автор грамматики не отличает буквы от звука, хотя в одном месте он оговаривается, что звук можно слышать, а буквы являются условными знаками звуков. Отсюда видно, что автор нуждался в термине для определения звука, который в арабской грамматике обозначался словом *صوت*.

Дальше автор переходит к классификации звуков как по месту, так и по способу произношения. В результате он определяет следующие виды согласных звуков: гортанные, губные и звуки, образующиеся при помощи языка: *دیلدن تورهنندن حرفلر*. Гортанные звуки, по

определению автора, следующие: заднегортанные ء آ , среднегортанные ح ع и переднегортанные غ خ . Губных звуков, по мнению автора, пять: m , b , p , f , v , а остальные звуки автор включает в число тех звуков, которые получаются с помощью языка при соприкосновении его с зубами и с нёбом (таких, по его мнению, — 18).

Гласные звуки и их классификация не нашли своего отражения в отделе фонетики, хотя в одном месте он и говорит, что гласных звуков حروف مصوته три и указывает—буквы ا , و , ي , а это произошло, как было отмечено раньше, вследствие недостатка арабского алфавита. Наконец, в отделе фонетики затрагиваются изменения и выпадения звуков как тюркского, так и арабо-иранского языков; больше всего уделено внимания этому вопросу, и можно сказать, что почти все детали орфографии или орфоэпии арабского языка всесторонне освещены; очевидно, автор имел в виду читку Корана и религиозных текстов.

По поводу этой части грамматики нужно сказать, что, несмотря на недостатки ее, автор впервые освещает в грамматике тюркского языка звуковой состав, его изменения и выпадения, в основном охватывая фонетику тюркского языка, что не было замечено многими последующими грамматиками.

Далее автор переходит к разбору грамматических категорий. Но, прежде чем перейти к изложению этого отдела, следует сказать, что и сейчас вопрос о последовательности грамматических отделов и определений грамматических категорий является спорным вопросом нашей грамматики. В этом смысле очень интересна своеобразная концепция рассматриваемого нами автора. Отдел морфологии начинается с имен существительных. Под существительным автор объединяет ряд частей речи, куда входят, кроме существительного, прилагательные, числительные и местоимения. Определения категорий автором даны очень кратко и конкретно, хотя иногда и не совсем точно, например: «Имя—слово, о котором можно сообщить». Последовательность этой главы следующая: определение имен, собственные и нарицательные имена, имя прилагательное, множественное число, далее—арабо-иранские правила при образовании имен и прилагательных, образование родов и множественное число в этих языках.

По части склонений отметим следующие характерные моменты: во-первых, в качестве термина именительного падежа автор употребляет слово مبتدا , т. е. то, что мы называем сейчас подлежащим; во-вторых, последовательность падежей построена совершенно иначе, чем в грамматиках, написанных в арабском стиле, что видно из следующей таблицы:

№ п. п.	По арабскому стилю	№ п. п.	По стилю автора
1	Именительный — مجرد	1	Именительный — مبتدا
2	Винительный — مفعول به	2	Родительный — اضافت
3	Дательный — مفعول اليه	3	Дательный — م. اليه
4	Местный — مفعول فيه	4	Винительный — م. به
5	Исходный — مفعول عنه	5	Творительный — م. مع
6	Родительный — اضافت	6	Местный — م. فيه
7	Творительный — مفعول مع	7	Исходный — م. عنه

Далее в трех таблицах указываются изменения окончания падежей в зависимости от гласных и согласных. В этой части грамматики ярче бросается в глаза влияние грамматики проф. Казем-Бека.

Необходимо отметить еще один положительный момент в грамматике автора, а именно то, что каждая часть речи связывается с синтаксисом и указывается синтаксическая роль данной категории или правила, что показывает методистское чутье и мастерство автора. Так, например, имена существительные связываются с сочетанием слов, особенно с именным сочетанием ترکیب اضافی. В связи с этим автор объясняет арабо-иранские сочетания, которые получили достаточное распространение в тюркском языке. Этот важный момент не был учтен последующими авторами.

Затем следуют прилагательные, степень прилагательных, ласкательные имена и имена числительные, из которых указаны только три формы: количественные, порядковые и дробные, не указана разделительная форма, которая часто употребляется в тюркском языке. Дальше идут местные имена اسم مکان, т. е. производные прилагательных, указательные имена и местоимения. Глава об именах заканчивается склонением местоимений.

Следующая глава — о глаголах, со своеобразной классификацией и терминами. Глаголы делятся на три категории: основные اصلی, куда относится неопределенная форма; временные زمانی, которые показывают, кроме действия, времена и лица; производные فرعی, где имеются в виду причастные формы глаголов. Остановившись на каждой из указанных частей, автор показывает все детали глагольных форм, как, например, залого, отрицательные и положительные формы, спряжение глаголов по временам и лицам. Некоторые детали глагольных форм, особенно сложные времена, переносятся в отдел синтаксиса и связываются с соответствующим типом предложений, о значении которых было сказано выше.

В отдел морфологии включены также служебные слова, называемые автором باب المبهجات والادوات, самые общеупотребительные союзы, послелоги и междометия; этим кончается часть морфологии.

Глава о синтаксисе начинается общим понятием о слове. Затем, идет разбор предложений. Для термина «предложение» принято слово کلام 'речь' вместо слова جمله. Только в одном месте, и то в скобках, употребляется слово جمله. Последовательность типов предложений идет от простого к сложному. Здесь нужно отметить один интересный момент: вместо слова 'подлежащее' مبتدا употребляется слово مستندالیه, а слово مبتدا, как указано выше, заменяется термином именительного падежа. Классификация предложений следующая: простое предложение کلام مقیدی, простое нераспространенное کلام مطلق, согласование подлежащего со сказуемым по временам, числам и лицам, что в настоящее время также является спорным вопросом литературного языка. По мнению автора, сказуемое ставится во множественном числе; если подлежащее стоит в третьем лице и выражает лицо, то сказуемое можно ставить и в единственном и во множественном числе, например: قوناقلار گلدیلر (گلدی).

Если подлежащее выражает не лицо, то сказуемое всегда ставится в единственном числе: کوزلریم آغریيور, آتلار کشنیور. Классифицируемые также по интонационному принципу предложения бывают: повествовательные جمله اخباریه и восклицательные جمله انشائییه, куда входят и вопро-

сительные и повелительные. Из типов сложных предложений автор отмечает как сложносочиненную *كلام املی*, так и сложноподчиненную форму, которую он называет *كلام فرعی*. Со сложным предложением очень умело увязываются союзы и послелоги, указываются их место и роль в предложении, при этом они делятся на две категории: союзы, употребляемые только в главных предложениях, как, например, *və, də, hət, nə, ja...*, и союзы, связанные с подчиненными предложениями, например, *ki, hansə ki, zira, ucun, vına, vəqliki, zəmaniki, hərgah, əgər*.

Из видов подчиненных предложений автор указывает следующие: подчиненные качественные *كلام فرعی وصفی*, подчиненные причинные *كلام فرعی سببی*, времени или обстоятельства *كلام فرعی زمانی* и условные *كلام فرعی شرطی*.

Особо отмечается вводное предложение *جمله معترضه*.

В отделе синтаксиса необходимо отметить еще один своеобразный момент: члены предложения, особенно второстепенные члены, включаются в систему сложных предложений и связываются с подчиненными предложениями, которые автор называет *قیود مینه*, сочетая синтаксическую категорию с морфологической, например, имя. именные сочетания и их синтаксическое выражение — дополнение, прилагательные, прилагательные сочетания и их синтаксическое выражение — определение, а также глагол, на котором автор подробно останавливается.

Отдел синтаксиса заканчивается объяснением падежей (не всех), их роли и значения в строе тюркского синтаксиса.

Таково вкратце содержание грамматики Мирза Мамед Афшара, первого грамматика, взявшего на себя труд по составлению систематического курса грамматики литературного языка.

Из анализа методологии автора, его методических приемов и изложения материалов можно сделать следующее заключение:

1. Автор, будучи знаком с трудами европейского лагеря тюркологической школы, сумел отразить стиль и метод этой школы, конкретно определив содержание грамматики тюркского языка вообще и в частности ее отделов, главным образом фонетики; затем, будучи знаком с арабской филологией и часто прибегая к помощи последней, он сочетает два разных приема изложения и две методологические концепции.

2. Автор не стал на путь слепого подражания. Он как опытный преподаватель-методист самостоятельно проработал свою тему, очень чутко и правильно подошел к особенностям тюркского языка, пользуясь правильными методическими приемами, которые должны быть учтены нами при создании правильного курса тюркской грамматики.

تحریر اللغات آقا میرزا علی اکبر باکوئی

Вторая книга, написанная неким Али Бакинским, представляет большой интерес с точки зрения изучения азербайджанского тюркского языка и его истории. Характер и содержание ее до сих пор не были известны. Оригинал находится в библиотеке Салман Мумтаза, а копия, по предложению секции языка бывш. АЗГНИИ, была снята самим же Мумтазом и передана секции. При разборе рукописного материала нам удалось выяснить, что книга Али Бакинского является не только первой грамматикой, но и первым словарем азербайджанского языка. Вернее, она является сочетанием тех языковых вопросов, которые нужны для каждого иранца при изучении тюркского языка и, наоборот, для

тюрка при изучении арабского и иранского языков. Как сам автор заявляет, книга эта включает в себе следующие вопросы:

1. Краткое предисловие.
2. Краткие грамматические сведения о глаголах тюркского языка.
3. Словарь тюркского, иранского (персидского) и арабского языков.
4. Пословицы.
5. Толкование некоторых тюркских и иранских (персидских) слов и суффиксов.

В предисловии указаны цель составления такого рода книги и причины, побудившие автора написать эту работу.

«По просьбе гиланских друзей, — пишет автор, — я взял на себя труд составления грамматических правил, а также приятных слов и выражений тюрков, наименовав ее *تجرید اللغات* — этимология слов. Кроме общеупотребительных слов и выражений, которые встречаются в разговорной речи знатных людей, многие слова не были включены с той целью, чтобы красноречивые фарсы *فارسیان شیرین زبان* и геройственные турки *ترکان هنر پیشه‌گان* на этих говорили и получали духовное удовольствие и т. д.». По указанию самого автора, дата написания книги относится к 1264 г. магом. эры, о чем свидетельствуют следующие слова автора:

ناظم به این کتاب زبانرا چو برکشود
تاریخ هزار دوسد شصت چهار بود

Прежде чем перейти к изложению каждого отдела, следует отметить, что главная часть книги (грамматические объяснения, слова и изложение значения слов или переводов) написана в стихотворной форме с арабской метрикой, которую автор называет *نصاب*; другую часть (объяснение и определение отдельных слов) автор называет *شرح و تعریف*. Литографическое издание 1314 г. (магом. эры, т. е. через 50 лет после составления) имеет следующий вид:

<i>П о с л о в и ц ы</i>	Определение и объяснение <i>شرح و تعریف</i>
<i>П е р е в о д</i>	
معان Словарь в стихотворной форме	

Алфавитный порядок, необходимый при составлении каждого словаря, в книге Али Бакинского не соблюден.

Первая часть книги состоит из двух глав: 1) объяснение грамматических правил не всей грамматики, а лишь глаголов и их неопределенных наклонений и залогов. Определение и объяснение грамматического материала дано на фарсидском языке; это показывает, что работа была гредназначена главным образом для фарсидского читателя. Для наглядности приведем один пример, где речь идет об образовании неопределенного наклонения:

مصدر ترکی بدان لفظی که آخر ماق شد
مثل وورماق معنیش باشد زدن ای مقتدا

или, например, образование прошедшего времени:

ماق مصدر خندق کن اور بجایش لفظی
مثل ووردی یعنی زد یک شخص غایب مطلقاً

Вторая глава состоит из словаря. В этой части характерно следующее: словарь, как упоминалось выше, составлен не в алфавитном порядке, а по принципу объяснения значения слов и подчинения их стихосложению, их арабской метрике, которая была выбрана самим автором, например, по метрике **تقارب**

بهر زین، فلیج تیغ و نوختا لجام
اوزنگی رکاب و قراوش کنیز

или по метрике **رمل**

هایوا به، مرضی عدس، یر آکاسی سیب زمین
یرکوکو زردک، قورود کشک، ایستی گرم، آلیک نان

Иногда переводятся не отдельные слова, а отдельные сочетания или даже целые фразы. В этом отношении можно сказать, что автором соблюдена определенная последовательность, т. е. сперва слова, потом сочетания, а затем целые фразы. Например:

ایوده واردی - در خانه بود
واردی یوحدی - بود نه بود

Приведем еще другой пример:

آفلدما قلیغلار نیچوند - گریه ها از بهر چه است
اورک، آچیک سوئییر - از نوی دل شادی کنید

Местами в словаре встречается перевод тюркских слов на арабский язык, а иногда даже на армянский и русский, например:

اونده فيه، و بوندا فی هذا
سندہ فیک سزه انکم مکتالی

Вторая часть книги носит характер толкования. Здесь наряду с переводом слов даны диалектальные особенности тюркского языка и некоторые этнографические сведения. Особенно ценно то, что автор часто сопоставляет народный говор, называемый им *عوام الناس*, с литературным языком.

И, наконец, третья часть книги состоит из 181-й пословицы. По-видимому, они тоже включены в книгу лишь с практической целью — как иллюстративный материал. Пословицы тоже переведены и на фарсидский язык, причем переведены не отдельные слова или сочетания, а полные фразы или предложения, например:

آغاچ په ميش گتورنده باشين اشاغه ديگر
درخت ميوه آورد سررا پلین میدوزد

Ценность работы Али Бакинского заключается не столько в его словаре, грамматике или пословицах, сколько в том, что эта работа является подлинным документом азербайджанского тюркского языка, на основе которого в историческом аспекте можно судить о путях развития грамматики, орфографии, орфоэпии, звуковых переходов азербайджанского тюркского языка, и, наконец, на основе работы Али Бакинского можно сделать некоторые предварительные выводы по вопросу о взаимоотношениях азербайджанского тюркского языка с другими языками тюркских систем. Заслуживает внимания еще и то обстоятельство, что автор все время проводит отграничение литературного языка от народного, отмечает их отражение в письме; это больше всего сказывается в положении и употреблении тех звуков, объяснение которых до настоящего времени является спорным вопросом в тюркской орфографии. Так, например, звуки *q-x-q* и их переход в словах *ajaq, valbq, pa-raq; c-ş* в словах *astaq-aşmaq* или звуки *q-q* в словах *jqorqan-jorqan*. Автор, употребляя обе формы, оговаривается, что та или иная форма является простонародной — *عوام الناس*. В книге затрагивается также вопрос об употреблении носового «п» *ك* и о двух формах начертания. В примерах автора применена та и другая форма, например, в словах *صکرا* — *صورا*; *ذهيز*; *دیکز*; *سنه سکا*, *بنه بکا*, *سکه سکا* и т. д. Довольно рельефно отражено явление метатезиса в словах *topraq-torraq, halva-havla*.

В грамматике Али Бакинского достаточно ярко отражены явления ассимиляции и звуковые переходы, например: *گردنماق، قانق، الاتماق*.

Особый интерес грамматики заключается в достаточном количестве примеров, указывающих на влияние османского и узбекского языков на азербайджанский, например, в следующих словах:

دیشقاری - دیشاری، قاندا - هاردا
قیصته - قیصه، آقچا - پول، تره - یگی

Из говоров, встречающихся в данной рукописи, преимущественное место занимает бакинский, что видно как из лексического материала, так и из фонетического состава отдельных слов, как, например, в словах *pisdy* 'плохо', *syzcyun* 'для вас', *qapvər* 'камень' и т. д.

И, наконец, в словарной части книги большое внимание уделено синонимике тюркского языка, что, несомненно, сделано автором из 6 «Светская тюркология» № 6

практических соображений. В книге нет отражения сингармонизма; этот закон автором не соблюден и весьма часто нарушается. Нередко в книге можно встретить такие слова, как, например, *سنا، گزانونب آفرنجه،* хотя арабский алфавит не всегда рельефно отражал этот закон. В конце грамматики приводятся некоторые иранские (персидские) суффиксы *lah, zar* в словах *کلزار سنکلاخ*, а также союзы *va, tavā*. Определением места и значения суффиксов и союзов на образцах художественного материала показана их полуфункциональность на фарсидском языке.

В заключение следует указать на необходимость издания описываемых нами двух рукописей, имеющих определенную ценность для изучения тюркского языка и для использования их лингвистами.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Печатается по: Тр./АзФАН СССР. Баку, 1936, Т. 31.

(2) *نریمان نریمانوف. ترک آذربایجان دیلینیک مختصر صرف نحو،*
باکو، 1889؛ یوسف طالب زاده تغلیسی. کتاب تسریل القواعد،
باکو، 1902؛ غفور رشاد و م. آخوندوف. رهبر صرف، ایلینجی چاپ،
 1918

Ганиев С. М. Грамматика тюрк. яз. кавказ. азерб. наречия. 1922. Ч. 2;

قومسیرین: صرف نحو، 1924.

³ Проф. *Лшмарин Н. И.* Общий обзор тюркских говоров Нухи. Баку, 1926;
Зифельдт-Симумяги А. Р. Урало-алтаика. Баку, 1927; *он же.* Тюркологические этюды.
 Баку, 1931.

⁴ Сюда не относятся вновь составляемые учебники, авторы которых всячески постарались избежать этих дефектов.

⁵ Тюркское слово, которое вышло из употребления.

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

ТЮРКОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

С первым секретарем правления Союза писателей Казахстана, членом Советского комитета тюркологов Олжасом Омаровичем Сулейменовым беседует член редакционной коллегии журнала «Советская Тюркология», заведующий отделом тюркологии и истории казахского языка института языкознания Академии наук Казахской ССР, доктор филологических наук Ерден Зада-улы Кажибеков.

Е. К.: Олжас Омарович, Вы хорошо известны в кругу тюркологов и востоковедов как у нас в стране, так и за рубежом. Знают Вас как ученого и писателя одновременно. Поэтому скажите, пожалуйста, несколько слов о том, как Вам видятся в свете перестройки перспективы тюркологии как комплекса дисциплин в нашей стране, задачи Советского комитета тюркологов, журнала «Советская тюркология».

В комитете и журнале в последнее время произошли коренные кадровые и организационные изменения. Заново, исходя из требований времени, пересмотрены перспективные планы, изменен персональный состав членов комитета, редакционной коллегии журнала, взят курс на существенное проблемно-тематическое обновление его содержания, прорабатываются вопросы о создании на базе журнала научно-информационного центра, библиотеки, постоянно действующей школы молодого тюрколога, ежегодного сборника по тюркологии—приложения к журналу; недавно по инициативе Советского комитета тюркологов был проведен Первый советско-турецкий коллоквиум по проблемам тюркологии, причем, это мне хотелось бы подчеркнуть особо, достигнута договоренность о ежегодном проведении таких форумов (а ведь совсем недавно тюркологи могли только мечтать об этом!). Может быть, в ближайшие годы казахстанским тюркологам выпадет честь принимать почетных гостей и на своей земле...

Однако неосуществленного гораздо больше, чем сделанного. Мы только в самом начале пути. Упущения застойного периода еще долго будут сказываться в работе...

О. С.: Если в общем по стране застойный период связывается обычно с недавним временем, то в тюркологии застой начался раньше. По-моему, если судить по литературе, у нас стало значительно меньше открытых дискуссий, оживленного заинтересованного разговора о развитии этой науки. Так, например, даже по поводу какого-либо тюркизма в до-революционной печати возникали интереснейшие диспуты, споры, дискуссии Корша и Мелиоранского, скажем, и других. Этими дискуссиями они привлекали внимание к тюркским языкам, развивали и воспи-

тывали уважение к ним России и Европы и, естественно, двигали науку. ...Я не хочу преуменьшить вклад целой плеяды выдающихся ученых последующего времени. Просто обидно, что для большинства тюркология стала выгодной, прибыльной профессией, появились доктора, для которых звания стали важнее призвания, и в XX в. мы можем назвать лишь единицы из множества имен, которые можно было бы поставить рядом, скажем, с Радловым. Их имена всем специалистам хорошо известны. И здесь нет нужды их называть, есть заметные талантливые тюркологи; я знаю, например, нескольких палеографов, мог бы их назвать, но никто из них не дотягивает, к сожалению, до уровня Малова. Его талант, его интерес, энтузиазм, высокая эрудиция и самозабвенная преданность любимому делу будут образцом для многих поколений тюркологов.

И сейчас я наблюдаю — в восьмидесятых годах — некоторое оживление (уже где-то в конце семидесятых начался этот процесс), хотя всеобщего интереса к этой науке еще не воспитано, и все движения тюркологии основаны главным образом на энтузиазме отдельных научных работников. Но если смотреть правде в глаза, пока идет рост количественный, накопление работ в определенных направлениях. Но что-то все-таки, происходит, количество начинает переходить в качество.

Е. К.: Как бы в подтверждение Ваших слов приведу один пример. В Советском комитете тюркологов было решено разработать и внедрить крупные научные программы, призванные в некотором смысле преодолеть в кратчайшие сроки отставание по целым направлениям исторической тюркологии. Почему именно исторической тюркологии? Да потому что основные наши научные недостатки и многие нынешние наши издержки в сферах культурной, идейно-патриотической, национальной, идеологической и прочих напрямую связаны с нашим «историческим невежеством», незнанием нашей истории, ее истоков и связей, системы и движения в целом. Так была разработана долгосрочная целевая программа с участием всех тюркологических учреждений СССР (более тридцати научных центров, включая Москву, Ленинград, Киев, Тбилиси, Алма-Ату, Ашхабад, Баку, Ташкент, Фрунзе, Абакан, Казань, Карачаевск, Кызыл, Махачкалу, Нальчик, Новосибирск, Нукус, Улан-Удэ, Уфу, Чебоксары, Якутск и др.); к работе над программой будут подключены в качестве исполнителей ведущие тюркологи Венгрии, Монголии, Китая, США, Японии, Турции и ряда других стран. И, наконец, самое главное — головной организацией данной научной программы определен Институт языкознания Казахской академии.

О. С.: Но это еще не дело, а (пусть даже очень хорошая) заявка, и будущее покажет, во что все это выльется. Хотя уже то, что сейчас начинается изменяться перспективная программа тюркологии, ученые начинают идти к праязыку — ведь в этом, если я правильно помню, главная цель вашей программы, — и этот праязык углубляется уже до уровня индоевропейского праязыка, — все это уже хорошо, уже здорово. И если эту программу осуществлять, наращивая по пути кадры, воспитывая ученых с развернутым мышлением, кругозором, не ограниченным рамками официально обозначенных пределов, а выходящим далеко за границы известного и установленного, то таким образом мы можем приблизиться к реалистическому пониманию прошлого исследуемых этносов — тюркских, индоевропейских и прочих. Последнее особенно важно учитывать в компаративистических штудиях, ибо в истинной истории людей ни один язык, ни одна языковая группа не могли обходиться и не обходились без контактов, связей с другими народами. Это условие развития. И выяснять, кто первый, кто второй, кто третий, кто раньше по-

явился на свет, пока не надо, в этом нет необходимости. Сейчас можно, вероятно, говорить о том, какие языки более консервативны, какие языки сохраняют благодаря этому консерватизму больше следов древности, больше наследия. И мне кажется, именно здесь тюркология может обрести настоящую историю — и не только для тюркских народов, но и для многих других народов мира. Я считаю, что историю тюркских языков понять невозможно в отрыве от истории языков других семей, и то же самое — нельзя до конца понять историю индоевропейских языков, прошлое их, этапы развития, не зная сопредельные миры. Т. е. м и р о в о з з р е н и е необходимо ученому — видение мира, зрение мира. Наше же мировоззрение иногда сводилось к уделовоззрению, нациовоззрению, к таким ограниченным категориям, региональному воззрению. А все это ученому противопоказано. Особенно историку, особенно лингвисту. И от этого страдала наша наука тюркология. Ведь до недавнего времени считалось, что она пользуется материалами языков, оказавшихся на краю мирового исторического развития, на окраинах, остатками с роскошного стола индоевропейцев. А это не так. Даже мои занятия историей тюркских языков показывают, как далеко, широко и вглубь уходит история тюркских языков и народов.

Мне представляется, что именно сейчас наступает очень благодатное время для тюркологии и вообще для всех наук общественных, мировоззренческих (называют их так). Ну, а если тюркологи правильно используют возможности, открывающиеся сейчас, и если гласность со страниц газет войдет и в научные журналы, научные дискуссии, то многое можно будет сделать.

Е. К.: Наука вообще довольно консервативна сама по себе, ее каноны очень трудно поддаются деформации.

О. С.: Да, она консервативна, потому что правила ее были когда-то четко обозначены; за пределы этих правил выходить нельзя, все, что высовывается за рамки правил, — неправильно. Значит, надо расширять горизонт, а материал, который будет все более и более открываться, он невольно будет разрушать стереотипы. И то, что вчера было неправильно, уже вмещается в наши сегодняшние представления, становится продуктивным. И, учитывая такой опыт, сейчас надо не стесняться себя постулатами «отцов науки», а критически пересматривать факты, смотреть на все без шор на глазах, с высоты сегодняшнего знания, посмотреть и, может быть, некоторое опровергнуть. Особенно постулаты, пришедшие из соседних наук, из соседних школ, из индоевропейистики, например; я вижу, как они действуют в тюркологии — совершенно чужеродные установления, заветы. Тюркология стоит перед выбором — творческая учеба или безвольное ученичество.

Е. К.: Причем вред нанесен тюркологической науке весьма серьезный, потому что вообще многие постулаты тюркского языкознания, например, просто-напросто бездумно заимствованы из русистики. Об этом в свое время (в тридцатых годах) писали некоторые тюркологи. Развитие же тюркологии сейчас, можно сказать, со всей очевидностью все более и более обнаруживает такие упущения наших «первых» грамматистов.

Если говорить в самом общем смысле, то, например, мне кажется иллюстративным такой факт. Существуют три глобальные системы языков: аналитические языки — там своя морфология, своя фонетика, тоническая система, затем, если исходить из хронологии, идут агглютинативные языки и, наконец, флективные. Каждая ступень имеет свои спе-

цифические особенности принципиального строевого типа. Их нельзя ставить рядом. А мы сейчас используем в тюркологии опыт изучения языков иного ряда.

О. С.: Вот здесь, мне кажется, Вы как раз и пользуетесь постулатами «учителей» для опровержения их же доводов. Конечно, если говорить о доминирующих признаках, абстрагируясь от частностей, несомненно, такие классификации имеют смысл. Но иногда детали важнее целого. Я лично не согласен с таким грубым подразделением языков на указанные группы. Оно не выдерживает испытания материалом. Тюркские языки не только агглютинативные, — они и агглютинативные, и флективные, и аналитические; скажем, славянские языки: они что — только флективные, как пишут в нормативных грамматиках и справочниках? Нет, они и аналитические, и флективные, так сказать, и агглютинативные. Все эти элементы присущи практически каждому языку. Поэтому нужны другие классификационные признаки. Вот о чем речь. Я считаю, что главным классификационным признаком, который до сих пор не учитывался даже в качестве просто классификационного, должна быть структура слога: закрытый — открытый слог. Вот он начальный признак, по которому хотя бы приблизительно и условно можно подразделять, разводить языки. Как бы подчиняясь инерции принятых законов, о которых Вы упомянули выше, мы стараемся не замечать в тюркских языках аналитичности и флективности, а в славянских языках — агглютинативности и аналитичности. Поэтому нужно освободиться от ненужных стереотипов, полных догматизма. Пока мы не разрабатываем эту теорию структуры слога, которой поддаются все языки мира (это, убежден, универсальный, всеобщий закон), нам будет трудно понять многие закономерные метаморфозы, происходящие со словом при переходе, например, из одного языка в другой. Слово и з м е н е н и е всегда строго закономерно. Одни языки изначально более предпочитают открытые слоги, а другие закрытосложные структуры. Почему, например, тюркский *ала-чуг* (*ал-ач-ук*, каз. */ы/л-аш-ық*) перестраивается в славянском в *ла-чу-га* (в первом случае все слоги «закрытые», а во втором, наоборот, — все «открытые»)? Почему вдруг восточно-славянские языки не терпят гласного в начале слога? Почему древнетюркское *ор-ун-дук* превращается в славянских в *рун-дук*? И т. д. и т. п. Можно привести множество примеров, доказывающих разную инерцию первоначального слога: у славян первичный слог был все же «открытым». Учитывая эту особенность, мы можем реконструировать, восстановить очень много «скрытых», невидимых тюркизмов в русском, в славянских языках и, наоборот, славянизмов в тюркских. Я занимаюсь этим на протяжении многих лет. И мы получаем совсем неожиданную картину взаимосвязей народов друг с другом, — ведь для того, чтобы перезаимствовать слово у другого этноса, необходимы были не простые контакты, а целые эпохи дву- и многоязычия, языковой состыковки, интерференции, взаимопроникновения. А турки и славяне, как известно, были соседями на протяжении тысячелетий, — были эпохи схождения, расхождения, веками жили вместе, потом на века расставались, очень многое приобретали друг у друга — и механически и сознательно. Сливались и смешивались отчасти друг с другом. Но языки были самостоятельными! И каждый язык характерно изменял новое чужеродное слово, как бы приспособлявая его к законам своего языка. Значит, инерция слога, закона создания слова — очень прочная категория — и материальная и духовная. И, используя ее, можно заново прочитывать ранее неизвестные страницы древнейшей истории.

Для тюркологии особенно важны такие исследования — на уровне атомном, на уровне слога. Если раньше работы велись на уровне моле-

кулярном — производного слова или еще более «зримом» — синтаксисе, и прочем, то сейчас все больше внимания привлекается к проблемам выделения всех этих срезов уже на уровне самой минимальной языковой единицы — слога. Я думаю, что проблема структуры слога могла бы быть хорошей темой какой-нибудь отдельной конференции лингвистов — необязательно только тюркологов; к разговору можно было бы пригласить и иранистов, и славистов, и монголистов, и семитологов и на основе строгих научных методов поговорить по существу дела. Я уверен, что приоритет здесь был у тюркологов. Сейчас наступила хорошая пора. И сегодня мы уже можем, основываясь на строгих фактах, показать древность тюркских языков и соответственно — истории тюркских народов, их культуры и пр. Не заниматься удревнением, нет, а показывать вещи такими, какие они есть на самом деле.

Е. К.: Олжас Омарович, в прошлом году Вы приняли участие в работе международного конгресса в Америке. Как говорят участники данного форума, речь Ваша была тюркологической. И в связи с этим хотелось бы также услышать Ваше мнение о древнетюркских памятниках, пласте ранне- и позднесредневековых памятников, о рунической вообще. Сейчас ученые постепенно приходят к выводу о том (особенно в процессе изучения фонологии), что до такого глубокого уровня понимания строя и специфики тюркских языков, какое выражено в системах древнетюркского письма создателями рунического алфавита, мы, современные тюркологи, еще не поднялись. Мы только-только начинаем понимать и осознавать все более и более ясно, что предки наши были гораздо умнее нас, по крайней мере, в области собственно лингвистики — языкознания, алфавитоведения, письменности... У нас до сих пор нет фонологии. Есть грамотные и компетентные фонетисты — специалисты по «мертвому», расчлененному на части и участки материалу, но нет фонологов — исследователей «живой» субстанции, собственно языковой материи в процессе ее функционирования в жизни.

О. С.: В Мэдисоне на конгрессе я говорил о судьбе древнетюркских рунических памятников. Взял только один аспект — судьбу известных нам памятников, находящихся в Монголии. Бывая в Монголии, я видел, как бесценный памятник Кюль-Тегину, этот трехметровый обелиск, стоящий в голой степи, расписанный великолепными знаками — большой хорошо известной специалистам-тюркологам надписью, по сути дела, превращен в мишень на стрельбище.

Но ведь это бесценное наследие прошлых веков, причем наследие не только тюркское, — это мировое наследие. Каждая древность уже принадлежит человечеству. Мы к этому должны привыкнуть. Обелиск весит несколько тонн — так он дороже тонн чистого золота. И с каждым годом цена памятников будет расти. Они уже сейчас бесценны, но не все это, к сожалению, по-настоящему понимают. Я стоял и читал строки Тоньюкука и Кюль-Тегина — шедевров восьмого века, абсолютно понятные мне:

Түн ұдұмадым,
Күндүз олұрмадым...
Қызыл қанымды йүгүрттүм,
Қара терімді төктім...
Түрк бұдұны үчүн!..

Какое сознание, какое общенародное сознание, не какое-то удельное, не родовое, не племенное, а уже почти национальное сознание, государственное. Я читал вслух, и у меня слезы текли по щекам, а рядом мои товарищи монголы, которые меня сопровождали, прониклись, как мне

показалось, ощущением чрезвычайной важности вот этой исписанной непонятными им знаками вещи. Я пошел тогда к министру культуры Монгольской Народной Республики, обрисовал ему ситуацию, предложил сделать копии — точные копии: один к одному — из такого же камня, а вы, мол, только спрячьте все оригиналы в запасники музеев, а я выбью деньги — Казахстан республика не из бедных, — есть Академия наук, есть обшество охраны памятников. Пусть стреляют по копиям. А подлинники необходимо сохранить до будущих времен, когда придут понимающие ученые, и тогда вы сможете распорядиться подлинниками более выгодно и для своей страны, и для науки. Пока же Турция занимается в основном политикой, там идет борьба за власть между различными группировками, им не до науки, вероятно. Но, к сожалению, мое предложение в Монголии не получило поддержки, сколько я ни пытался потом еще и еще раз выйти на инстанции... Все оставалось без ответа. И именно поэтому на конгрессе я решил, что мне нужно говорить здесь не о мелочи — суффиксах и флексиях, а о таких конкретных вещах. А о суффиксах и флексиях пусть другие товарищи — более сведущие — поговорят. И тогда на конгрессе было решено направить письмо от имени участников в ЮНЕСКО — обращение ко всем не только ученым мира, но и политическим деятелям ряда стран — с требованием и призывом взять под защиту древнетюркские письменные памятники.

Е. К.: Олжас Омарович, буквально через два месяца после этого (обратите внимание, всего через два месяца — разве мы могли раньше думать о такой оперативности!) я узнал о том, что Ваше предложение на конгрессе в Мэдисоне уже получило свое реальное воплощение. В начале июля 1988 г. мне посчастливилось принять участие в работе Первого советско-турецкого коллоквиума по тюркологии в городе Баку. От Советского Союза и от Турции было по восемь человек. Кстати, Советский комитет тюркологов пригласил на данный форум и Вас, но в связи с тем, что по времени данное мероприятие совпало с проведением в Москве XIX партийной конференции, делегатом которой Вы были, Вы не смогли принять в нем участие. Так вот, в Баку мне наши турецкие коллеги рассказали, что от имени ЮНЕСКО в Монголию была снаряжена делегация ученых-тюркологов из разных стран мира, она хорошо поработала в МНР, осмотрела памятники, приняла меры по их охране, еще раз заявив об их непреходящей ценности руководству страны и т. д. А такие известные тюркологи, как профессор Стамбульского университета Осман Фикри Серткайя, профессор Фиратского университета, директор Высшей школы социальных наук Тунжер Гуленсой и профессор Анкарского университета Ахмет Эржиласун, приехали в Баку прямо из Монголии. Они все передавали Вам свои благопожелания и благодарили за это выступление в Мэдисоне. Так что, как видите, в данном случае уже можно говорить о конкретных результатах этих предложений [1].

О. С.: Я очень рад, спасибо, Ерден. Памятники древнетюркской письменности страдают не только в Монголии, но и в Советском Союзе. Енисейские, таласские памятники... Где они, как они содержатся? Информации нет. На наших глазах был уничтожен илийский памятник. У нас в Академии наук не было тогда, в семидесятых годах, компетентных специалистов, могущих прочесть и изучить должным образом эту каменную плиту с надписью, и потому мы поверили газетной публикации о том, что это подделка. Плита валялась во дворе застраиваемой академии до тех пор, пока строители не раскололи ее на части и не употребили для своих целей.

Выступая на пленуме Союза писателей, я сказал: «Товарищи, произошло удручающее событие. Погиб самый крупный памятник, какой

только находили на территории Казахстана и Средней Азии, памятник древнетюркского рунического письма. До этого мы обходились небольшими кирпичиками, валунчиками, булыжниками, палочками с вырезанными рунами, а здесь был текст, большущий текст, скрижаль была. И вся академия, возможно, не стоит того камня, который лег в фундамент одного из ее зданий». Вот такое ученое невежество творило у нас преступления против науки, и сейчас оно живо. Так что необходима защита, целенаправленная охрана пока еще неуничтоженных памятников древнетюркского рунического письма. Иначе нам грозит то, что они могут остаться лишь на бумаге. Поэтому я поднимал вопрос и о создании музея древнетюркской рунической письменности. Ну, хотя бы в Алма-Ате. У нас построили недавно новый прекрасный музей. И я надеюсь, что один из его залов будет отдан под рунику. Я сейчас занимаюсь этим вопросом.

Е. К.: Обидно, действительно, что многие памятники у нас в стране находят, как правило, случайно. Или в результате строительства вдруг обнаруживают, или дети находят. Это, по-моему, свидетельствует о том, что у нас отсутствует сам культурный уровень отношения к ним, нет достаточной системы их поиска.

О. С.: Нет научного, целенаправленного поиска. Но, если удастся создать музей, он сможет стать центром охраны, изучения и поиска памятников этого письма — уникального письма, значение которого для остальных систем мировых письменностей еще не понято. Именно древнетюркская руника, ввиду чрезвычайной консервативности тюркской культуры сохраняет в себе следы встреч с разными системами письма древнего мира — начиная с шумерского, финикийского, этрусского. Все культуры, с которыми встречались в древности тюрки, отложились в знаках, изображениях и значениях букв древнетюркского алфавита, изучать которые мы только-только начинаем. Я об этом писал в 1980 г. в статье «Грамматика алфавита» в «Известиях Академии наук Казахской ССР». Это же с еще большей убедительностью подтверждают результаты последующих изысканий в области тюркологии. Древнетюркская руника имеет гораздо более древнюю историю, чем та, которую ей приписывают современные палеографы, — они считают ее началом пятый век нашей эры. Но уже сейчас можно говорить о многих тысячелетиях. И это вполне доказуемо. Я считаю, что известный нам тип — не единственный вид древнетюркского письма. Ведь, как известно, орхоненисейская руника — это уже унифицированное письмо, почти наддиалектное, его можно условно назвать огузским письмом. А были еще и кыпчакские типы письма. Как бы то ни было, в древнетюркском письме четко прослеживаются следы многих племенных диалектов. Все говорит о том, что существовали разновидности тюркского письма — и вширь и вглубь. Вот к пониманию чего мы уже подходим. И рассматривать это письмо изолированно от европейских, переднеазиатских систем, от китайской и индийской письменности уже нельзя. Мы сейчас сравниваем рунику только с некоторыми синхронными системами (иранскими), но это только первые шаги. А один шаг не делает пути. Есть очень много возможностей для расширения диапазона сравнения. Даже древнееврейский алфавит четвертого века нашей эры — и тот отложился в нашем письме. По крайней мере, так это мне — неспециалисту — видится...

Е. К.: К этим же выводам приходят сейчас ученые и на основе сугубо лингвистических, грамматических, фонетико-фонологических, лексикологических исследований. Вот, например, есть серия статей Э. Р. Тенишева о наддиалектном типе языка древнетюркских рунических памятников. Причем стандартность языковых конструкций точно сигна-

лизирует нам о том, что процесс достижения такой отшлифованности, нормированности длился не одно тысячелетие. К сходным результатам приводят также выводы компаративистической, семасиологической, этимологической реконструкции языкового материала. Но это уже чисто специализированный разговор.

Горько сознавать, но это факт, что сейчас, если взять хотя бы сами наши тюркоязычные регионы — союзные республики, автономные республики, области и т. д., — резко ошутимо как бы общее недопонимание значения древнетюркской руники, вообще древнетюркского периода в истории.

О. С.: Это недопонимание значения не только руники, а всего комплекса тюркского: недопонимание значения тюркских языков, тюркских культур вообще, и в том числе руники, естественно. Все это считается заемным, зависимым от чего-то, второстепенным, и тюркские культуры, языки тоже второстепенны и эклектичны. Но ведь все языки и все культуры эклектичны по сути. Безусловно, они — результат взаимодействия с другими. Это — да. Но видеть в этом нужно не раскладку на зависимое и независимое, второстепенное и первостепенное; больше внимания следует уделять контактам, связям, путям взаимодействий, взаимообогащений.

Е. К.: Здесь на первый план выдвигается проблема методики научного исследования. После Вашей книги «АЗИЯ», как известно, появилось очень много работ по шумеро-тюркским связям. Но, к сожалению, не все они выдерживают серьезную критику. Часто просто сравнивают живые слова какого-нибудь конкретного тюркского языка с языком шумеров или этрусков. Хотя, конечно, есть и сугубо научные исследования. Из них мне хотелось бы особо выделить работу моего азербайджанского коллеги Айдына Мамедова, — он уже сравнивает с шумерскими словами тюркские (синхронные шумерскому времени) праформы.

О. С.: Айдын уже многое сделал, хотя его работы и тормозят. Конечно, праформы выводить нужно. Но здесь всегда важно чувствовать грань, пределы реконструкции, обязательно учитывать специфику исследуемых языков. Что я хочу сказать? Прежде всего, вот что. Я вначале верил общепринятому в лингвистике, особенно в индоевропеистике, тезису о том, что слово смертно, что оно со временем изменяется. Однако результаты моих изысканий привели меня к тому, что в жизни языка все гораздо сложнее и запутанней. В одном и том же предложении, оказывается, вполне могут сосуществовать и стоять рядом и слово-предок и слово-внук, не замечая между собой разницы во времени, т. е. в современном языке могут быть слова, которые пришли к нам в таком неизменном виде из древности. И в этом смысле их можно сопоставлять со словами шумерского, скажем, времени. Что такое праформа? К сожалению, во многих этимологических штудиях это зачастую просто-напросто арифметическое среднее — не более и не менее. Приведу такой простой пример. Возьмем антропологический тип тюрков. Например, азербайджанцы, турки, балкарцы — они антропологически ближе к европейцам, ибо располагаются рядом с соответствующими странами и народами, чуваша вобрали в свой облик ряд финно-угорских черт, киргизы и мы — также вследствие общения со своими соседями — обрели по преимуществу (я здесь специально утрирую этот сложный вопрос) монголоидный тип. Так вот, можно ли исходя из современных расовых типов тюрков вывести их праформный вариант как нечто среднеарифметическое? Например, по показаниям арабских географов десятого века, огузы были чистыми монголоидами, а сейчас они европеоиды. Ну и что из этого? В одни определенные периоды истории тюрки были мон-

голоидами, в другие — европеоидами и т. д. Я всегда вздрагиваю, когда слышу слово «праформа». И в то же время понимаю, что в науке без схематических построений не обойтись. Здесь просто важно не перебарщивать, соблюдать пропорции, соблюдать чувство меры...

Е. К.: Несколько слов о Вашей книге «АЗиЯ». С момента ее выхода о ней очень много и очень противоречиво говорят. Например, всемирно известный ученый-иранист, скифолог В. И. Абаев считает ее одной из лучших работ по «Слову о полку Игореве». Другие думают иначе. Мне здесь хотелось бы сказать вот что. Среди специалистов-тюркологов отношение к данной книге, я бы сказал, гораздо более однозначное — положительное. И это неслучайно. Именно благодаря этой книге — а со времени ее выхода в свет прошло более десяти лет — в науку тюркологию пришло целое поколение молодых ученых-энтузиастов. Многие уже определились, остепенились, получили соответствующие знания и звания. Но — не изменили своего отношения к любимой книге. И это понятно. Ведь книга эта (а как странно — в противоположном смысле! — толкуют ее оппоненты) о любви, дружбе и взаимопонимании, о родстве культурном между тюркскими и славянскими народами, пафос ее в том, что история наша — это история уважения и взаимопонимания, и было бы просто преступным представлять ее так, как это принято, — в виде истории войн и обид. Все было в ней. Но больше было добра.

К одному из Ваших последователей в науке я позволю причислить и себя. Если бы не эта книга, то, наверное, я бы никогда не пришел в науку — интересный мир под названием тюркология.

О. С.: Насчет своей книги «АЗиЯ» мне хочется сказать следующее. Она была написана как заявка, как постановка вопроса. Я, как геолог-разведчик, хотел найти месторождение, а не разрабатывать его. А для разработки месторождения другие профессии требуются. Это уже приходят добытчики, буровики, шахтеры, металлурги. Поэты здесь могут быть только разведчиками. И несколько со стороны оно вроде бы и виднее. Я так и думал, надеялся и полагал, что за некоторые мои идеи ухватятся и они покажутся и современными и продуктивными, их разрабатывают, и мы действительно разработаем какое-нибудь месторождение — шумерское, этрусское, найдем маршруты, пункты, где останавливались и творили древние тюрки. Значит, в этом направлении надо поработать. Вся шумерская, переднеазиатская цивилизация считается голлой пустыней, а геологи в пустыне находят следы морской фауны и флоры, мертвые останки того, что и поныне живет в современных морях.

Е. К.: Якуты, как известно, переселились на свою нынешнюю территорию тогда, когда там был более или менее благоприятный климат, а там, откуда они откочевали, наоборот, произошло опустынивание и т. д.

О. С.: Конечно, вот в якутском, допустим, языке, там и верблюды гуляют и ковыльные ветры шумят... А если хорошо поискать, там и динозавра можно найти. Ну, а если серьезно, язык — это летопись народа.

Е. К.: Сейчас все больше и больше начинают говорить о так называемых «белых пятнах». Это очень хорошо. Только немного обидно, что часто мы начинаем что-нибудь полезное лишь тогда, когда нам разрешают это делать сверху, когда спускают к нам эдакую разрешающую или позволяющую делать установку... И иногда этим благородным делом начинают активно заниматься те, кто в свое время не менее активно не позволял этим заниматься никому, за неимением соответствующего на то разрешения свыше...

Сейчас реабилитируют многих видных деятелей прошлого, незаслуженно репрессированных в тридцатых годах. Ну, а если говорить о тюркских народах, то мне кажется, здесь на повестке дня стоит целый комплекс

еще более сложных вопросов — реабилитация целых поколений, целых эпох, культур, крупных памятников культуры и т. п. Возьмем, например, известный эпос «Книга моего деда Коркуда» или «Коркут ата». Как известно, один из прямых потомков огузов и данного огузского эпоса в некотором отношении — это туркмены. Однако на протяжении десятилетий в Туркмении эпос о Коркуде, предке туркмен, был запрещен как источник вредной феодально-националистической идеологии и пр. И для того, чтобы, наконец, снять все запреты, потребовалось вмешательство Москвы. В прошлом году, осенью, Советский комитет тюркологов вынужден был обратиться в Центральный Комитет Коммунистической партии республики с пространством письмом о том, что далее это положение нетерпимо, нужно срочно пересмотреть существующие запреты и снять их, ибо дальнейшее невнимание к памятнику — величайшему творению человеческого гения — со стороны туркменских ученых и общественности равносильно преступлению. «Коркут ата» активно изучается во многих странах, включая наши республику и центр. И вот только после этого ЦК Туркмении в двухмесячный срок обсудил и изучил этот вопрос и снял все ограничения и препоны. Теперь в республике принимаются все меры по интенсификации изучения эпоса...

Возьмем нашу республику. Ведь и у нас до сих пор действует негласный запрет на изучение народного эпоса «Едыге батыр» и ряда других эпических произведений. Кажется, согласно сталинскому постановлению 1945 г. Мол, изучение и пропаганда данного эпоса будут препятствовать сближению русского и казахского народов, он вреден идеологически и т. п. Кстати, московские коллеги, да и в ряде республик и за рубежом, данное произведение изучают довольно широко.

Возьмем Киргизию. Все участники недавней тюркологической конференции стали свидетелями того, как московские ученые дали бой местным товарищам, недостаточно внимательно относящимся к своему наследию, если мягко выражаться, а точнее, — за халатно-преступное отношение к общетюркскому достоянию. Киргизы — богатый народ. Они имеют прекрасный «Манас». Памятники киргизской письменности непрерывно следуют чуть ли не от периода руники до настоящего времени. Имеются сотни памятников древнекиргизской письменности XV, XVI, XVII, XVIII, XIX вв., которые... пылятся в архивах Киргизской академии. До недавнего времени киргизские ученые упорно отказывались от них, аргументируя свой отказ следующим: у нас есть специальное постановление правительства по этому поводу, где черным по белому написано, что киргизский язык следует начинать изучать с момента выхода областной газеты «Еркин тоо», т. е. с 1926 г.

И что самое тяжелое — эти годы, эти десятилетия молчания не прошли для наших народов бесследно. Мы многое потеряли и многое теряем...

Например, по сохранившимся отзывам и отдельным ссылкам московских ученых о наследии Байтурсунова мы знаем, что он автор многих уникальных открытий в тюркологии. А работы его находились — вот уже более полувека — за семью печатями. Это ненормальное, неправильное положение. Всем известно, что Байтурсунов и Торекулов были учениками академика Самойловича. Но что совсем недавно могли о них сказать как о тюркологах наши казахские языковеды?.. Ровным счетом ни слова. Даже если им и было что сказать.

Репрессии тридцатых годов были особенно губительными для казахского народа, казахской интеллигенции. Маленький пример. Все хо-

рошо знают и чтят аксакала современной тюркологии — московского ученого Баскакова, написавшего в свое время в числе многих других, серию работ по каракалпакскому языкознанию. Ему сейчас восемьдесят шестой год, он в хорошей рабочей форме, которой могли бы позавидовать многие наши молодые ученые, у него есть правнуки. Как-то я задал ему вопрос: «Почему, Николай Александрович, Вы не занялись казахским языком, а пошли в каракалпакский?». На это он мне ответил: «Дорогой Ерден, я бы с удовольствием занялся также казахским языком, но ведь тогда в этом не было необходимости. В то время, когда я начал, у вас в республике была уже своя сложившаяся школа, представленная мощными тюркологами, и я единственное, что мог тогда, — так это брать у них консультации. Кто знал тогда, что пройдет не так много времени, и все поменяется, и бывший ученик вдруг станет единственным учителем»...

О. С.: К сожалению, у нас еще действует этот пресловутый вульгарно-социологический подход, действие которого и я успел испытать. Он был применен и к «АЗиЯ» и к другим вещам, а уж в старину нашу, в тридцатых годах он, конечно, работал на полную мощь. В чем привлекательность этого метода, этого подхода? Он доступен любому невежде, который может сказать: «Но здесь ничего про Советскую власть не написано, а о роли рабочего класса ни слова, о значении ведущего отряда нашей федерации ничего нет. Нет, товарищи, это антисоветская вещь. Это значит — националистическая» и т. п. Вот Вы говорили о «Коркуде» в Туркмении. Совсем недавно, как Вы знаете наверняка, аналогичная ситуация вдруг неожиданно возникла с «Манасом» в Киргизии. С большими издержками разобрались при помощи Чингиза Айтматова... Это все равно, что черные полковники, скажем, вдруг запретят «Илиаду», объявив, что там ничего про черных полковников не сказано... Вот примерно такой банально простой, возмутительный и негодный метод — мы все уже устали им возмущаться — все еще продолжает действовать, но в самое последнее время он уже дает слабину.

Е. К.: Надежный, но недолговечный принцип.

О. С.: Да. Вот, скажем, почему запрещен «Едыге батыр»? Да потому, что согласно летописям ходил вроде бы на Москву в свое время Едыге батыр, Едыгей русских летописей... Хотя в эпосе о Руси, о Москве ни слова. Но даже если бы было! Вероятно, такие, как Едыге батыр, хан Тохтамыш и прочие, в средние века не знали, что в будущем Москва станет столицей Союза Советских Социалистических Республик, не догадывались. И поэтому они действовали в своих конкретно-исторических обстоятельствах и условиях. Но мы-то люди, умудренные опытом веков, должны уже сверху на все эти дела смотреть. И не переживать горько по каждому такому поводу, случившемуся в далеком прошлом. Выработать другое отношение к истории, интеллигентное, демократичное, т. е. научное. И спокойно говорить об этом детям и прививать им со школьной скамьи вот такое отношение к истории.

Е. К.: Соккрытие правды часто дает обратный эффект.

О. С.: Мне говорят порой: наши предки только и делали, что воевали друг с другом, надо скрывать эти факты для того, чтобы крепить нашу сегодняшнюю дружбу. Но я не соглашаюсь, нет, надо рассказать о том, что и воевали, и жили мирно, дружно, торговали, вместе ремеслами занимались, вместе даже изобретали эти ремесла и вместе выступали против общих врагов, на завтра снова расходились, воевали друг с другом и снова сходились, женились, мирились, целовались, убивали друг

друга. Настоящая история—это ведь жизнь. И нельзя ее выхолощивать. И нельзя оставлять в ней только одно: или что всегда воевали или, наоборот, вообще даже не встречались никогда, а вот встретились только в XX в. под знаменами, так сказать, революции. Этим самым мы ограничиваем свое сознание. А говоря о новом — сегодняшнем мышлении, эти чиновники, которые и сейчас все еще держат в руках вульгарно-социологический метод, часто заговаривают его истинную суть, не подразумевая даже, что основой нового мышления является историзм. И пока мы не воспитаем в себе истинную историю, не узнаем ее во всех ее проявлениях, всегранную, а будем показывать ее только плоскую, как фанеру, с намалеванными на ней героями, мы не подойдем к новому мышлению даже близко. Вот почему я считаю, что все сейчас идет правильно, и правильно, что мы об этом говорим, мы должны постоянно друг другу напоминать, что история есть кровеносный сосуд и вынимать из нее какие-то участки — это значит пресекать ток живой крови, идущей от сердца знающего к мозгу народа.

Е. К.: Создавать тромбы.

О. С.: Да просто перерезать вены! Вот выбрали у нас кусок — все тридцатые годы. Они были выкинуты из литературы, науки и сознания общества.

Е. К.: И сейчас создалась «уникальная» ситуация, я бы сказал, даже небывалая ситуация: ведь по всей стране в вузах и прочих учреждениях оказалось вообще невозможным сдавать историю КПСС по старым учебникам, по учебникам прошлогодним, а новых еще нет. Вот как много мы поняли за один всего лишь год!

О. С.: Возьмем историю казахской лингвистики. Она была пресечена в нескольких местах. Такие имена, как Байтурсунов, Торекулов, Жубанов и многие другие, а их было действительно много, были изъяты и забыты. Жубанова мы отчасти вернули. Других уже возвращаем, начинаем вроде бы возвращать. А Торекулов, оказывается, вообще (это уже сейчас вдруг выясняется) не был осужден официально. А если брать литературу, то и здесь не меньше имен, — это не только известные Магжан Жумабаев, Жусупбек Аймаутов, Шакарим, но и многие другие. И как мог существовать организм культуры, когда все его жилы были порезаны, перерезаны?.. Потому-то все это время мы жили, обходясь тем малым, что нам оставили.

Е. К.: Действительно, ведь нетрудно заметить, что сейчас у нас в стране как-то очень нездорово что ли обострились межнациональные вопросы, появилось чувство отчуждения, неприязни друг к другу или неприятия, усилились тревожные тенденции, которые, с другой стороны, я в этом уверен, являются наверняка и первым симптомом их устранения, ослабления, оздоровления климата. Но все же нельзя не ощутить напряженность момента, какой-то временный (будем надеяться!) вакуум в отношениях... Я не думаю, что все это вне связи со всем тем, о чем мы говорим.

О. С.: Да, это неизбежно сказывается — опосредованно или прямо. Безусловно, когда нарушается естественный ход развития организма, обмен веществ нарушается. Также нарушается обмен веществ между культурами. И тогда начинают возобладать чиновничьи моменты. Интернационализм ведь должен жиждигься на полном, объемном знании. А знание порождает взаимоуважение. Интернационализм это и есть прежде всего взаимоуважение людей и народов.

В этих условиях кто-то может искусственно удревить свою историю, чтобы вызвать всеобщее уважение к своему народу, точнее, требуя к себе всеобщего уважения: «мы самые древние», «мы самые мудрые»

и прочее; говорю о тех редких этносах, кто сохранил в целостности свои вены, т. е. века и ток крови исторической, а те, кому не давались такие возможности, постоянно пребывали в состоянии инвалидном... И, конечно же, при таком положении вещей просто неизбежны перекосы в сознании народов. И они сейчас сказываются. Уважаю армян. Они к своей истории, к своему прошлому, к своей культуре как к святыне относятся. И благодаря этому стоят на земле. Каждый кусочек, клочочек культуры они бережно сохраняют, накапливают наследие, — ведь нигде нет Матенадарана... И эта традиция заслуживает подражания. Но некоторые стремились несколько обособить проблемы народа, свою историю; например, есть школьные учебники «История Грузинской ССР», «История Азербайджанской ССР», «История Киргизской ССР» и т. д., а у них — «История армянского народа». И в любом событии нашей общей истории они часто выбирали только то, что выгодно показывает участие, роль и значение армян. Так тоже, оказывается, можно воспитывать сознание. В истории Великой Отечественной войны, например, они выделяют операции, где участвовали Баграмян, Бабаджанян, в истории Краснодарца они особенно подчеркнуто подают роль известного молодого гвардейца-армянина. Так тоже можно воспитывать. Мы через это тоже прошли. Но мы считаем, что этот подход неверный. Он ведет к изоляционизму, к ограниченному националистическому сознанию, в итоге он воспитывает в народе высокомерие, самомнение, комплекс превосходства.

Е. К.: И ведет в тупик. Убедительное свидетельство этому — то, что сейчас происходит в Армении и НКАО.

О. С.: Безусловно. Это давно было подготовлено писателями и учеными. Вот когда заблуждение ученых и деятелей культуры становится обязательским сознанием, обретает массовость.

Е. К.: И народ сейчас не может понять, в чем дело. Он обманут.

О. С. Если тебе с детства втолковывают, что вы самые древние, самые мудрые, самые ученые, а вас всегда обижали вот эти варвары, которые не имели ни ученых своих, ни писателей своих, не имели крепостей, храмов и т. п., литературе легко подвести к этому. И только всеобщее знание, развитие историзма в сознании будет действенным препятствием разведению «знания» по национальным квартирам. И каждый тогда будет твердо знать, что в его истории были не только дикость и невежество, дырявые юрты и закопченные казаны, чума и холера, но были и гении, великие ученые и поэты, певцы, воители, дворцы и храмы. И это будет, наконец, характерная, очень сложная мозаичная картина реальной жизни. Пока же нам позволялось говорить лишь о том, что мы были в нищете, в забвении, на грани истребления, в косности прозябали, — но для чего же? — да для того, чтобы показать, как хорошо мы сейчас живем. И этот подход себя не оправдал. На этом базисе интернационализма не построишь. А только чувство благодарности можно воспитать. Это замечательное, хорошее чувство должно быть в комплексе всех чувствований человека. И только тогда оно по-настоящему ценно. Вот в нас воспитывали чувство благодарности за наше счастливое детство в XX в., за тот кусок хлеба, который мы имеем, за крышу над головой, а в то же время в других воспитывалось чувство обиды — как же так, мы все даем, а сами прозябаем. В третьих воспитывалось то же чувство злобы, ненависти и обиды — как же так, мы самые опытные и добрые, мы самые богом любимые, а нас всегда преследовали, не давали нормально жить...

Е. К.: А история ведь довольно пространная, и в ней можно найти благодатный материал практически для любой концепции.

О. С.: Для любой, да, если ее повернуть так, как дышло, куда по-

вернул — туда и вышло... Нет, надо историю видеть такой, какой она была. И не стесняться, и не возгордиться, а реально посмотреть на нее. Иногда иронически — на собственную историю. А мы воспитываем только романтический взгляд в некоторых историях и культурах, — мы все рыцари, благородные, сокрушали только врагов. А рядом в других историях мы оставляем место только для гнета, угнетения бесконечного, несчастья и прочего, одно завшивевшее, изголодавшееся, опустившееся совершенно, не поднимавшееся с четверенек наше прошлое... Оно и воспитывает в нас комплекс национальной неполноценности. И на этом базисе тоже ведь нельзя построить интернационализм. Поэтому роль науки сейчас особенно важна, она значительно возросла.

Сознание — это значит совокупленные знания, множество знаний разных, учет их всех без исключения. Будем надеяться, что и общественным, мировоззренческим знаниям, наконец-то, дадут исторические карты в руки, а не только оборонным отраслям — физике, математике, как было ранее ... когда историкам отдавали то, что осталось от военного завода. Да и то с четкой установкой — наращивать патриотизм. Какой патриотизм? Только патриотизм ведущего народа: не в каждом народе развивался патриотизм... Посему позволялось, допустим, в истории русской иметь царей, князей, воевод, а в других историях, вот, скажем, в нашей, ни одного хана не позволялось иметь. Хан Аблай... нельзя о нем писать, почему? Да потому, что он хан. О Петре I можно писать, почему? Потому, что он царь. Также можно писать об Иване Грозном, поэтому они не могли себя ни защитить, ни выступить против внешних врагов, и единственно, что они могли, так это только и ждать спасения со стороны своего более могущественного старшего брата. Вот по этому примитивному образцу — я, конечно, огрубляю здесь, но в целом эта картина реалистична, — по этому сюжету и строились все наши национальные истории. Поэтому, естественно, Едыге батыра и упоминать было нельзя. И правильно. Как же он это мог — нарушить концепцию и завоевать Москву. Нехорошо это, это неправильно, не положено. И неважно, что в самом казахском народном эпосе «Едыге батыр», который был запрещен, во всех его списках и вариантах нет ни одного слова, ни одного упоминания о Москве. Поэтому конкистадора Ермака нельзя было критиковать — он завоевал Сибирь для России. А я спрашиваю: дорогие друзья мои, товарищи, тогда же почему другим казачьим атаманам, которые воевали против царя, — Пугачеву, Стеньке Разину, Болотникову — памятники не поставлены? А только лишь Ермаку, который выполнял царскую волю? Значит, продолжается в политике нашей современной вот эта иловойщина? А с этим тоже нельзя соглашаться. Надо открыто сказать: да, безусловно, могущество России было укреплено Сибирью, и правда, что Ермак пошел войной на эти земли в интересах Российской империи, но правильно и то, что Кучум выступал против него. И если мы будем придерживаться тех конкретно-исторических условий и если мы поем Ермака, то мы и Кучума не должны уж так совсем запинывать. Он же вел справедливую войну, если верить новой концепции. А Ермак в тех условиях вел несправедливую войну. Что Ермолов, например, вел захватническую войну. Правильно ли он поступал? Да, объективно в общем, если предвидеть и революцию и будущий Советский Союз... А в тех конкретно-исторических условиях он вел войну несправедливую и захватническую, колонизаторскую. И к нему надо относиться только так. Учитывая те конкретные обстоятельства. И то же самое Скобелев — царский генерал. Когда он освобождал Болгарию, он вел справедливую войну. Но когда он захватывал Ман-

гышлак и Среднюю Азию, он вел несправедливую войну. Давайте и об этом скажем прямо. Вот только так можно воспитывать историзм мышления.

Е. К.: И истинный патриотизм у обеих сторон. Все другие подходы, жизнь это показала, ведут в тупик.

О. С.: Безусловно. Что такое патриотизм? Это — любовь к Родине, к земле. А эта земля, где я родился, — это часть всей родины, неотрывная часть. И, когда мы говорим: вот этот удел — моя родина, а этот — нет, мы продолжаем воспитывать тот же этноцентризм, который исходит своими корнями к пещерному времени. Тогда мир делился на «мы» и «не мы». Все, кто «не мы», — немые, дикоговорящие. Так что же мы и сейчас будем делить всех людей на «мы» и «не мы»? Нет уж, давайте включать в эту игру всех людей. А в этом «мы» есть «я». Это — личность. И прошу относиться ко мне только так, как я того заслужил: достоин — хорошим словом, недостоин — плохим. И народ тогда — не толпа, не стадо, не масса какая-то, а коллектив личностей, не какой-то конгломерат, случайно спаянный политическими обстоятельствами. То же самое — сообщество народов. Вот если мы пойдем в этом направлении, этот путь оправдан, он продуктивен. А если мы выберем другой путь, когда в сплав, в бронзу, я хочу именно такой образ здесь употребить, слово кричит: я самостоятельно! и медь ему вторит: нет, я самостоятельна! — так дело не пойдет! Наши культуры — все бронзовые, языки — все бронзовые, они — сплавы с преобладанием материнского, изначального начала, но и усиленные и обогащенные всеми другими многочисленными предками.

Е. К.: Да, проблем здесь накопилось очень и очень много. Сейчас все больше и чаще стали говорить об экологии вообще, экологии природной, культурной. Помимо того, что идет вроде бы естественная ломка — вторжение науки и техники, урбанизация, рост цивилизованности и прочее, — мы ведь являемся свидетелями и многих довольно-таки негригладных картин вырождения «малых» народов и народностей. Они теряют свои обычаи, культуру, язык. И часто все это даже не зависит от их личного желания. Мощная индустриализация края делает свое дело. Проблема «малых» народов, их сохранения — она стоит сейчас очень остро; это известные нам чукчи, селькупы, юкагиры, вепсы, саамы, народы тюркского происхождения — тофалары, сагайцы, долганы, якуты, хакасы, шорцы, алтайцы... Некоторые из них, например, шорцы, до сих пор не имеют своей письменности, литературы на своем языке (записанной)... Как могло такое получиться у нас в стране? Интересы общие, интересы страны, оказывается, могут вступить в противоречие с интересами частными, интересами маленькой части той же страны. До сих пор мы повторяли, что все это невозможно. А тех, кто был против, обвиняли в местничестве, национализме и пр. Но жизнь показала, что на деле все гораздо сложнее, чем в примитивных политических схемах застойного времени.

Возьмем язык. Язык — не только средство передачи информации, средство коммуникации, общения. Он прежде всего — важнейший компонент этнической культуры, этнопсихологии и пр. Он — и история народа в миниатюре, и его настоящее в языковом зеркале, и по нему можно судить о будущем народа, его исторической перспективе, о здоровье народа. Он — средство сопереживания. И вот у некоторых народов, совершивших, как это принято говорить, рывок из феодализма в социализм, минуя переходную стадию капитализма (хотя этот тезис тщательной проверке не подвергался и, скажем, на казахской почве имеет много

серьезных и весьма основательных «но»), язык призван обслуживать носителей в совершенно изменившейся ситуации. Многие афоризмы, образные выражения, крылатые слова, фразеологизмы уже перестают осознаваться носителями языка как реально означенные единицы и превращаются в эдакие клише, мертвые формулы с узким, стертым содержанием, семантика многих слов активного запаса настолько отдается от своего оригинального значения, что это уже не может не вредить словоупотреблению... А ведь это ломка не только в языке, это ломка и в образе жизни, и в психологии, и в поведении, и в критериях оценки ценностей, т. е. это не только проблема «погашенных метафор».

О. С.: Это естественное развитие языка, многие слова переходят в пассив. И нужно создавать словари таких вышедших из употребления слов, особенно из языков малых народов. Ведь они могли быть нескгда языками великих цивилизаций.

Е. К.: И чем меньше народ, тем больше к нему должно быть внимания. Ему труднее.

О. С.: Безусловно. Если говорить о научной стороне этой социальной, демографической проблемы, то каждый язык, дошедший до XX столетия, мы обязательно должны сохранить. Чтобы создать, наконец, целостную историю человечества. Это же памятник. Каждый язык — это памятник, каждое слово — это памятник, тот элемент мозаики, без которого картина несовершенна. Выпадет звено — рухнет цепь. Нужно изучать малые языки, открывать новые. Как в свое время Малов открыл сарыг-югурский. Совершил подвиг, я бы сказал, в рабочем порядке. А сейчас тюркология уже не обходится без языка этих так называемых «желтых уйгуров».

Е. К.: Если Вы помните, книга Малова вышла у нас в Алма-Ате. И что интересно, так это то, что нашлись у нас горе-специалисты, которые умудрились во время первоначальной издательской процедуры — рецензирования — написать на нее разгромно-отрицательную рецензию, т. е., иначе говоря, вначале словарь был нами забракован. Пришлось вмешаться более компетентным товарищам.

О. С.: Надо очень спокойно и трезво относиться к нынешней ситуации. Влияние русского языка и русской культуры сейчас действительно очень велико. Но это не повод для паники, излишней тревоги. В нашей дальней и близкой истории были периоды двуязычия и многоязычия — и тюркско-китайского, и тюркско-славянского, и тюркско-монгольского, и тюркско-иранского, и тюркско-арабского. Что-то отпадало в запас, что-то выходило на передний план, новые условия жизни нарабатывали новую терминологию, фразеологию, многое мы брали из других языков, с которыми взаимодействовали, целые пласты окатывали, так сказать, превращали их в свою речь, в свой словарь. Поэтому сейчас и языки крупных народов проходят новый этап развития. И они обогащаются за счет языков «малых» народов. Некоторые известные лингвисты, например, выступают против термина «взаимообогащение», — как это так, мол, русский и чукотский языки взаимодействуют? Конечно, чукотский язык больше испытывает влияние русского языка. Но ведь и чукотский язык, чукотская культура очень помогают всем приехавшим на север выдерживать здешние условия. Весь опыт, накопленный чукчами в борьбе с севером, заимствуется европейскими народами, но это не только материальные ценности, безусловно, при этом присутствуют и духовные моменты. Малый количественно народ не всегда мал качественно. Древние греки количественно уступали многим численно превосходящим их варварам. Но от этого они не перестали быть великими. Сейчас мы понимаем условность самих обозначений «малые» и «большие» народы.

В эпоху войн дубинами и мечами, конечно, количество войска определяло значение того или иного народа на исторической арене. Сейчас, вероятно, нужны другие термины, потому что количественно малый народ может быть велик своей культурой, своим вкладом в общую цивилизацию. Личности определяют вклад народа в человечество, а не толпа, превосходящая в количестве. Например, если мы сравним, какой цех лучше — наш или японский, мы конечно, ответим: наш, несомненно, потому что у нас в нем триста человек работает, а там — один. Таково примерно и следующее соотношение: кто там идет в штыковую, сколько их там человек? Пять тысяч... А здесь сидит один. С ядерным оружием. Чья армия сильнее?

Нужно отказываться от стереотипов прошлого и, может быть, даже определить «малым» народам цели и пути развития. Что им делать. Сейчас важно понять, что любой народ, любой язык, скажем, нивхский — четыре тысячи человек всего лишь — бесценное достояние человеческого общества. И относиться к нему нужно только так. И это не какая-то нищая собственность этих несчастных нивхов, это — бесценное наследие человеческой истории, потому что они дошли до нас со времен фараона и еще более далеких, и если они сохранились, они проявили мужество в борьбе с природой, уцелели, пришли вместе со всеми в XX в., принесли с собой свои слова, которые могут оказаться самым важным элементом в наших стремлениях понять историю культуры человечества, и, может быть, они могут сохранить у себя то, что уже утрачено другими. Давайте же пока примем все меры, чтобы сохранить, если у нас еще не хватает сил все это изучить или изучать. Но сохранить в живом виде! Это не какая-то высокомерная снисходительность — ладно, сохраняйтесь, вот вам два учебника, читайте, учитесь, изучайте свой язык, разговаривайте с рыбами и т. п. Нет, здесь нужна уже определенная целенаправленная политика: сохранить во что бы то ни стало! Даже если это стоит больших денег. Относиться к этому, как к своему наследию, — вот он гуманный, гуманитарный, интеллигентный, человеческий подход. Не как к своей собственности, а как к общему наследию.

Е. К.: Мы говорим о наследии, о языковом наследии. Тут есть много болевых точек. Я бы хотел сейчас заострить внимание еще на одной важной проблеме. Как известно, тюркские народы нашей страны в свое время перешли с арабской графики на латинскую, а затем с латинской на русскую. Здесь нужно сказать прямо — были голоса против, голоса влиятельные, авторитетные, компетентные. На Первом тюркологическом съезде в городе Баку в 1926 г., например, аргументированно говорил о том вредном влиянии, которое может оказать переход с арабской графики на другую на развитие тюркских языков и их культур, уже упоминавшийся нами Ахмет Байтурсунов. И, чего греха таить, эти тотальные кампании по смене алфавитов нанесли нам большой вред. Это нужно признать. Прежде всего, это нужно особо подчеркнуть, мы оторвались от своего (богатейшего!) письменного классического наследия. Редко сейчас даже среди ученых-обществоведов найдешь человека, читающего и пишущего по-арабски. А ведь тысячи и тысячи средневековых, позднесредневековых, староказахских и вообще написанных в недавнем прошлом трудов, которые были в активе обществу на протяжении многих веков, вдруг по воле роковой случайности (случайности ли? И в этом нам, ученым перестроечного времени, обязательно нужно детально разобраться) оказались за бортом... Огромное богатство, составлявшее частицу естественного духовного бытия наших предков, нам, их детям и внукам, абсолютно неизвестно. Разве это здоровая ситуация? Или

еще один немаловажный аспект этой же проблемы. Как хорошо известно специалистам, вплоть до революции у всех тюркских народов (или, по крайней мере, у большинства основных) существовал один (подчеркиваю, один, хотя и у него были свои варианты) общий литературный общетюркский язык — так называемый тюрки, чагатайский язык. На нем выпускались газеты и журналы, издавались сотни научных трактатов общетюркского назначения, литературных произведений и пр. Значение его в культурном развитии тюркских языков и народов трудно переоценить. Даже наши деды-фронтовики, владевшие этой грамотой, выпускали на фронте газеты на тюрки, которые читали и понимали и узбек, и азербайджанец, и туркмен, и киргиз, и казах, и др. Например, так было со старшим родным братом моего отца, ветераном труда и войны, потомственным рабочим из города Темир-Тау, ныне здравствующим Мажитом-аксакалом. Так было тогда. А что мы имеем сейчас? Я уже не хочу повторять, что весь цвет нашей тогдашней интеллигенции (хотя бы почти все участники Первого тюркологического съезда и многие другие) был просто физически уничтожен. Сейчас же все мы так пишем на основе одной и той же, казалось бы, русской графики, что казах не понимает или плохо понимает написанное балкарцем или карачаевцем, погайцем, каракалпаком или татаринном и другими; но вот парадокс — при устном общении взаимопонимание практически полное и беспрепятственное. Алфавиты, как известно, могут сближать языки друг с другом или, наоборот, отдалять их. Так вот, многие близкие друг к другу тюркские народы, которые устно могут общаться практически без переводчика, с большими затруднениями понимают письменную речь друг друга. Это привело к тому, что в последние годы все сильнее стало ощущаться негативное влияние этих неудачных тюркских орфографий, систем письма на само произношение звуков в языках, ведь порою приходится писать одно, а читать совсем другое — и не потому, что это вытекает из закономерностей природы тюркских языков или специфики их развития. Но ведь правильно читает только тот, кто твердо знает, как надо правильно читать. А таких сейчас все меньше и меньше. Вот и начинает уже ломаться язык школьников, осваивающих и усваивающих новую азбуку. И без того отдалившиеся друг от друга тюркские языки еще более отходят друг от друга. Когда задумываешься над всем этим, по-хорошему; от души завидуешь грузинам и армянам. Действительно, счастливые народы! Они сумели сохранить, сберечь родной язык, родное письмо неизменным на протяжении многих веков. Конечно, о возврате к арабской графике или рунике, например, сейчас и речи быть не может, хотя ученые-специалисты — тюркологи уже признали окончательно, что из всех существующих систем письма наиболее приспособлена к отражению специфики тюркских языков, их сложной природы именно руника, древнетюркская система письма...

О. С.: Нет, Ерден, я здесь с Вами не согласен. Я и в Мэдисоне говорил об этом. И сейчас хочу повторить. Я считаю, что в национальных школах нужно обязательно изучать, преподавать все виды письма, которыми пользовались предки. Не сохранили арабский, рунику? Да. Но изучать их надо. В школах, в вузах, университетах. Это будет работать на историзм мышления. И прошлое подпитывает будущее. Если мы, я думаю, в нашей республике, ну хотя бы для начала экспериментально, в двух-трех школах откроем спецкурсы, кружки, часы по изучению всего этого, то в результате наши дети смогут читать то, что написано нашими дедами и прадедами, и насколько это обогатит их...

Е. К.: Кстати, Олжас-ага, на недавней тюркологической конференции в городе Фрунзе Чингиз Айтматов в своем вступительном слове ска-

зал ученым-тюркологам, участникам конференции, что уже давно пора преподавать рунику и арабский язык и графику в школах и вузах как обязательные предметы.

О. С.: Конечно, и это само собой разумеется, школьники и студенты должны знать и латинский, и русский. Да при нынешнем положении они просто не могут их не знать. Но и арабский и руника сразу прибавят им очень многое в понимании мира. Я, например, переписываюсь со своим венгерским коллегой и товарищем Ференцом Будой руникой. Я ему пишу руникой, он мне отвечает тем же. Этим мы ставим в тупик наши почтовые ведомства. И я по своему собственному опыту заявляю — это очень удобно и понятно: руны можно писать не только на камне. Армяне и грузины сохранили свой алфавит и этим самым сохранили все наследие, не оторвали нынешние поколения от истории. Вот чего они добились. А мы сразу все отсеки. Все — что было до революции, все, что было в двадцатых годах... А сами забыли... Да и нельзя было все это читать. Это было запрещено. А те, кто писал арабским алфавитом, наши писатели — они были расстреляны. Они были врагами народа. Поэтому читать их было не надо. А потом, когда врагами народа были уже названы те, кто писал латиницей, — Сакен Сейфуллин, Беймбет Майлин, Ильяс Джансугуров, Шакарим и те же Торекулов, Жубанов, Байтурсунов и многие другие, мы тут же перешли на другую систему письма, уже на кириллицу, и вот опять это наследие было сожжено, забыто, оторвано от нашего поколения. Мне уже пятьдесят лет. И мне только-только сейчас разрешено читать Аймаутова, Байтурсунова, Торекулова и некоторых других. А сколько имен я просто не знаю! Все оторвано от нашего поколения. Мы начинаем все время с нуля.

Е. К.: И вот поэтому, мне кажется, именно сейчас, когда после долгих, невыносимо долгих десятилетий молчания наконец-то вдруг открылись шлюзы правды, именно сегодня роль литературы и науки, писателей и ученых, интеллигенции невероятно ответственна и высока. Сейчас, и я думаю Вы со мной согласитесь, литература как никогда более партийна, более государственна, более народна что ли. На ее плечах огромная ответственность. Она должна выдюжить эту тяжесть. Она должна быть сегодня как никогда действенной, ибо лозунги ныне уже мертвы и безэффективны, они себя скомпрометировали. Люди сейчас ждут дел, конкретных поступков. Нужны реальные, результативные мероприятия... И уже нельзя работать врозь или вслепую, как в недавнем прошлом. Противники перестройки тоже, к сожалению, на коне, они без боя не сдадутся. Живы и процветают те, по чьей вине была обильно пролита в свое время кровь невинных сынов отечества.

О. С.: Мы, пытаюсь разобраться, почему у нас хромает экономика, виним в этом чиновников, потом виним руководителей, потом говорим, что разленился народ, и т. д. А может быть — именно потому, что у нас культура хромает, гуманитарная наука низка, мы еще не видим тонких взаимосвязей, нитей, коммуникаций, которые соединяют, допустим, Шекспира и Ньютона, какого-нибудь изобретателя ткацкого станка и работающего на этом станке. Там, где нет Шекспира, там нет и Ньютона, там, где нет Ньютона, там нет машины, где нет машины, там низка производительность... Мы столько побили ученых, столько били страну по мозгам, что выветрили этот плодоносный слой — чернозем в народе; народ генетически оскудевает... И поэтому нам трудно поднять экономику. То, что мы стали плохо писать стихи, то, что мы плохие сочиняем симфонии и песни плохие слагаем, — все это сказывается и на нашем столе: хлеба стало меньше, мяса стало меньше, масла стало меньше. Мы этих связей по своему невежеству не видели. Мы рубили направо

и налево и считали, что надо заставлять, — только и всего. А заставлять не надо. Там, где люди живут и дышат свободно, там рождаются идеи и техника. Там в итоге и хлеб растет неплохо. А у нас до сих пор отношение к гуманитарным наукам, прямо скажу, плевое. Что они там делают? Они же хлеб не выращивают, урожайность не поднимают, ракеты не создают? Ну, пусть себе копаются, раз вроде как положено их содержать, скажем, лингвистику, пусть копошатся. А если задуматься, то корни всех наших социальных и прочих бед кроются, может, и в отставании нашей лингвистики тоже. Вот этого понимания нам не хватает.

Е. К.: Мне так кажется, из всех наших общественных дисциплин — истории, археологии, архитектуры, литературы, экономики, философии, искусствоведения и пр. — лингвистика находится на самом последнем месте. По вниманию к ней. Может быть, это мое субъективное мнение?

О. С.: Потому, что история хоть как-то может оправдаться, ну, скажем, важностью воспитания патриотизма. А лингвист, что он может? Сказать «великий могучий русский язык»? Да, это он может. А сказать «великие могучие узбекский, азербайджанский, казахский языки»? Не может. Даже в этом его ограничивают. А ведь сейчас одна из наших общих главнейших задач — поднимать авторитет и престиж национальных родных языков. Чем? Опять же знаниями. И если мы расскажем настоящую историю, покажем, какой великий, замечательный, совершенный язык был у твоих отцов и как он применяется в современной жизни, и если мы своими социальными мерами дадим ему простор в нашей сегодняшней действительности, то, несомненно, авторитет языка в глазах наших детей и внуков будет повышаться. И только тогда будет возможен истинный интернационализм, потому что интернационализм без самоуважения невозможен. Если ты не уважаешь свой язык, собственную культуру, то какой же ты интернационалист?! Поэтому я часто повторяю слово «взаимосвязи». Мы их не видим, а они окутывают каждое явление, соединяют их друг с другом. А мы их рассматриваем все время изолированно. Без корней.

Е. К.: Да просто потому, что так легче и проще их рассматривать и, если здесь можно так выразиться, изучать.

О. С.: Легче, конечно. Но и труднее, оказывается. Ученым труднее. Труднее понять происхождение изучаемого явления без наблюдения этих взаимосвязей. Когда мы, наконец, будем руководствоваться, казалось бы, простым правилом: ничто не рождается из ничего, тогда мы поймем, что вовсе не надо нам каждый раз начинать с нуля, и, может быть, какие-то народные традиции, скажем, родились не в XX столетии, а много-много тысячелетий назад, и зачеркнуть их жирно, превратить их в категорию проклятого прошлого — это пагубно для общего нашего будущего. История многослойна, многосложна, многоцветна. И только черной краской нарисовать ее нельзя. А вот так и воспитывались наши поколения. Нам так и было сказано: все, что ниже семнадцатого года, — это проклятое прошлое. А вот сейчас все хорошо вроде бы. Счастливое детство, счастливая юность. А зрелость какая!.. И поэтому мы, писатели моего поколения, начали сами самостоятельно вторгаться в наше прошлое, пытаться его осмыслить самостоятельно. Потому что наши отцы, к сожалению, не смогли этого сделать. Не было у них такой возможности. Я до сих пор продолжаю заниматься историей, потому что наши историки все еще держат руки по швам и «отрачивают» лампасы. А как только «отрастят» — сразу на пенсию уходят и не успевают покомандовать, ибо для пенсии и «отрачивали» свои лампасы и регалии.

Е. К.: Вот Вы говорите о своих занятиях наукой. Разрешите мне задать Вам конкретный вопрос: когда выйдет в свет обещанный Вами труд

«Тысяча и одно слово»? Когда, наконец-то, будет переиздана книга «АЗиЯ»? Она зачитана всеми, что называется, уже до дыр. Ею успешно, вернее, копиями с нее, торгуют на книжных черных рынках. И, наконец, ведь она известна в мире. Я сам лично читал положительные отзывы на нее как московских наших ученых, так и многих признанных зарубежных академиков.

О. С.: Ну, что я могу сказать по этому поводу? Сейчас уже издано и переиздано почти все, что не издавалось в последние годы. Изданы многие авторы, которые или причислялись когда-то к врагам Советской власти или были ими на самом деле. А эту книгу почему-то не переиздают. Ни одно издательство не делает мне предложения, а когда я сам выхожу с таким предложением, смущенно отводят взгляд. Видимо, она представляет большую опасность для кого-то, чем все остальные вместе взятые. В эпоху застоя она появилась, а в эпоху гласности, по всей вероятности, ее никак нельзя переиздавать... Но так или иначе, я думаю, она все равно будет переиздана, пусть в каком-нибудь кооперативном издательстве, но увидит свет... «АЗиЯ» была предисловием к моей второй книге — «Тысяча и одно слово», над которой я работаю давно. Нескольким раз я ее переписывал заново, потому что я все-таки хочу ее сделать не чисто научной книгой, а литературным произведением [2].

Е. К.: Расширить аудиторию?

О. С.: Безусловно. Потому что я хочу разговаривать с тем читателем, с которым привык разговаривать. В то же время она не должна выглядеть научно-популярной книгой, а быть вполне научной и в то же время популярной. В общем работа моя завершена. Сейчас я бьюсь в основном над некоторыми стилистическими проблемами. Я опять в ней выступаю как геолог-поисковик. Моя задача — обнаружить месторождение. А уж разрабатывать его будут лингвисты, историки и прочие специалисты-добытчики. Надеюсь уже в этом году завершить свою работу над книгой, и, дай бог, в следующем году мы увидим ее в каком-нибудь журнале.

Вообще, я считаю, что подобных работ — как бы на стыке общественных наук — должно появляться как можно больше. Общественность не должна отрываться от науки. Пока же мы читаем в основном книги, написанные языками цеховыми. Они на общество работают очень опосредованно.

Е. К.: Да и тиражи у научных изданий, конечно, не ахти. Зачастую и специалистам по профилю достать нужную книгу — большая проблема.

О. С.: Да. Написал я как-то статью о происхождении древнетюркского алфавита в ваши академические «Известия». Вышла статья в журнале тиражом 500 экз. И — как об стенку горохом. Такое ощущение, что из пятисот подписчиков «Известий Академии наук Казахской ССР» никто не интересуется тюркологией: взяли в руки статью, посмотрели, удивились, ухмыльнулись, закрыли и пошли дальше... А мне хочется живого разговора, спора, диспута, диалога.

Е. К.: И все же, Олжас Омарович, сейчас не только широкая аудитория, массовый читатель ждут Ваших работ, ждет Ваши работы и научная общественность. Хотелось бы читать Ваши статьи на страницах журнала «Советская тюркология».

О. С.: Да, я обещал главному редактору этого журнала — председателю Советского комитета тюркологов Эдхаму Рахимовичу Тенишеву написать. И Айдыну Мамедову, его заместителю. Например, я бы смог подсказать, как мне кажется, перспективное направление в изучении

«Коркуда». Эпос этот, как мне видится, изучается все еще изолированно, узко, в рамках современных границ. А корни его уходят в глубь веков, как минимум — в древнеегипетский период. В Египте существует такой миф о сыне Солнца Гор-кл (Гор — солнце) — Солнце-сыне, дитя-Солнце, «восходящем Солнце». Образ потом воплощался в таких образах героя-победителя, как Геркле в этрусском, Геракл у греков, Геркулес у римлян, Гороглы у тюрков. Был еще такой персонаж в древнем Египте — Хор-хт — Солнце-отец, «погибающее Солнце», «нисходящее Солнце». Это солнечный цикл, мифы солнечного цикла. Так вот, этот Хор-хт спускался каждый день в подземелье, бился с водяным змеем Апопом и погибал, ужаленный им. Эти основные моменты солнечного сюжета сохраняются в легенде, записанной Диваевым у сырдарьинских казахов XIX в. Старый Коркуд, которому всюду мерещится смерть (всюду ему копают могилу), чтобы избежать ее, заплывает на ковре на середину Сырдарьи, сидит, играет на кобызе, к нему подплывает водяная змея, жалит его, и он погибает. Три тысячи лет разницы! Сюжеты, безусловно, менялись, но основные линии, костяк сюжета сохранялся. Гороглы (Корулы) уже со змеями не борется. Но ведь в ранних редакциях и египетский Гор, и Геркле, и Геракл — все они боролись с водяными змеями и побеждали. От гидры погибает Хор-хт, а сын его побеждает гидру. И Георгий-победоносец, принятый в христианский пантеон, тоже побеждает дракона. Огузы развили древний сюжет до неузнаваемости. Казахи сохранили самые реликтовые черты мифа, эмбрион что ли сохранили. Видимо, и само имя Коркуд было дано не без связи с названными выше древними персонажами ... Но в этом направлении надо поработать. Мы знаем, как заимствованное имя, толкуясь по-разному на новой языковой почве, порождало новые версии «народно-этимологического» толка. *Көр* 'могила', *көр* 'слепец' плюс соответствующие «оправдательные» сюжеты и т. п. То же произошло и с Коркудом — производным от тюркского *коркут* 'пугать, пугаться'. И, пожалуйста, вот он уже всего бонится, бедный старец... Но он остался на своей позиции заходящего солнца, а герой Гороглы — все-таки всепобеждающий, всесокрушающий — восходящего. Вот эта древнеегипетская антитеза сохранилась только у тюрков. В древней Южной Европе Коркуда уже нет, там уцелела только первая часть — активное, побеждающее, молодое начало. А у тюрков есть и вторая часть. Огузы придали Коркуду и мудрость, а не только элегию. Казахи сохранили одну печаль — этот певучий тягостный звук, который бывает у кобыза, изобретение коего приписали Коркуду. Это опять свидетельствует о древнейших взаимосвязях в культуре тех, кто сохранил линии древнего мифологического сюжета: Гор-ли в древнеегипетском, Геркле в этрусском, здесь *кл/кле* — сын. И только тюрки оставили сознательно ту же структуру — *Гор* плюс *Оглы* в значении «сын»: Гор-оглы.

Е. К.: Все это наглядно показывает общечеловеческое значение собственно тюркского материала как наиболее консервативного, реликтового, сохранившего древнейшие черты.

О. С.: Да. Тюркские языки сохраняют древнейшие сведения. А мы пока рассматриваем Коркуда и Корулы (Гороглы) изолированно от общечеловеческого контекста. Мы даже не соединяем Коркуда и Гороглы. А материалы позволяют это сделать. И нужно рассмотреть их в комплексе: Гор-кл, Геракл, Геркле, Геркулес, Георгий, Гороглы (Корулы) и собственно — Хор-хт и Коркуд. Посмотрите — система! И я специально два раза ездил в Италию, чтобы поработать с этрусскими надписями. Настоящим тюркологом можно стать, я считаю, только будучи осведомленным в области этрусологии, египтологии, иранистики, синологии,

шумерологии и т. д. и т. д. Нельзя считать, что мы живем здесь со времен неандертальцев. Нет, мы много раз обошли земной шар за тысячи лет.¹ Много раз. В Передней Азии тюрки жили и в шумерские времена, когда семиты, придя с юга Аравийского полуострова, вытеснили народы, входившие в шумерскую федерацию, в сторону Малой Азии — на север и на восток. Из Малой Азии они перешли в Южную Европу и Египет, побывали и там. В составе двенадцати народов Этрурии, я считаю, были тюрки и славяне... Интересно, что мы сейчас не можем найти следов языка древних кыпчаков, а вот в Южной Европе они обнаруживаются — именно кыпчакские диалектные особенности в заимствованиях в латинском и в этрусском и древнегреческом. Интересна история отглагольных имяобразующих показателей *-ма* (*-ба*, *-па*), — все они уже тогда действовали в Южной Европе. Ср.: греч. *терма* 'баня, потельня'. У тюрков — *тер* 'пот'. Но, вероятно, был и глагол *тэр-* 'потеть'. Или *толма* 'язык' — также, очевидно, от *тол-/тіл-* 'говори', отсюда и *толмач* (и *толмачи*) и в германских целый ряд производных, но здесь мы следим за структурой... Мы бы тоже вполне могли свои бани называть *терме*, если бы знали, что *тер* — это не только «пот», но и «потей»...

Е. К.: А это так и есть на самом деле, Олжас Омарович. Как Вы знаете, я специально занимался этой проблемой — проблемой так называемого синкретизма. И вот в результате зондирования древне-, средне-, старо- и современных тюркских языков и фономорфосемантико-лексической реконструкции мною было со всей очевидностью установлено, что многие ныне только глагольные или только именные корни ранее были синкретичными, глагольно-именными. В частности, в памятниках были обнаружены и *тер-* 'потеть', и *тіл-* 'говорить', и *тун-* 'наступить — ночи', и *қач* (*қаш*) 'бегство', и *ұр* 'дубинка' и т. п. (сравните синкретичные живые тюркские формы: *көч* 'кочевать' и 'кочевье' и мн. др.).

О. С.: Есть, да, ну, это прекрасно. Вот видите, некоторую информацию, полезную для компаративиста информацию о тюркских языках, оказывается, можно почерпнуть и из греческого. Сравните еще пример из литовского: *кас-* 'копать' и *касба* 'копи, шахта' (в тюркских соответственно *қаз-* и *қазба*)... Вот, пожалуйста. По совершенно, казалось бы, чужим языкам мы можем узнавать и уточнять свою, нашу историю. В тюркских языках очень много индоевропейцев, просто-напросто живых праформ. Вот об этом обо всем я и говорю в своей книге «Тысяча и одно слово». Нужно расширять границы сюжета, проникновения вглубь и вширь.

Е. К.: Нужно возродить классическую филологию. Нужно воспитывать своих Коршей, Поливановых. Наука сейчас, если говорить прямо, превращена в арену для выдвижения или средство для материального процветания. Я не хочу абсолютизировать этот тезис. Но об осязаемом сдвиге целевых установок можно ведь судить и по наличным результатам.

О. С.: Да, Вы правы. Для меня это путь поиска истины. Для иных это работа для прокорма семьи. Я не кормлюсь этим, потому более свободен, открыт, могу ошибаться, более независим. И, может быть, смею надеяться, от этого не меньше пользы.

Е. К.: Да, и если смотреть правде в глаза, то, Олжас Омарович, ведь все большие открытия в тюркологии совершались не ради гонорара. Возьмем того же Малова. Свою капитальную книгу по древнетюркской рунике он написал во время войны, будучи в Алма-Ате, на клочках старых газет, карандашом и издал ее позже в безгонорарном издательстве, как и вышеупомянутый словарь по желтым уйгурам. Да и сейчас наука безгонорарна, хотя «гонорарны» ученые степени и звания. А

если вспомнить множество других имен великих энтузиастов? Наверное, вообще нельзя сделать что-либо серьезное, если приземляться, заземляться на конечной материальной выгоде.

Все великое бескорыстно. С нетерпением ждем Ваши новые тюркологические работы.

О. С.: Спасибо. До встречи. Желаю и Вам, в свою очередь, успехов в нашем общем любимом деле — на поприще тюркологии.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ 7 июня 1989 г. на расширенном заседании бюро отделения литературы и языка Академии наук СССР, на котором был заслушан отчет Советского комитета тюркологов, председателем СКТ членом-корреспондентом АН СССР Э. Р. Тенишевым было сообщено о решении создать в ЮНЕСКО при финансовой поддержке Турции и ряда других стран *Фонд по спасению тюркских эпиграфических памятников (Ред.)*.

² Несколько месяцев назад, уже после того, как это интервью было набрано, бюро ЦК Компартии Казахстана на основе результатов работы специальной комиссии, составленной из ведущих ученых АН КазССР, издало постановление, рекомендуемое книгу О. О. Сулейменова «Азия» к переизданию (Ред.).

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

З. А. КУЛИ-ЗАДЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

(В АСПЕКТЕ ПОСТАНОВКИ ВОПРОСА)

Существование на нашей планете на протяжении тысячелетий значительного числа тюркоязычных племен естественно полагает существование их прародины, где тюркский праязык сложился как средство общения и откуда впоследствии его носители распространились в различных направлениях по всему земному шару. Но могут ли удовлетворить современную науку имеющиеся исследования по вопросу о «прародине» тюрков?

В какой мере научно и этически приемлемым можно считать, например, распространенное в современной тюркологии понятие «древние тюрки», означающее тюрков VI—VIII вв. н. э., эпохи существования на границе с Северным Китаем известных тюркских каганатов? Не естественно ли тут задать вопрос: почему века, признанные для развития цивилизации в целом эпохой раннего средневековья по отношению к тюркскому этносу оказались отнесенными к древности? Непонятна и трактовка уровня развития тюркской культуры эпохи каганатов. Мы не хотим останавливаться здесь на таких необъяснимых с точки зрения логики «фактах», согласно которым делаются выводы о незнании тюрками той эпохи элементарной арифметики (при счете-де «пользовались пометом»), но одновременно, как пишет тот же исследователь, войско свое они делили на тысячи! Но закономерен вопрос: как мог народ, создавший в высококультурном дальневосточном регионе каганат, просуществовавший века, иметь столь низкий уровень культурного развития?

Не пора ли, наконец, в эпоху утверждения нового мышления серьезнее и с элементарным уважением отнестись к проблеме тюрков в мировой истории, включая и вопрос их происхождения?

Ясно, что процесс исследования этнического развития тюрков осложняется множеством причин, и одной из них, быть может, является шаткость категориального аппарата нашей этнографии. Тем не менее, если отойти от запутывающих дефиниций, этногенез тюрков, как и любого другого народа, есть исторический процесс его этнического развития. Начало этого процесса должно датироваться временем появления тюркского языка как языка определенной человеческой общности, связанной также общностью территории, определенными хозяйственно-производственными отношениями и соответствующим духовным складом, проявляющимся в мировоззренческих, этических и прочих представлениях.

Такой общностью и были, на наш взгляд, древние тюрки, которые в процессе своего последующего исторического развития стали родо-

начальниками ряда исчезнувших и существующих ныне тюркоязычных народов мира, а также внесли свой вклад в этногенез многих нетюркоязычных народов, ассимилировавшись ими.

Особую роль сыграли турки в этногенезе таких нетюркоязычных народов СССР, как русский, украинский, армянский, грузинский и ряд других, о чем говорят исследования в области различных наук, в частности и языкознания, данные которого свидетельствуют о многочисленных лексико-грамматических заимствованиях тюркского происхождения в языках нетюркоязычных народов СССР и о древнетюркской ономастике в нетюркоязычных районах Союза. Выявление таких связей, подтверждающих глубокое «кровное родство» народов в СССР и за его пределами, несомненно, сыграло бы определенную роль в гуманизации характера межнациональных отношений, что особенно актуально в наше время.

Следующим значимым аспектом современной тюркологии, исследование которого позволило бы пролить свет и на проблему этногенеза тюрков, является вопрос о ранних этапах развития миропредставления древних тюрков, в частности, о шаманизме, его происхождении и философии. Эта духовная традиция, как известно, сыграла немаловажную роль в цементировании тюркского этноса, особенно на ранней стадии. Однако, к сожалению, и эти вопросы пока не получили должного отражения в советской тюркологии. Обращение к определениям, например, шаманизма в исследовательской и научно-справочной литературе не дает сколько-нибудь удовлетворительного ответа на вопрос о мировоззренческой сущности данного культурно-духовного феномена.

Решение названных и ряда равнозначных им, мы бы сказали — глобальных, проблем тюркологии требует прежде всего диалектического подхода к объектам исследования, анализа последних во взаимосвязи и взаимозависимости со смежными объектами. При этом, наверное, надо всегда помнить, что тюркология как наука состоит, как принято считать, из комплекса гуманитарных наук, изучающих языки, историю, литературу и другие аспекты культуры народов, говорящих на тюркских языках. Особое место в системе этих разноаспектных исследований должно занимать глубинное изучение экономического развития тюрков, ибо именно с ним органически связаны все остальные аспекты.

Научное решение глобальных проблем тюркологии требует комплексного, системного их исследования в их взаимосвязях и целостности с опорой на данные перечисленных выше наук в их совокупности.

Подобный подход особенно необходим при изучении тюркской культуры. Чтобы выявить суть (общее и особенное) феномена тюркской культуры и попытаться, при всем различии ее уровней и разветвленности, определить динамику ее развития, обширные связи с нетюркскими культурами, целесообразно, на наш взгляд, было бы рассматривать тюркскую либо тюркоязычную культуру как региональную культуру (ср.: культура европейская, арабоязычная, персоязычная и т. д.).

Исследование динамики культуры тюркоязычного региона помогло бы выявить ее самобытность, собственно тюркские истоки этой культуры, проследить основные этапы ее исторического развития. Это избавило бы, например, исследователей истории турецкой культуры от поисков истоков турецкой философской поэзии (читайте: философии!) в философской поэзии иноязычного региона, т. е. за пределами истории самой турецкой культуры. Оно не дало утвердиться в современной тюркологии совершенно неверного с научной точки зрения мнения о том, что историю тюркского литературного языка следует вести с XIV в. н. э. Исследователи серьезнее стали бы задумываться над имеющимися в

исторических анналах сведениями о переводе Библии на гуннский, савирский, хазарский языки в первые века нашей эры, как и над зафиксированным в средневековой литературе мнением об элитарности в XI в., а возможно — и много раньше, наряду с арабо- и персоязычной поэзией, и поэзии тюркоязычной (см.: *Мас'уд ибн Нам'дар*. Сборник рассказов, гисем и стихов).

Подобный региональный и комплексный подход способствовал бы не только научному осмыслению и конкретизации представлений по отдельным вопросам тюркской культуры, но и создал бы богатые потенциальные возможности для построения гипотез, которые необходимы любой науке, а тем более — тюркологии с ее многосложными проблемами и многочисленными «белыми пятнами», помог бы реконструкции общей картины культурного развития.

Кстати, для проверки верности научных оценок и выводов по аналогии неоценимую услугу оказали бы сравнительно-типологические исследования культуры тюркского региона, сопоставление ее с инрегиональными культурами Востока и Запада. Так, в частности, анализ основных положений пантеистической философии турецких представителей суфизма и других аналогичных идеологических течений в сравнении с основными принципами пантеистических учений западных пантеистов — Давида Динанта, Альмарика Бенского, а также других современных им, например, грузинских, пантеистов позволил бы отменить ненаучные домыслы о том, что одни и те же тезисы у представителя Западной философии — пантеизм, а у представителя турецкой философии — нечто другое.

Компаративистского плана типологические исследования разнообразных культур, способствуя научной унификации категориального аппарата культурологии, в целом, несомненно, сыграли бы неоценимую роль в дальнейших исследованиях по культуре турецкого и других тюркских народов.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. ГУРБАНОВ. АЗЭРБАЙҶАН ДИЛИНИН ОНОМОЛОКИЈАСЫ

БАКЫ: МААРИФ, 1988. 594 с.

Данный учебник, составленный в соответствии с требованиями программы по азербайджанской ономастике, которая включена в учебные планы ряда азербайджанских вузов, состоит из двух разделов. В первом разделе затрагиваются вопросы, касающиеся методологии изучения ономастической части языка. Характерные особенности исторической ономастики рассматриваются на примерах, взятых из ашугской поэзии, древних и современных словарей, карт, научной литературы, архивных материалов и др.

А. Курбанов подробно разбирает описательный, исторический, сравнительный, стилистический, статистический, ареальный методы изучения ономастических единиц.

Во втором разделе на основе достоверных исторических фактов автор приходит к выводу, что интерес к изучению ономастических единиц у азербайджанской интеллигенции проявился еще в первой четверти XIX столетия. Тюркской ономастикой в XIX и XX вв. занимались и такие видные ученые России, как В. В. Радлов, В. В. Бартольд, В. А. Гордлевский, А. Н. Самойлович, А. Н. Кононов, Н. А. Баскаков и др.

Проанализировав греческие, римские, русские источники, сохранившие древнейшие азербайджанские ономастические единицы и уровень разработки различных слоев азербайджанской ономастики в послеревлюционный период, А. Курбанов заключает, что азербайджанские топонимы изучены намного лучше, чем другие пласты ономастических единиц.

Отдельные главы второго раздела посвящены изучению азербайджанских антропонимов, этнонимов, топонимов, гидронимов, зоонимов, космонимов, ктематонимов, истории появления и преобразования этих единиц, проблем, связанных с их правописа-

нием, и т. д. По мнению автора, азербайджанская ономастика имеет в основном тюркское происхождение.

Составленная для учебных целей «Ономалогия азербайджанского языка», несомненно, будет способствовать успешной подготовке кадров в области ономастической науки. Кроме того, она может быть принята за образец при создании подобных учебников по ономастике других тюркоязычных народов в нашей стране и за рубежом.

В то же время рецензируемая книга не лишена и некоторых недостатков. Так, А. Курбанов без какого-либо обоснования считает, что ономастические единицы подчиняются якобы своеобразной грамматической закономерности при своем образовании. Однако нельзя забывать, что все ономастические единицы появились и продолжают появляться на основе готовых лексико-грамматических материалов языка. Следовательно, идея о своеобразной собственной грамматической форме ономастических единиц лишена какого-либо веского аргумента.

Далее, по мнению автора, задача исторической ономастики заключается в сборе ономастических единиц из памятников письменности и сравнении их с материалами современного языка, тогда как подлинная цель исторической ономастики — в восстановлении их праязыковых форм. В таких случаях ономастические единицы, встречающиеся в письменных памятниках, будут служить только дополнительным материалом в изучении их истории.

Нельзя согласиться с автором книги и в том, что якобы такие видные специалисты, как В. Томсен, В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский, С. Е. Малов и другие, неправильно читали древнетюркские ономастические единицы типа *Кұл-тегин*, *Илтерис*, *Илбилгә Чуҗај*, *Түпүт* и другие толь-

ко потому, что по своему происхождению они не являлись тюрками. Между тем богатое научное наследие этих ученых, так много сделавших в области изучения древнетюркских письменных памятников, до сих пор не потеряло своего научно-практического значения.

Указанные недостатки отнюдь не умаляют научного и практического значения «Ономологии азербайджанского языка» А. М. Курбанова. Данная книга является хорошим подарком студентам и преподавателям вузов Азербайджана.

А. Дж. Шукюрли

Н. А. ТАЛИПОВ. ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ В ИРАНЕ В XIX—НАЧАЛЕ XX в.

М.: НАУКА, 1988

Этапы развития общественной мысли Ирана XIX в., их своеобразие привлекают в числе других проблем пристальное внимание советского востоковедения, развивающего традиции дореволюционной российской науки. Так, наиболее значительное событие общественно-политической жизни Ирана XIX в. — движение бабидов — было впервые глубоко проанализировано в фундаментальной монографии азербайджанского ученого Мирзы Казем-Бека «Баб и бабиды», опубликованной в 1865 г.

В работах К. Чайкина, Э. Бертельса, Д. С. Комиссарова, М. С. Иванова, Н. А. Кузнецова, А. М. Агахи, С. М. Алеева и других советских востоковедов подробно изучались различные аспекты общественно-политической мысли Ирана XIX и начала XX в.

В рецензируемой монографии Н. А. Талипова эта проблема стала предметом специального историко-философского рассмотрения. Автором обобщен обширный фактический материал, в поле зрения Н. А. Талипова — многочисленные персидские источники, богатая востоковедческая литература — как отечественная, так и зарубежная.

Иранское просвещение XIX в. — явление непростое, как непростым было и положение страны. Могучая в прошлом держава оказалась в полуколониальной зависимости от царской России и Великобритании, едва ли не полностью утратив свой престиж на международной политической арене. Иранская общественная мысль в лице своих виднейших представителей, философов, писателей, ученых, таких, как Мирза Таги-хан Амир Кебир, Мирза Юсиф, Мирза Мелкум-хан, З. Мараган, А. Талыбов, Мирзаага-хан Кирмани, Мелюкуль-Мутакаллумун, Шамсиль-Урафа и другие, сыграла неосценимую роль в оздоровлении нравственного и политического климата в

стране, формировании новых социальных институтов, духовном пробуждении науки.

Творчеству четырех деятелей блестящей плеяды (Мирзы Мелкум-хана, З. Мараган, А. Талыбова и Шамсиль-Урафы) уделено в книге преимущественное внимание, им посвящены специальные очерки. Автор в основном анализирует философскую базу иранского просветительства, а также его политико-идеологические аспекты. Нас же в данном случае будет интересовать прежде всего то, какое отражение получила в книге сложная и разносторонняя проблема связи иранского просветительства с культурой тюркоязычных народов, а конкретно — с общественной мыслью Азербайджана. Интеллигенция Азербайджана, соединившая свою судьбу в начале XIX в. с Россией и по этой причине оказавшаяся в тесной связи с передовой европейской и русской культурой, сыграла значительную роль в истории общественной мысли ближневосточного региона и в частности Ирана. Известный азербайджанский просветитель А. Бакиханов был редактором первого печатного органа на персидском языке — газеты «Тифлис Эхбары»¹. В формировании и распространении прогрессивных идей в Иране XIX в. исключительный вклад внес первый драматург и философ-материалист Востока Мирза Фатали Ахундов. Такие видные представители иранской общественной мысли XIX в., как Мирза Мелкум-хан, А. Талыбов, З. Мараган, М. Кирмани, Мирза Юсиф-хан, Джалаладдин Мирза, были учениками или последователями М. Ф. Ахундова. Автор лишь эпизодически упоминает о влиянии идей азербайджанского просветительства, в частности М. Ф. Ахундова, основополагающее социально-философское произведение которого — «Письма Кемал-уд-Довле», как и другие труды мыслителя, оказало

мощное формирующее воздействие на иранских просветителей, во многом обусловив не только идейную, содержательную, но и жанровую структуру их сочинений, их поиски в области формы. Однако отсутствие типологического анализа общественно-философской мысли ближневосточного региона не позволяет автору показать внутреннее единство идеологических процессов в Иране, Азербайджане и Турции (Танзимат).

В результате иранская социальная мысль как бы отстраняется от общевоосточной идеологической сферы, а следовательно, читателю трудно уяснить, что было общего (для всего Ближнего Востока) и что особенного, оригинального в деятельности виднейших иранских философов, литераторов, ученых того времени.

Два известных представителя общественной мысли Ирана XIX в. — Зейналабдин Мараган и Абдуррагим Талыбов по национальности были азербайджанцами, причем национальная принадлежность их — факт не только биографический, но и культурно значимый, во многом обусловивший атмосферу их произведений, а также и выбор ими среды общения. Начиная с 50-х гг., в азербайджанском литературоведении установилась верная традиция изучения творчества З. Марагана и А. Талыбова как явления национальной литературы. Этот существенный факт почему-то не привлек внимания автора монографии.

Исследователь Х. Мамедзаде пишет: «Из произведений З. Марагана становится ясно: он следил не только за русской печатью, но и за такими изданиями, как „Экинчи“, „Кеш-кюль“, „Зияйн-Кавказийя“, „Шарги-рус“, „Тарджуман“, а также „Эхтер“, „Хеблун-метин“, „Сурайя“ и „Парварини“. К тому же порой он выступал на страницах этих газет»². Подобное сотрудничество проживавшего в России З. Марагана с азербайджанской печатью было вполне естественным процессом. Н. А. Талипов, опираясь на заметки классика таджикской литературы С. Айни, отмечает широкое распространение в Бухаре романа З. Марагана «Путешествие Ибрагимбека». Но если бы исследователь расширил круг своих поисков, он несомненно назвал бы знаменитый сатирический журнал «Молла Насреддин», которому как раз и принадлежит главная роль в пропаганде произведения азербайджанского автора на всем Ближнем Востоке и в Средней Азии. Так, в № 9, 15, 17, 36 и других за 1906 г. встречаются неоднократные ссылки на роман З. Марагана по различным поводам. Молла-насреддинцы обращаются к роману, доказывая преимущество светских знаний над религиозными по ходу дискуссии журнала с газетой «Хаят». Характерен в этом отношении фельетон Дж. Мамедкулизаде «Какие науки нам нужны», опубликованный в № 8 журнала за 1907 г. В своем знаменитом памфлете «Земляки» Дж. Мамедкулизаде видит выход для иранцев, разбросанных в

поиске куска хлеба по различным уголкам России, прежде всего в единении и солидарности, а для этого рекомендует прочесть роман З. Марагана: «Когда возьметесь за руки и объединитесь, то, должно быть, напишите мне еще одно письмо, в котором спросите, а что теперь делать? И тогда я отвечу вам: „Идите прямо через Аракс, на свою разграбленную родину и читайте, читайте, читайте „Путешествие Ибрагимбека“»³.

Наконец, талантливые писатели, объединившиеся вкруг «Моллы Насреддина», такие, как А. Ахвердов, Г. Шерифов, уже под непосредственным влиянием романа З. Марагана писали сатирические «путешествия», в которых разоблачали уродливые явления в жизни общества. Все это позволяет говорить о близости З. Марагана к азербайджанской литературной среде и заметном воздействии его творчества, в свою очередь вдохновленного традициями М. Ф. Ахундоса, на азербайджанскую интеллигенцию того времени. Вопрос этот подробно, в типологическом плане рассмотрен в монографии Х. Мамедзаде «М. Ф. Ахундов и Восток». Исследования Х. Мамедзаде позволяют также исправить ошибку, допущенную Н. А. Талиповым след за К. Чайкиным и А. М. Шойтовым, а именно: первый том «Путешествия Ибрагимбека» вышел в свет в 1897 г., а не в 1888 г., как то указывалось ранее⁴.

Н. А. Талипов умалчивает и о национальной принадлежности известного просветителя и философа А. Талыбова, тем самым изымая его творчество из истории азербайджанской культуры, хотя А. Талыбов, как и З. Мараган, в начале века был тесно связан с литературной средой Баку и Азербайджана. Как считает современный исследователь М. Менафи, А. Талыбовым был создан и ряд произведений на родном языке⁵. Национальная принадлежность А. Талыбова была хорошо известна азербайджанской интеллигенции начала века. Так, например, известный критик Фридунабек Кочарли, переписывавшийся с А. Талыбовым и включивший биографический очерк о нем в свою книгу «Азербайджанская литература», писал: «Господин Мирза Абдуррагим по национальности принадлежит к азербайджанским тюркам, и турецкий язык является его родным языком. Поскольку, однако, язык этот в Иране до последнего времени не был признан, господин Мирза Абдуррагим свои произведения писал на персидском, сделав их, таким образом, достоянием всего иранского населения»⁶. Редактор газеты «Шарги-рус», известный публицист и общественный деятель Магомед-ага Шахтахтинский также указывал на то, что А. Талыбов был азербайджанцем, а факт написания им своих произведений на персидском языке объяснял стремлением автора распространить свои идеи в Иране и на Ближнем Востоке: «Выбор языка связывается с

чем-то второстепенным по сравнению с точностью и степенью воздействия слова Талыбова»⁷.

Азербайджанское происхождение А. Талыбова признают и некоторые современные иранские исследователи его творчества. Например, Мехти Муджтехид-заде в своей книге «Деятели Азербайджана конституционного периода» писал: «Инженер новой грозы Гаджи Мирза Абдуррагим Талыбов является гордостью Азербайджана и азербайджанцев; ему принадлежит первенство среди иранских мыслителей за последние сто лет»⁸. Поэтому вызывает по меньшей мере удивление попытка рассмотрения наследия А. Талыбова только как явления иранской культуры; многообразные связи писателя с литературно-общественной средой Азербайджана при этом полностью игнорируются.

В Азербайджане А. Талыбов получил признание как известный писатель, философ и общественный деятель раньше, чем в Иране. Различные газеты и журналы дореволюционного Азербайджана — «Шарг-и-рус», «Иршад», «Сэда», «Тээ хаят», «Фуюзат», «Ишыг» и другие публиковали множество материалов об А. Талыбове⁹.

Например, известный публицист Ахмедбек Агаев в редактируемой им газете «Иршад» писал: «Айа¹⁰, разве это не тот самый Молла Абдуррагим, которым гордился весь Иран? Разве это не тот Молла Абдуррагим, к моральной проповеди которого прислушивались все — от шаха до простолодинов, заметки и записки которого ходили по рукам»¹¹.

Бакинскими газетами были опубликованы обширные отклики на смерть А. Талыбова. Неслучайно и то, что супруга писателя Ханбике-ханум отправила телеграмму о смерти мужа редактору газеты «Сэда» («Эхо») Гашим-беку Везирову. Тегеранская газета «Ирани-нов» оповестила о смерти А. Талыбова лишь месяц спустя, сославшись при этом на материалы бакинской прессы. Думается, факты эти достаточно красноречивы¹².

В монографии Н. А. Талипова допущен и ряд других ошибок. Так, говоря о получении А. Талыбовым образования, автор на с. 144 указывает, что в «Тифлисе будущий писатель поступил в русско-туземное училище на отделение русского языка и литературы». Но уже на следующей странице автор, по сути дела, опровергает самого себя. Он пишет: «Академик Корши знакомил Талыбова с русским языком и литературой. С учеными и общественными деятелями России». К моменту знакомства с академиком Коршем А. Талыбов достаточно хорошо знал русский язык, чтобы через его посредство знакомиться с еврейской литературно-философской и общественной мыслью. В 1896 г. по приглашению академика Корши он читал лекции перед преподавателями и профессорами

Харьковского университета. Кроме того, А. Талыбов выступил в печати и как автор книги «История Магомеда», написанной на русском языке»¹³.

Говоря о деятельности А. Талыбова в Закавказье, автор монографии отмечает: «Он переезжает в Дагестан, где на его средства в Кубе была построена так называемая новометодная школа, в которой он некоторое время учительствует» (с. 144). Но, во-первых, город Куба не входил в состав Дагестанской губернии, а во-вторых, никаких достоверных сведений о пребывании А. Талыбова в Кубе мы не имеем. А. Талыбов долгое время жил в городе Тимур-Хан-Шуре (ныне Буйнакск), где выступил инициатором некоторых культурных начинаний.

Азербайджанский литературовед Мир Джалал Пашаев в статье «Персональные последователи Мирзы Фатали Ахундова», написанной в 1945 г., впервые останавливается на деятельности М. Мелкум-хана, З. Марагани и А. Талыбова, подробно рассказывает о сочинениях последнего, но общественные воззрения А. Талыбова трактует догматически, исходя из вульгаризаторских схем эпохи: «Трудно отыскать что-либо новое в ограниченных взглядах А. Талыбова. В лучшем случае он выступает в роли подражателя и ученика М. Ф. Ахундова»¹⁴. Однако подобного рода суждения Мир Джалала не могли стать помехой на пути изучения творческого наследия А. Талыбова. Свидетельством тому явились серьезные работы, посвященные мыслителю, перевод ряда его произведений на азербайджанский язык. «К сожалению, оценка А. Талыбова как реакционного мыслителя (курсив наш.—В. К.), данная Мир Джалалом с позиции вульгарного социологизма, послужила в какой-то степени причиной того, что философско-социологические взгляды иранского просветителя долгое время не подвергались обстоятельному марксистскому анализу» (с. 9). Несостоятельность этого мнения очевидна, не говоря уже о том, что статья Мир Джалала была опубликована в научном издании, имеющем ограниченный круг распространения в Азербайджане. Странно, что Н. А. Талипов, начисто забывая работы азербайджанских исследователей за последние двадцать лет, посвященные затрагиваемым им проблемам, неуместно раздувает значение статьи Мир Джалала.

Вызывает удивление, что Н. А. Талипов снова превращает в объект полемики проблему, давно решенную литературоведением (проще, автор не столько полемизирует, сколько высказывается безапелляционно). Мы имеем в виду вопрос об авторстве пьес, долгое время приписывавшихся Мелкум-хану, но на самом деле, как установили еще в 1956 г. азербайджанские ученые Х. Мамедзаде и А. Ибрагимов¹⁵, при-

надлежащих перу Мирза-аги Тебризи.

Двенадцать лет спустя, в 1968 г., в «Вестнике АН Армянской ССР» публикуется ответ Арама Будагяна. Повторное издание в Тегеране в 1976 г. пьес Мирза-аги Тебризи заставляет А. Будагяна вновь взяться за перо — спустя семь лет¹⁶. Ему аргументированно ответил знаток наследия М. Ф. Ахундова и М. Мелкум-хана Х. Мамедзаде¹⁷. Казалось бы, вопрос исчерпан. Но Н. А. Талипов, не зная предмета полемики, пытается представить мнение одной стороны — А. Будагяна: «Азербайджанские исследователи Л. А. Ибрагимова (правильно: А. Ибрагимов. — В. К.) и Х. Мамедзаде считают, что настоящим автором этих пьес является не Мелкум-хан, а азербайджанец Мирза-ага. Однако приведенные в статье „О подлинном авторе произведений, приписываемых Мальком-хану“ основные доводы кажутся нам необидительными. А. Будагян (правильно: А. Будагян. — В. К.) также категорически опровергает версию Л. Ибрагимовой и Х. Мамедзаде» (с. 282).

Думается, будь автор серьезно знаком с наследием М. Мелкум-хана, а также с оригиналами пьес Мирза-аги, он придержался бы иной точки зрения. Да к тому же и факты биографии Мелкум-хана делают защищаемую автором гипотезу крайне необидительной. Ведь Мирза Мелкум-хан 18 юношеских лет провел во Франции, где, надо думать, посещал театр. В таком случае (предположим, что подлинным автором пьес является Мирза Мелкум-хан) чем можно объяснить элементарную неосведомленность предполагаемого драматурга в простейших вопросах, связанных с театром? В своих письмах к Мирза-аге М. Ф. Ахундов разъясняет корреспонденту азбуку театра, а такому человеку, как Мирза Мелкум-хан, хорошо усвоившему западную культуру, совершенно не нужно было начинать с азов театрального искусства.

Пункт за пунктом (всего их 14) Х. Мамедзаде убедительно показывает, почему Мирза Мелкум-хана нельзя считать автором приписываемых ему пьес. Поэтому мы не видим необходимости подробно останавливаться на данной проблеме. Отметим лишь, что автор специальной работы о Мирзе Мелкум-хане О. Бахшалнев также подчеркивает авторство Мирза-аги¹⁸. Но книга О. Бахшалнева, как и некоторые другие работы азербайджанских исследователей, Н. А. Талиповым даже не упомянуты.

Известна исключительная роль, которую сыграл Баку в развитии общественной мысли в Иране в первые два десятилетия XX в. Мы уже упоминали о контактах А. Талыбова и З. Марагани с бакинской литературно-общественной средой. Иранцы (в том числе азербайджанцы), приезжавшие в начале века в Северный Азербайджан в надежде на кусок хлеба, проходи-

ли здесь настоящую школу революционной борьбы. Наконец, в оздоровление духовной атмосферы в Иране чрезвычайно велик был вклад журнала «Молла Насреддин», а также сатиры Сабира (А. Сиххат). Почему-то эти существенные факторы не привлекли внимания исследователя. Вне поля зрения Н. А. Талипова осталось также влияние событий в закавказском регионе в целом на усиление революционных настроений в Иране в начале XX в. Такой подход отрицательно сказался на концептуальной целостности монографии.

В работе, посвященной серьезной теме, встречаются и неточности иного рода. Так, автор не унифицировал написание собственных имен, в ряде случаев неоправданно отступил от уже выработавшейся русской традиции передачи восточных имен. Например, имя Абдуррагима Талыбова пишется то как Абд-ор-рагим, то как Абдо-рахим, тогда как установившееся русское написание этого широко распространенного на Востоке имени иное — Абдуррагим. Так же точно существует и русская форма передачи имени З. Марагани — Зейналабдин, а не «Зейн-аль-Абедин» или «аль-Абедин», как то в работе. Сказанное относится и к словам «Сеид». «Мирза», предворяющим большинство имен. По-русски их принято писать с большой буквы. В книге нарушен и этот принцип.

Удивляет и то, что автор монографии причисляет Мустафу Кемалю Ататюрку к просветителям Востока наряду с Намиком Кемалем и Сеидом Ахмед-ханом. Мустафа Кемаль прежде всего был политическим и военным деятелем, предводителем национально-освободительной борьбы турецкого народа. Но у него нет таких общественно-философских произведений, которые позволили бы назвать его просветителем наряду с З. Марагани или А. Талыбовым.

Газета, издававшаяся М. Мелкум-ханом в Лондоне, ошибочно называется «Конун» (правильно «Гапун»). Мы не нашли строго обоснования и для такого утверждения автора (с. 43): «Поэтому неизбежно антифеодальные выступления в Иране, особенно конституционное движение 1905—1911 гг., направленные против основ феодального строя, должны были принимать религиозную форму выступлений против официальной и господствующей феодально-клерикальной идеологии ислама». Неправоммерно механически переносить суждения Ф. Энгельса о Германии XVI в. (к тому же о крестьянских восстаниях) на национально-освободительное движение в Иране в XX в., лидер которого Саттар-хан был охарактеризован В. И. Ленинским как командующий иранской революционной армией. Наподобие движения 1906—1911 гг. вовсе не носило сугубо религиозный характер, и религиозные руководители не могли играть в нем существенной роли.

Путаница с некоторыми датами и фактами, связанными с биографией М. Мел-

кум-хана, также свидетельствует о том, что автор монографии не всегда корректен и точен в обращении с исследуемым материалом. Неправильно указаны год убийства Насреддин-шаха и дата учреждения «Джамийети-Адамията» (с. 55). Название газеты «Хебул-метин» переименовано в «Хебул-метин», русский советский востоковед А. М. Шойтов назван «азербайджанским ученым» и т. д. Наконец, одним из серьезных недостатков исследования является,

на наш взгляд, то, что подлинный анализ сочинений видных представителей общественной мысли Ирана нередко подменяется их пересказом. В целом же монография Н. А. Талипова не дает исчерпывающего ответа на поставленные в ней проблемы. Необходимо продолжить исследования в этой области как в фактологическом, так и в типологическом аспектах.

В. Кулиев

¹ Бакиханов А. К. Записки. Письма. Сочинения. Баку, 1983. С. 321.

² Мәммәдзәдә һ. М. Ф. Ахундов ва Шәрг Баку, 1971. С. 258.

³ Молла Насреддин. 1907. № 3. С. 2.

⁴ Мәммәдзәдә һ. Указ. раб. С. 259.

⁵ Мәнафи М. Мирзә Әбдурраһим Талы-
сов: Һәят вә җарадычылығы. Баку, 1977.
С. 114.

⁶ Көчәрли Ф. Азәрбајҗан әдәбијаты.
Баку, 1981. 2 ч. С. 238.

⁷ Мәнафи М. Указ. раб. С. 14.

⁸ Там же. С. 30.

⁹ Там же. С. 13—22.

¹⁰ Форма обращения, выражает удивле-
ние.

¹¹ Иршад. 1906. № 47.

¹² Мәнафи М. Указ. раб. С. 23.

¹³ Там же. С. 13.

¹⁴ Ахундов М. Ф. Мәгаләләр мәчмуәси.
Баку, 1962. С. 237.

¹⁵ Азәрб. ССР ЕА Низами адына Әдә-
бијат вә Дил Институтунун Әсәрләри. 1956.
Ч. 10.

¹⁶ Будагян А. Еще раз к вопросу об ав-
торстве Мальком Хана // Вестн. общ. наук
АН АрмССР. 1983. № 7.

¹⁷ Мәммәдзәдә һ. Бир даһа Мелкум
хана анд едилән пјесләрин һәгиги мүр-
лифи һаггында // Азәрб. ССР ЕА Хәбәр-
ләри. 1985. № 4.

¹⁸ Бахшалиев О. Мирза Мелкум-хан.
Баку, 1971. С. 64.

Н. КЕЛИМБЕТОВ. ҚАЗАҚ ӘДЕБИЕТІНІҢ ЕЖЕЛГІ ДӘУІРІ

АЛМАТЫ: МЕКТЕП, 1986. 213 б.

Казахский народ обладает материальной и духовной культурой, уходящей своими корнями в седую древность.

В последние годы на филологических факультетах вузов республики по соответствующей программе предпринято изучение древнего периода истории казахской литературы (VI—XV вв.), включающего в себя общец для современных тюркоязычных народов памятники словесного искусства. Однако до сего времени у нас не было специального учебника, посвященного этой эпохе в истории казахской литературы. Недавно вышедшая в свет работа Немата Келимбетова восполнила этот пробел.

Автор учебника знакомит читателей с общетюркским литературным наследием, создававшимся на протяжении длительного исторического периода—со времен древнетюркских каганатов (VI—VIII вв.) и вплоть до возникновения самостоятельного

казахского ханства (XV в.).

Работа Н. Келимбетова представляет собой серьезное исследование, обогащающее наши представления об общих истоках древней истории и культуры тюркоязычных народов. Автор умело и эффективно использует новейшие достижения советской науки в области истории, этнографии, археологии, литературоведения и языкознания, он обращается к редким рукописям и архивным материалам.

Работа состоит из введения, намечающего периодизацию многовекового исторического пути казахской литературы, трех основных частей и заключения. В первой части дан всесторонний анализ памятников тюркской литературы VI—IX вв., а именно надгробных рунических надписей, восхваляющих деяния Кюль-тегина, Бильге-кагана и Тоньюкука (эти надписи, на наш взгляд, правильно всего было бы считать

историко-героическими поэмами), дастанов «Книга моего деда Коркуда» и «Огузнаме», стихов и трактатов по теории словесности Абу Насра аль-Фараби.

Этот анализ автор предваряет обстоятельным рассказом, содержащим не только сведения о древнетюркском языке и письменности, что естественно, но и характеристики тюркских каганатов, древнетюркских городов с их своеобразной архитектурой, обычаям и верованиям далекой эпохи.

В процессе анализа, и это особенно важно, исследователь обращает внимание читателя на те содержательные и формальные особенности древнетюркских литературных памятников, которые находят соответствие в казахском эпосе, в поэзии жырау и акынов. Например, мотивы дидактико-философских раздумий мудрого старца Тоньюкука ясно угадываются в толгау — завещаниях Бухара-жырау, жившего спустя тысячу лет после него, в XVIII в. Отстаивая родную землю от неприятеля, батыр Кюль-тегин многократно рискует жизнью. Ратные деяния Кюль-тегина [«Имевших колени он заставил преклонить (колени), имевших головы он заставил склонить (головы)»], описания его коня, реплики героя во время поединков с врагами, эпизод прощания с любимой, речь, обращенная к народу, — все это удивительно напоминает соответствующие моменты в казахском героическом эпосе. В дастанах «Камбар-батыр», «Ер-Таргын», «Кобланды-батыр» часто встречаются крылатые слова, речения, устойчивые словосочетания, которые можно найти и в поэме о Кюль-тегине. Таких примеров близкого сходства между руническими письменными памятниками, с одной стороны, и казахским эпосом, поэзией жырау и акынов XV—XVIII вв. — с другой, можно привести множество. Это говорит о том, что традиции народной поэзии не прерывались на протяжении веков.

Среди казахов широко распространены легенды, предания, назидания, пословицы и поговорки, крылатые слова, связанные с именем деда Коркуда. Н. Келимбетовым дан обстоятельный разбор всех двенадцати пассажей, составляющих «Книгу моего деда Коркуда». При этом автор подчеркивает то обстоятельство, что один из них — «Рассказ о Бамсы-Бейреке» — по своему идейному содержанию и композиционной структуре очень близок казахскому эпосу «Алпамыс-батыр».

Во второй части учебника Н. Келимбетов ведет речь о наиболее ярких литературных творениях X—XII вв. В то время в Караханийском государстве, возникшем на бескрайних просторах Семиречья, производительные силы и культура тюрков поднялись на более высокую ступень в своем

историческом развитии. Свидетельством этих процессов явились всемирно известные произведения Юсуфа Баласагуни — «Кутадгу билиг» («Благодатное знание»), Махмуда Кашгари — «Дивани лугат ат-тюрк» («Словарь тюркских языков»), Ахмада Югнаки — «Хибат ал-хакаик» («Подарок истин»).

В последующие века эти литературные памятники оказали огромное влияние на развитие культуры и литературы всех тюркоязычных народов, о чем подробно и аргументированно говорится в рецензируемом учебнике. Грандиозное творение Юсуфа Баласагуни (85 глав, 6645 бейтов), ученого-энциклопедиста, мыслителя, поэта, явилось неиссякаемым источником и для казахской словесности, черпавшей из него «благодатное знание» и поэтические богатства.

Автор подробно излагает социальные взгляды Юсуфа Баласагуни, его представления о справедливом государственном устройстве, подчеркивает гуманистический смысл его нравственной философии. Отметим, что недавно был опубликован казахский перевод творения Юсуфа Баласагуни².

В «Кутадгу билиг» можно найти множество поэтических оборотов, крылатых речений, философских и дидактических сентенций, впоследствии подхваченных казахскими жырау и акынами. Вот характерные примеры. Юсуф Баласагуни пишет:

Как море, душа человека бездонна,
В ней жемчуг познания потаенный.
А тот, кому жемчуг добыть не дано,
Жемчужный ли, каменный он —
все равно!³
(211-й и 212-й бейты)

С этими бейтами явственно перекликаются строки жырау Асан-Кайгы (XV в.):

Чистейший и бесценный жемчуг
На дне морском в тиши лежит.
Чистейшее, цены безмерной, слово
Во глубине души лежит.
Тот жемчуг, что на дне морском
лежит,

Порой выносит бурная волна.
Чистейшее, безмерной мысли, слово
Выносит горе с глубины, со дна⁴.

Юсуф Баласагуни отмечает, умудренный жизнью:

Все, кого я любил, всей душой ценял,
Нынче мучат меня, — кто ж из них
будет мил?!
(6578-й бейт)

² Жүсіп Баласағұн. Құтты білік/Аударған А. Егеубаев. Алматы: Жазушы, 1986.

³ Юсуф Баласагуни. Благодатное знание/Пер. С. Н. Иванова. М.: Наука, 1983. С. 46.

⁴ Поэты Казахстана, Л.: Сов. писатель, 1978. С. 72.

¹ Стеблева И. В. Поэзия тюрков VI—VIII веков. М.: Наука, 1965. С. 114.

Столь же горько и признание великого
Абая:

И друзья, и враги меня обманули,
Верить кому-то теперь я смогу ли?⁵
(Подстрочный перевод)

Постоянно встречаются в «Кутадгу билиг» присущие современному казахскому языку обороты, сравнения, пословицы и поговорки:

Язык придержал—и цела голова,
И долог твой век, если кратки слова.
(176-й бейт)

Кто доброе в детстве всосал
с молоком,
До смерти он только к добру
и влеком.
(881-й бейт)

И тяжким раненьям дано заживать,
А злобе дано нескончаемо жечь!
(2580-й бейт)

Идейно-смысловые эквиваленты этих бейтов ныне бытуют у казахского народа в следующих интерпретациях: «Неосторожно сказавший умрет не болея», «Вошло с молоком — уйдет со смертью», «Палка ранит тело, а слово — душу» и т. д.

Эпоха Золотой Орды (XIII—XV вв.) явилась для кыпчакских степей чрезвычайно тяжелым испытанием. Монгольское нашествие подорвало экономические и культурные основы жизни края. Экскурс в социальную историю того времени, предпринятый автором учебника, позволит студен-

там глубже проникнуть в идейно-художественный мир таких произведений, как «Мухаббат-наме» Хорезми, «Хосров-Ширин» Кутба, «Гулистан бит-турки» («Гулистан по-тюркски») Сайфа Саран, которые анализируются в третьей части работы.

Для постижения древнего периода истории казахской литературы огромное значение имеют и летописи, написанные на исторические темы. Автор обстоятельно характеризует летописные своды, в числе которых следует выделить «Шаджарат ат-турки» («Летопись тюрков») знаменитого Абу-л-Гази Бахадур-хана, «Жамиг ат-тауарих» («Сборник летописей») Кадыргали Жалаири, «Тарих-и Рашиди» («История Рашида») первого казахского историка Мухамед-Хайдара Дулати, «Бабыр-наме» Захириддина Бабура.

Литература древнего периода истории казахского народа, являющаяся общей для всех тюркоязычных народов, воспевала наиболее ценные человеческие качества — истинную дружбу и любовь, справедливость, привязанность к родной земле, тягу к знаниям. Она оказала существенное влияние на развитие тюркской общественной мысли, а в последующие исторические периоды послужила основой для возникновения и становления самостоятельных тюркоязычных литератур, в том числе и литературы казахского народа.

Такой вывод можно сделать по прочтении квалифицированной и очень нужной работы Н. Келимбетова, которая, безусловно, привлечет живой интерес читателей, не равнодушных к истории родной словесности.

Р. Бердибаев

⁵ *Абай Құнанбаев. Өлеңдер мен поэмалар. Алматы: Ғылым, 1977. 1 том, 53 бет.*

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

НОВОЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ В ТУРЦИИ

В Турции создано новое Лингвистическое объединение — Дил дернеги. На учредительном собрании председателем его был избран проф. Джеват Герай, заместителем — поэт Тахсин Сарач, генеральным секретарем — Айдын Кексаль. В руководящий совет организации вошли Али Рыза Ондер, Халдун Озен, Рефет Эрми, Али Пюсюкюллоглу, Бешир Гейюш, Орхан Асена, Атилла Гёктюрк. Членами нового объединения стали многие известные писатели, ученые, общественные деятели — Азиз Несин, Октай Акбал, Яшар Кемаль, Самин Коджагёз, проф. Хюсюн Гёксель.

На учредительном собрании был принят устав Лингвистического объединения, который определил его цели и задачи. В уставе, в частности, говорится: «Цель Лингвистического объединения — опираясь на революционное мышление и достижения науки, стремиться к очищению турецкого языка от иноязычной лексики, развивать язык с тем, чтобы он более полно удовлетворял потребности в научных, технических, культурных терминах.

Для достижения поставленной цели Лингвистическое объединение опирается на современные научные методы исследований и ставит перед собой следующие задачи:

- собирать и систематизировать тюркскую лексику из письменных и устных литературных и культурных памятников;
- подготовить словари, способствующие развитию современного турецкого языка;
- вести научные исследования по грамматике турецкого языка, создать историческую и сопоставительную грамматику современного турецкого языка;
- на базе турецкого языка создать научные, культурные, технические термины, которые должны заменить иностранные;
- знакомить широкие круги общественности с целями и задачами Лингвистического объединения, пропагандировать научные труды членов объединения, воспитывать у молодого поколения осознание родного языка, ежегодно отмечать День Линг-

вистического объединения и Праздник языка;

— с целью распространения и пропаганды достижений языкознания наладить связь с официальными и частными организациями, учебными заведениями, радио, телевидением, прессой и совместно с ними организовывать встречи, конференции, выставки, конкурсы, вручение премий;

— издавать труды членов Лингвистического объединения, а также выполненные другими учеными по заказу объединения;

— оказывать поддержку другим учреждениям и организациям, деятельность которых соответствует целям Лингвистического объединения;

— в соответствии со статьями 11 и 43 Закона об обществах и объединениях, а также уставом Лингвистического объединения установить научные связи с аналогичными иностранными институтами и обществами, организовывать научные встречи, выполнять совместные работы, участвовать в различных международных научных форумах, осуществлять обмен учеными и специалистами».

С 1988 г. Лингвистическое объединение издает в Анкаре «Журнал современного турецкого языка».

Несколько раньше в Стамбуле начал выходить «Журнал турецкого языка», редактируемый писателем Ахмедом Мискиноглу. Основная цель издания — поддержка процесса очищения литературного языка от инонациональной лексики. В статьях, опубликованных в первых шести номерах, в основном затрагиваются проблемы «языковой революции», развития современного литературного языка, вопросы, связанные с созданием новых научных, технических и культурных терминов и т. д. Авторами журнала являются известные ученые и литераторы — Омер Асым Аксой, Берке Вардар, Нерми Уйгур, Бедиа Акарусу, Эмин Оздемир, Конур Эртол и др.

Т. Меликоз

P E R S O N A L I A

ГОРДОСТЬ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Исполняется 80 лет видному азербайджанскому языковеду, академику АН Азербайджанской ССР, лауреату республиканской Государственной премии, заслуженному деятелю науки, доктору филологических наук, профессору Мамедаге Ширали оглы Ширалиеву.

Вся его сознательная жизнь отдана беззаветному служению науке. С 1942 г. он работает в Азербайджанском государственном университете — заведующим кафедрой, деканом факультета, проректором. С 1949 г. по настоящее время научная деятельность М. Ш. Ширалиева связана с АН Азербайджанской ССР, где он возглавлял Институт языкознания, в котором заведовал отделами диалектологии, сравнительного изучения тюркских языков, а затем занимал должность академика-секретаря Отделения общественных наук.

В 1941 г. М. Ш. Ширалиев защитил диссертацию на тему: «Бакинский диалект», получившую высокую оценку научной общественности, и ему была сразу присвоена ученая степень доктора филологических наук.

С именем М. Ш. Ширалиева связана разработка широкого круга теоретических проблем азербайджанского языкознания. Ученым были классифицированы диалекты и говоры азербайджанского языка, проанализированы их звуковой состав и морфологические особенности, в том числе и признаки, отличающие диалекты от литературного языка, уяснено место азербайджанского языка в системе тюркских языков, выявлены интересные факты, представляющие большую ценность для изучения языковой истории. Венцом двадцатилетних диалектологических штудий М. Ш. Ширалиева является книга «Азербайжан диалектологиясынын эваслары» («Основы азербайджанской диалектологии») — первое в советской тюркологии фундаментальное монографическое исследование диалектов. Эта книга и по сей день сохраняет свою значимость как научный труд и как учебное пособие для соответствующих факультетов вузов. Недавно работа была опубликована на русском языке.

Больших успехов добился М. Ш. Ширалиев в исследовании тюркских языков методом лингвистической географии. Составленный под его руководством и на основе выдвинутых им принципов «Диалектологический атлас азербайджанского языка» стал первым оригинальным научным трудом, созданным в этой области в тюркоязычных республиках. И неслучайно еще в 1965 г. на состоявшемся в Баку совещании по проблемам тюркской диалектологии руководство работой по составлению диалектологического атласа тюркских языков советские ученые доверили именно М. Ш. Ширалиеву. В 1966 г. на XI тюркологическом съезде, проходившем в Анкаре, М. Ш. Ширалиев представил на обсуждение доклад, явившийся результатом долгого и кропотливого труда в указанной области. Доклад был по достоинству оценен ведущими тюркологами всего мира.

Значительный вклад внес ученый и в изучение истории формирования и становления современного литературного азербайджан-

ского языка, определения лежащего в его основе диалекта.

Научные поиски акад. М. Ш. Ширалиева, как уже было сказано, не ограничиваются одной диалектологией. Его многогранная деятельность охватывает различные области языкознания. Суждения выдающегося ученого неизменно отличаются оригинальностью, они основываются на тщательной проработке и теоретическом осмыслении материала. Вот характерный пример. После 1950 г. одной из самых спорных проблем не только азербайджанского языкознания, но и всей тюркологии в целом становится проблема «оборота» и «придаточного предложения». Трудность заключалась в разграничении понятий. Исходя из специфики и внутренних закономерностей азербайджанского языка, ученый убедительно доказал, что причастные и деепричастные обороты не могут быть придаточными предложениями, и тем самым положил конец научным спорам вокруг этой проблемы.

Исследования М. Ш. Ширалиева в области прикладной лингвистики, развития национальных языков, орфографии, терминологии, культуры речи играют важную роль в решении ряда важнейших и актуальных проблем азербайджанского языкознания.

Ученый достойно представляет Азербайджан за границей. Так, в 1953 г. он работает в Болгарской Народной Республике, возглавляя кафедру турецкой филологии в Софийском университете. В 1963 г. по приглашению польского института востоковедения он читает лекции по актуальным проблемам советской тюркологии в Варшавском университете, в Краковском институте востоковедения. М. Ш. Ширалиев неоднократно являлся участником съездов языковедов, проходивших в Турции.

М. Ш. Ширалиев вложил немало труда и в дело подготовки высококвалифицированных кадров тюркологов как в Азербайджане, так и в других тюркоязычных республиках. Под его руководством были успешно защищены десятки кандидатских и докторских диссертаций. Многие специалисты, работающие в других республиках, имеют моральное право считать себя учениками проф. М. Ш. Ширалиева, и по сей день принимающего живое участие в подготовке кадров, в руководстве научными работами и т. д.

Проблемы методики преподавания азербайджанского языка в средней школе всегда привлекали пристальное внимание М. Ш. Ширалиева. Он является главным автором учебника «Азербайджан дили» («Азербайджанский язык»), считающегося по объему материала, доступности изложения и удачным дидактическим принципам подачи языковых явлений одним из лучших учебных пособий такого рода.

В 1970—1987 гг. проф. М. Ш. Ширалиев являлся главным редактором всесоюзного журнала «Советская тюркология». Деятельность видного ученого-тюрколога, направленная на повышение научного уровня журнала, пропаганду достижений современного языковедения, получила высокую оценку специалистов.

Научные и общественные заслуги проф. М. Ш. Ширалиева были отмечены высокими правительственными наградами.

В настоящее время проф. М. Ш. Ширалиев работает в должности советника при дирекции Института языкознания им. Насими АН Азербайджанской ССР, отдавая все свои знания, научный и жизненный опыт воспитанию молодых азербайджанских лингвистов.

Ф. Ф. Халыгов

ОТ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ

Советский комитет тюркологов сердечно поздравляет Мамадагу Ширали оглы Ширалиева со славным юбилеем, желает ему

добраго здоровья, благополучия, дальнейших успехов в научной деятельности.

Э. Р. Тенишев, С. Н. Иванов, К. М. Мусаев

Н Е К Р О Л О Г

ЗАРИФА ИСМАИЛ КЫЗЫ БУДАГОВА

10 ноября 1989 г. скончалась директор Института языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР, член-корреспондент АН АзССР, доктор филологических наук, профессор Будагова Зарифа Исмаил кызы.

З. И. Будагова родилась в 1929 г. После окончания Азербайджанского педагогического института им. В. И. Ленина в 1949 г. была принята в аспирантуру. В 1953 г. защитила кандидатскую, а в 1963 г. — док-

торскую диссертацию. С 1955 г. до самой кончины руководила отделом современного азербайджанского языка академического Института языкознания. С 1987 г. одновременно являлась директором этого института.

Профессор З. И. Будагова была первой женщиной-азербайджанкой, защитившей диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук и избранной членом-корреспондентом Академии наук республики в области филологии. Ее перу принадлежит около 150 трудов в различных областях азербайджанского языкознания и тюркологии. Под руководством З. И. Будаговой защищены 25 кандидатских и 10 докторских диссертаций.

З. И. Будагова принимала активное участие в научно-организационной и общественной жизни республики, избиралась делегатом XXXI съезда КП Азербайджана, членом ряда ученых и специализированных советов. Трудовая деятельность З. И. Будаговой была отмечена орденом «Знак Почета».

Годы совместной работы с Зарифой Исмаил кызы Будаговой надолго останутся в памяти ее коллег.

М. А. Махмудов

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» В 1989 ГОДУ (№ 1—6)

	№	Стр.
<i>Кормушин И. В., Мусаев К. М.</i> (Москва), <i>Орузбаева Б. О.</i> (Фрунзе). За всемерное развитие тюркского языкознания в новых общественно- -венных условиях советской действительности	1	3— 15
<i>Тенишев Э. Р.</i> (Москва). Советскому комитету тюркологов пятнадцать лет	5	3— 12

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Абдуллаев К. М.</i> (Баку). О соотношении структурного и коммуникативного аспектов дополнения в азербайджанском языке	5	18— 21
<i>Ахматов И. Х.</i> (Нальчик). Формально-семантический анализ косвенно- -субъектных предложений в тюркских языках	6	11— 17
<i>Благова Г. Ф.</i> (Москва). Языковое выражение отношения «автор—адресат» в «Бабур-наме»	1	16— 27
<i>Джанибеков Х. С.</i> (Нальчик). О номинализированных параллелях глагольного сказуемого в карачаево-балкарском языке	2	3— 15
<i>Исмаилов М. С., Шахнарович А. М.</i> (Москва). Грамматическое выражение пространственных отношений в русском и узбекском языках	2	16— 21
<i>Мусаев К. М.</i> (Москва). Современные проблемы терминологии на тюркских языках СССР	4	18— 30
<i>Насилов Д. М.</i> (Ленинград). Взаимосвязи функционально-семантических полей в тюркских языках	1	28— 31
<i>Насилов Д. М., Храковский В. С.</i> (Ленинград). Типы соотношений между формами и синтаксическими функциями глагола	4	31— 34
<i>Соколов С. А.</i> (Москва). Категория определенности—неопределенности как система выражения коммуникативных и семантико-синтаксических отношений	1	32— 41
<i>Тенишев Э. Р.</i> (Москва). К вопросу о происхождении киргизов и их языка	4	13— 17
<i>Томанов М. Т.</i> (Алма-Ата). Принципы построения исторической грамматики казахского языка	5	13— 17
<i>Тумашева Д. Г., Ирисов Н. И.</i> (Казань). К вопросу о падежном характере аффиксов <i>-дагы</i> и <i>-ныкы</i>	6	3— 10
<i>Ховратович В. В.</i> (Москва). Семантика неопределенных местоимений	5	26— 37
<i>Храковский В. С.</i> (Ленинград). Тюркский залог с позиций универсальной концепции диатез и залогов	5	22— 25

ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА.

<i>Бердибаев Р.</i> (Алма-Ата). Роль фольклора в развитии казахской литературы	5	38— 42
<i>Войтов В. Е.</i> (Москва). Онгинский памятник. Проблемы культуроведческой интерпретации	3	34— 50

	№	Стр.
<i>Газизова А. А.</i> (Москва). Роль памяти в идейно-художественной структуре повестей Ч. Айтматова	3	24— 33
<i>Ганиева Р. К.</i> (Казань). Г. Ибрагимов и литературы Советского Востока	2	22— 28
<i>Ермолаев В. Ф.</i> (Якутская АССР). Орхонские тюрки VI—VIII вв. и якутское олонхо	4	42— 48
<i>Калдыбаев Т.</i> (Ташкент). «Бозжигит» как образец казахских народных книг	4	35— 41
<i>Караева З. Б.</i> (Черкесск). Взаимодействие карачаево-балкарского фольклора и современной литературы	4	49— 54
<i>Кулиева-Кавказлы Х.</i> (Баку). Пир Султан Абдал и турецкая литература	1	54— 59
<i>Мамедов Н. Дж.</i> (Баку). М. Ф. Ахундов	1	42— 53
<i>Меликов Т. Д.</i> (Москва). Турецкий верлибр и национальная поэтическая традиция	5	43— 49
<i>Мехтиев Н.</i> (Баку). Место тюркских языков в системе концентрической модели средневековой мусульманской культуры	6	18— 25
<i>Молдобаев И. Б.</i> (Фрунзе). Эпос «Манас» как историко-этнографический источник	3	17— 23
<i>Моллова М.</i> (Болгария). Тюркские слова Tulum, Tobalaq, Yez, Qarsa в «Codex Sumanicus»	2	34— 39
<i>Нахмедов А. П.</i> (Баку). Основные пути развития тюркских народных театров	4	55— 61
<i>Османова З. Г.</i> (Москва). О некоторых закономерностях формирования литератур нового типа в предоктябрьской России	3	3— 16
<i>Якубова С. З.</i> (Баку). Гамид Араслы и азербайджанская фольклористика	2	29— 33

ПРОБЛЕМЫ КОРКУДОВЕДЕНИЯ

<i>Алиаров С. С.</i> (Баку). «Книга Коркуда»: проблемы комплексного историко-филологического исследования	4	62— 75
<i>Гаджиев Т. И.</i> (Баку). О двух синтаксических особенностях языка «Китаби Деде Коркуд»	5	50— 60
<i>Короглы Х.</i> (Москва). Депенгез и Полифем	4	76— 83

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

<i>Агаджанов С. Г., Жданко Т. А., Мухамедьяров Ш. Ф.</i> (Москва), <i>Табышалиев С. Т.</i> (Фрунзе). Состояние и задачи изучения этнических и историко-культурных связей тюркских народов СССР	4	84— 96
--	---	--------

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

<i>Баскаков А. Н., Крючкова Т. Б.</i> (Москва). Актуальные проблемы языковой жизни тюркоязычных республик Средней Азии и Казахстана	5	61— 74
<i>Каражаев Ю. Д.</i> (Эльхотово). О двух тюркских названиях Полярной звезды в осетинской космогонии	6	36— 43
<i>Мусаев К. М.</i> (Москва). Тюркско-иранские языковые связи	6	26— 35
<i>Ураксин Э. Г.</i> (Уфа). Проблемы двуязычия и многоязычия в Башкирии	5	75— 79

ОНОМАСТИКА

<i>Бушаков В. А.</i> (Аскания-Нова). Семантический анализ крымских ойконимов с топоформантами <i>-сала, -кой, -эль/-эли</i> и аффиксом <i>-лар/ -лер</i>	2	40— 49
<i>Валеев Б. Ф.</i> (Казань). О топонимии сибирских татар	2	50— 58
<i>Гарипова Ф.</i> (Казань). Топонимические названия Среднего Поволжья, восходящие к болгарскому периоду	3	68— 78
<i>Жакипов А.</i> (Кзыл-Орда). О происхождении некоторых терминов верблюдоводства в казахском языке	2	59— 63
<i>Саадиев Ш. М.</i> (Баку). Категориальная дифференциация азербайджанских антропонимов	3	51— 60
<i>Саттаров Г. Ф.</i> (Казань). Башкиризмы в топонимии Татарии	3	61— 67
<i>Шервашидзе И. Н.</i> (Москва). Еще раз об этимологии имен <i>Ařina</i> и <i>Attila</i> —Авитохоль	3	79— 81

	№	Стр.
ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ		
<i>Буниятов З. М.</i> (Баку). Об одном чагатайском сочинении по истории Хорезма	2	69—75
<i>Махмудов Н. М.</i> (Ташкент), <i>Нурманов А. Н.</i> (Андижан), <i>Сеидов Ю. М.</i> (Баку). Есть ли в азербайджанском языке (вообще в тюркских языках) отрицательные местоимения?	1	60—62
<i>Трофимов М. И.</i> (Новосибирск). К вопросу о производной и непроемной долготе гласных в тюркских языках	6	44—53
<i>Ходжиев А. П.</i> (Ташкент). Спорные вопросы в системе словообразования тюркских языков	2	64—68

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Алиев В. Г.</i> (Баку). Перифрастические формы глагола в азербайджанском языке	6	62—69
<i>Баскаков Н. А.</i> (Москва). Титулы и звания в социальной структуре бывшего Хивинского ханства	1	63—70
<i>Гапаров С. Г.</i> (Ош). Основные художественно-синтаксические способы связи частей киргизских пословиц, имеющих структуру бессоюзного сложносочиненного предложения	4	107—112
<i>Дрон И. В.</i> (Жиганск). Является ли Кишинёу латинизмом или тюркизмом?	1	80—86
<i>Дыбо А. В.</i> (Москва). К истории традиционных антропометрических терминов (среднеазиатская мера длины qaqı и др.)	1	71—79
<i>Исмайлов Х.</i> (Москва). Абдулхамид Чулпан — как переводчик	3	82—89
<i>Лайош Лигети</i> (ВНР). М. А. Федотов, Б. Мункачи о тюркских элементах в венгерском языке // Сов. тюркология. 1985. № 1	1	87—92
<i>Мамедов М. Б.</i> (Баку). Структурно-семантическая связь слова с предложением в азербайджанских пословицах и поговорках	4	97—100
<i>Оразаев Г. М.-Р.</i> (Махачкала). Арабографические источники XVII—начала XX в. по истории кумыкского языка	3	90—96
<i>Сафаров П. С.</i> (Самарканд). К формированию зоонимии узбекского языка: названия коз и овец	5	85—92
<i>Турниязов Н. К.</i> (Самарканд). О трансформационном и деривационном процессах (на материале современного узбекского языка)	2	81—84
<i>Умаров Э. А.</i> (Ташкент). Способы описания фонетической структуры слова в староузбекских словарях	5	80—84
<i>Филиппов Л. К.</i> (Саратов). Татарский язык в жизни Н. Г. Чернышевского	6	54—61
<i>Хаджилаев Х.-М. И.</i> (Карачаевск). О карачаево-балкарских и бесермянских лексических сходжениях	2	76—80
<i>Хыдыров Дж. В.</i> (Баку). Из истории общественной мысли иракских туркман	4	101—106

НАСЛЕДИЕ

<i>Багиров Г.</i> (Баку). Неопубликованные документы из истории развития грамматической мысли в Азербайджане	6	73—82
<i>Благова Г. Ф., Поцелуевский Е. А.</i> (Москва). Владимир Михайлович Насилов	3	97—96
<i>Насилов В. М.</i> (Ленинград). Наблюдения над образованием производственных терминов узбекского и таджикского языков в условиях фабричной техники	3	99—103
<i>Тагирзаде А. Ш., Гулиев А. Г.</i> (Баку). Абдулла Шарифов	2	85—86
<i>Тагирзаде А., Гулиев А.</i> (Баку). Профессор Гулам Багиров	6	70—71
<i>Шарифов А.</i> (Баку). О принципах классификации грамматических категорий тюркского языка	2	87—96

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Беседа с О. О. Сулейменовым. Тюркология: вчера, сегодня, завтра	6	83—106
---	---	--------

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

<i>Бородина М. А.</i> (Ленинград). Атлас и текст	3	110—112
<i>Грунина Э. А., Благова Г. Ф.</i> (Москва), <i>Гузев В. Г.</i> (Ленинград) и др. Приоритетные направления лингвистических исследований для планирования и выбора тем диссертационных работ	5	97—101

	№	Стр.
<i>Дадашев Т. П.</i> (Баку). О реформе алфавита в Турции	2	101—103
<i>Касевич В. Б., Насилов Д. М.</i> (Ленинград). О проекте машинного фонда тюркских языков	2	97—100
<i>Кули-заде З. А.</i> (Баку). Актуальные проблемы современной тюркологии	6	107—109
<i>Сат Ш. Ч., Доржу Л. Ю.</i> (Кызыл). К изучению тувинского языка в КНР	5	93—96

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Агаев А. Г.</i> (Баку). Бајрам Әһмәдов. Азәрбајҗан дили шивәләриндә сөз јарадычылыгы	3	116—117
<i>Айдаров Т., Оразов М.</i> (Ташкент). А. М. Меметов. Источники формирования лексики крымско-татарского языка	1	98—99
<i>Ахметьянов Ф.</i> (Казань). А. Г. Қаримуллин. Татары: этнос и этноним	4	115—116
<i>Бердибаев Р.</i> (Алма-Ата). Н. Келімбетов. Қазақ әдебиетінің ежелгі дәуірі	6	115—117
<i>Галиуллин К.</i> (Казань). Татарско-русский словарь	3	114—116
<i>Гузев В. Г.</i> (Ленинград), <i>Каменова О. Н., Напольнова Е. М.</i> (Москва). Э. А. Грунина. Учебное пособие по османско-турецкому языку	5	102—104
<i>Есенов Х. М., Алиев Ф. Ф.</i> (Алма-Ата). Мергенбаев Е. Туркий тиллердеги басқарыу арқалы байланысқан атауыш сөз дизбеклери	2	111—113
<i>Каримов К. К., Шарипова К. А.</i> (Ташкент). М. Сапаров. Взаимоотношения тюркских языков Хорезмского оазиса	1	102
<i>Кулиев В.</i> (Баку). Н. А. Талипов. Общественная мысль в Иране в XIX — начале XX в.	6	111—115
<i>Мазитова Ф. Л.</i> (Казань). Ономастика Татарии	5	106—107
<i>Мамедов А.</i> (Баку), <i>Чеченов А. А.</i> (Москва), <i>Кажибеков Е. З.</i> (Алма-Ата). Юсупов Ф. Ю. Изучение татарского глагола	1	93—96
<i>Мамедов Н. Дж.</i> (Баку). Горькие плоды некомпетентности	5	107—111
<i>Мусаев М. М.</i> (Баку). Н. Нартыев. Строй сложного предложения в современном туркменском языке	3	113—114
<i>Насилов Д. М.</i> (Ленинград), <i>Хисамова Ф. М.</i> (Казань). Д. Г. Тумашева. Татарский глагол: Опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий	2	110—111
<i>Нелунов А. Т.</i> (Якутск). П. А. Слепцов. Якутский литературный язык: истоки, становление норм	5	104—106
<i>Нигматов Х. Г.</i> (Бухара), <i>Абдуазизов А. А.</i> (Ташкент). Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология	4	113—114
<i>Нургалиев Р.</i> (Алма-Ата). Сәтбаева Ш. Қ. Шоқан Уәлиханов—филолог	1	101—102
<i>Османлы С.</i> (Баку). А. Дж. Гаджиев. Этапы литературного братства	2	104—108
<i>Салманов Ш.</i> (Баку). Т. Д. Меликов. Назым Хикмет и новая поэзия Турции	1	96—98
<i>Улаков М. З.</i> (Нальчик). И. М. Отаров. Очерки карачаево-балкарской терминологии	1	99—101
<i>Халикова Р. Х.</i> (Казань). Творчество Ризы Фахретдинова	3	117—119
<i>Чеченов А. А.</i> (Москва). Ф. С. Хакимзянов. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. Д. Т. Мухаметшин, Ф. С. Хакимзянов. Эпиграфические памятники города Булгара	2	108—110
<i>Шерматов А. Ш., Меметов А.</i> (Ташкент). Р. Расулов. Узбек тилидаги ҳолат феълари ва уларнинг облигатор валентликлари: (Глаголы состояния в узбекском языке и их облигаторные валентности)	4	116—117
<i>Шукюрли А. Дж.</i> (Баку). А. Гурбанов. Азәрбајҗан дилинин ономологіясы	6	110—111

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Данилова Л. В.</i> (Ташкент). Выездная сессия бюро Отделения литературы и языка АН СССР	1	103—105
<i>Кормушин И. В., Чеченов А. А.</i> (Москва). XIV пленум Советского комитета тюркологов	5	118—119
<i>Меликов Т.</i> (Москва). Новое Лингвистическое объединение в Турции	6	118
Обращение Советского комитета тюркологов	5	112—117
Резолюция XIV пленума Советского комитета тюркологов при Отделении литературы и языка Академии наук СССР	5	119—121
Резолюция Всесоюзного совещания по созданию машинного фонда		

	№	Стр.
тюркских языков СССР и базы компьютеризации тюркологических исследований	5	121
Танкаева Г. (Алма-Ата). В доме великого Мастера	4	118—120
Фомкин М. С. (Ленинград). Памяти академика А. Н. Кононова	1	103

PERSONALIA

Благова Г. Ф., Кормушин И. В., Поцелуевский Е. А., Тенишев Э. Р. (Москва). Эмир Наджилович Наджип	2	115—117
Васильев Ю. И., Ефремов Н. Н. (Якутск). Николай Егорович Петров	4	124—125
Ганиев Ф. (Казань). Гибад Алпаров	4	122—123
Ганиев Ф. А., Фатхутдинова В. Г. (Казань). Энвер Махмутович Ахунзянов	4	123—124
Доспанов У. Д. (Нукус). Зайтуна Хакимовна Насруллаева	5	123—124
Доспанов У. Д. (Нукус). Науруз Жапаков	3	123—124
Егоров Н. И. (Чебоксары). Иван Павлович Павлов	1	108
Котлеев В. И. (Чебоксары). Леонид Павлович Сергеев	5	122—123
Мамбетназаров К. (Нукус). Кабул Максетович Максетов	3	122—123
Мамедов Н. Дж. (Баку). Мамед Джафар Зейналабдин оглы Джафаров	3	120—122
Сергеев Л. П., Чернов М. Ф. (Чебоксары). Николай Петрович Петров	3	124—125
Тенишев Э. Р. (Москва), Кайдаров А. Т., Махпиров В. У. (Алма-Ата). Гожахмет Садвакасович Садвакасов	5	124—125
Убрятова Е. И. (Новосибирск), Благова Г. Ф., Тенишев Э. Р., Широкова Н. Н. (Москва). Мелитина Александровна Бородина	2	114—115
Ураксин Э. Г. (Уфа). Нагим Хажигалиевич Ишбулатов	1	1—107
Ураксин Э. Г., Сибгатов Р. Г. (Уфа). Гали Галиевич Сантбатталов	1	109
Халыгов Ф. Ф. (Баку). Гордость азербайджанского языкознания	6	119—120
Ширалиев М. Ш. (Баку). Юсуф Аббас оглы Мирбабаев	4	121—122

НЕКРОЛОГ

Махмудов М. А. (Баку). Зарифа Исмаил кызы Будагова	6	121
--	---	-----

С О Д Е Р Ж А Н И Е
СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Д. Г. Тумашева, Н. И. Ирисов (Казань). К вопросу о падежном характере аффиксов *-дагы* и *-ныкы* 3
И. Х. Ахматов (Нальчик). Формально-семантический анализ косвенно-субъектных предложений в тюркских языках 11

ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА

- Н. Мехтиев (Баку). Место тюркских языков в системе концентрической модели средневековой мусульманской культуры 18

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- К. М. Мусаев (Москва). Тюркско-иранские языковые связи 26
Ю. Д. Каражаев (Эльхотово). О двух тюркских названиях Полярной звезды в осетинской космогонии 36

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- М. И. Трофимов (Ош). К вопросу о производной и непроизводной долготе гласных в тюркских языках 44

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Л. К. Филиппов (Саратов). Татарский язык в жизни Н. Г. Чернышевского 54
В. Г. Алиев (Баку). Перифрастические формы глагола в азербайджанском языке 62

НАСЛЕДИЕ

- А. Тагирзаде, А. Гулиев (Баку). Профессор Гулам Багиров 70
Г. Багиров (Баку). Неопубликованные документы из истории развития грамматической мысли в Азербайджане 73

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

- Беседа с О. О. Сулейменовым. Тюркология: вчера, сегодня, завтра 83

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

- З. А. Кули-заде (Баку). Актуальные проблемы современной тюркологии 107

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- А. Дж. Шукюрли (Баку). А. Гурбанов. Азербайжан дилинин ономоложијасы 110
В. Кулиев (Баку). Н. А. Талипов. Общественная мысль в Иране в XIX—начале XX в. 111
Р. Бердибаев (Алма-Ата). Н. Келімбетов. Қазақ әдебиетінің ежелгі дәуірі 115

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

- Т. Меликов (Москва). Новое Лингвистическое объединение в Турции 118

PERSONALIA

- Ф. Ф. Хадыгов (Баку). Гордость азербайджанского языкознания 119

НЕКРОЛОГ

- М. А. Махмудов (Баку). Зарифа Исманл кызы Будагова 121
Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская тюркология» в 1989 году (№ 1—6) 122

C O N T E N T S

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- D. G. Tumasheva, N. I. Irisov (Kazan). Towards the case nature of affixes *-dagy* and *-nyky* 3
I. Kh. Akhmatov (Nalchik). Formal-semantic analysis of indirect-subject sentences in Turkic languages 11

<i>FOLKLOR. LITERATURE. CULTURE.</i>	
<i>N. Mekhtiyev</i> (Baku). Place of Turkic languages in the system of concentric model of medieval muslim culture	18
<i>ETHNOLINGUISTIC RELATIONS</i>	
<i>K. M. Musayev</i> (Moscow). Turkic-Iranian languages in contact	26
<i>Ju. D. Karazhaye</i> (Elkhotovo). On two turkic names of the North Star in Ossetic kosmonymy	36
<i>DISCUSSIONS</i>	
<i>M. I. Trofimov</i> (Osh). Towards the secondary and primary length of vowels in Turkic languages	44
<i>MATERIALS AND REPORTS</i>	
<i>L. K. Filippov</i> (Saratov). The Tatar language in N. G. Chernyshevsky's life	54
<i>V. G. Aliyev</i> (Baku). Periphrastic forms of verb in Azerbaijani	62
<i>HERITAGE</i>	
<i>A. Tagirzade, A. Guliyev</i> (Baku). Professor Gulam Bagirov	70
<i>G. Bagirov</i> (Baku). Unpublished documents from the history of grammatical thought in Azerbaijan	73
<i>TOPICAL INTERVIEW</i>	
The interview with O. O. Suleymenov. Turkology: yesterday, today, tomorrow	83
<i>LETTER TO THE EDITORIAL STAFF</i>	
<i>Z. A. Kuli-zade</i> (Baku). Urgent problems of modern turkology	107
<i>CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY</i>	
<i>A. J. Shukurli</i> (Baku). A. Гурбанов. Азербайжан дилинин ономологијасы	110
<i>V. Kuliye</i> (Baku). Н. А. Талипов. Общественная мысль в Иране в XIX—начале XX в.	111
<i>R. Berdibayev</i> (Alma-Ata). Н. Келімбетов. Қазақ әдебиетінің ежелгі дәуірі	115
<i>SCIENTIFIC AND CULTURAL LIFE</i>	
<i>T. Melikov</i> (Moscow). A new linguistic society in Turkey	118
<i>PERSONALIA</i>	
<i>F. F. Khalygov</i> (Baku). The pride of Azerbaijan linguistics	119
<i>OBITUARY</i>	
<i>M. A. Mahmudov</i> (Baku). Zarifa Ismail kyzy Budagova	121
References of the articles published in «Soviet Turkology» in 1989 (№ 1—6)	122

© «Советская тюркология», 1989 г.

Технический редактор *Б. М. Абдуллаев*

Корректоры: *А. А. Гусейнова, С. Дж. Эфендиева*

Сдано в набор 19.10.89 г. Подписано к печати 08.02.90 г. ФГ 16030. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4,5. Физ. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 8922. Тираж 2200. Цена 1 руб. 10 к.

Адрес редакции: 370143, Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок.
Типография издательства «Коммунист», Метбуат проспекти, 529-й квартал.

Индекс 70927

1 р. 10 к.